

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2012

Внешняя торговля КНР

Российско-вьетнамское
сотрудничество в энергетике

Советско-японское противостояние
и «буддийский фактор» (1927–1945)

Сотрудничество берегов
Тайваньского пролива: достижения,
проблемы, перспективы

Миграция в Республике Корея

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2012

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН
Издается с марта 1972 года

Документы

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия 3
- Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания 8

Политика

- А. Ларин.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы 13
- Ю. Морозов.* Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС 27

Экономика

- Чжао Сить.* Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития 41
- А. Воронин.* Энергетика — материальный фундамент стратегического партнерства России и Вьетнама 56
- Е. Кафурин.* Китай: модернизация в интересах человека 67

Государство и общество

- А. Понамарева, С. Понамарев.* Китайская иммиграция в контексте национальной безопасности России: тенденции и перспективы 96
- В. Самсонова, Е. Ким.* Миграция в Республике Корея: современное состояние, проблемы, перспективы 87

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Э. Пивоварова.</i> К вопросу о «модели» социально-экономического развития КНР.....	99
<i>В. Самарцев.</i> Национальная мощь по-китайски.....	104
<i>В. Балакин.</i> Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии.....	117

ИСТОРИЯ

<i>А. Карпунова.</i> Китайский вопрос на VII пленуме ИККИ: дискуссия в Китайской комиссии (декабрь 1926 г.).....	127
<i>Ф. Ситицын.</i> Советско-японское противостояние и «буддийский фактор» (1927–1945 гг.).....	142
<i>А. Козлов.</i> Опий — важный источник доходов английской колониальной администрации Гонконга в 1900–1941 гг.....	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Портяков.</i> Конференция в Польше по проблемам Восточной Азии.....	161
<i>С. Сазонов.</i> Заседание Круглого стола Института Латинской Америки РАН «Навстречу форуму АТЭС во Владивостоке».....	163
<i>Е. Крапина.</i> Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО. Научная конференция Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН.....	169
<i>А. Виноградов, Т. Лазарева.</i> Десятилетие устойчивого развития — политические итоги. Конференция Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН.....	174

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. Гринюк.</i> Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава.....	180
---	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Проходя отметку «80». Юрию Михайловичу Галеновичу — 80 лет.....	184
Александру Геннадиевичу Юркевичу — 60 лет.....	186
Contents.....	187
Summary.....	189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия

5 июня 2012 года

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао Президент Российской Федерации В.В. Путин с 5 по 6 июня 2012 года посетил Китайскую Народную Республику с государственным визитом. В Пекине состоялись переговоры между главами двух государств, а также встречи В.В. Путина с Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго, Премьером Государственного совета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао, Заместителем Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, Заместителем Премьера Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Кэцяном.

В ходе визита подписан ряд важных межведомственных и межкорпоративных договорных документов в таких областях сотрудничества, как промышленность, гражданская авиатехника, классическая и атомная энергетика, взаимные инвестиции, туризм, связи между наукоградами Сколково и Чжунгуаньцунь, кредитование и страхование экспорта, взаимодействие между средствами массовой информации.

I

Стороны подвели итоги развития российско-китайских отношений с начала нового столетия и выразили удовлетворение значительными успехами, достигнутыми во всех областях сотрудничества.

Стороны будут прилагать усилия для дальнейшего укрепления российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Это отношения взаимной поддержки, совместных усилий для общего процветания, дружбы, передающейся из поколения в поколение. Они основаны на принципах уважения интересов друг друга; права суверенного выбора общественного устройства и пути развития; невмешательства во внутренние дела друг друга; обоюдной поддержки по таким ключевым вопросам, как суверенитет, территориальная целостность и безопасность; взаимной выгоды; отказа от конфронтации. Главы госу-

дарств России и Китая отметили, что такой курс относится к числу важнейших внешнеполитических приоритетов двух государств, отвечает их коренным национальным интересам, способствует развитию и процветанию обеих стран, укреплению мира, безопасности и стабильности в региональном и глобальном масштабах.

Стороны продолжают работу по выполнению утвержденных руководителями двух государств задач по развитию российско-китайских отношений на ближайшие десять лет. В этих целях Стороны договорились о следующем:

поддерживать тесные контакты на высшем и высоком уровнях, совершенствовать межпарламентские, межправительственные и межведомственные механизмы сотрудничества;

завершить выполнение Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (на 2009–2012 годы), разработать и утвердить План действий на 2013–2016 годы;

в рамках российско-китайских консультаций по стратегическим вопросам безопасности наращивать контакты и координацию позиций двух стран по региональным и глобальным проблемам;

последовательно углублять практическое сотрудничество во всех областях, предлагать усилия для увеличения объемов двусторонней торговли до 100 млрд долларов США к 2015 году и до 200 млрд долларов США к 2020 году, в то же время повышая качество торгово-экономического взаимодействия; наращивать кооперацию в области инвестиций, энергетики, высоких технологий, авиастроения, космоса, строительства трансграничной инфраструктуры, сфокусировать усилия на продвижении сотрудничества по крупным стратегическим проектам, расширять межрегиональное сотрудничество и обмена между предпринимательскими кругами;

в целях укрепления социальной основы двусторонних отношений разработать План действий по сотрудничеству в гуманитарной сфере, провести мероприятия в рамках Года российского туризма в Китае в 2012 году и Года китайского туризма в России в 2013 году, содействовать осуществлению регулярных молодежных контактов, в том числе выработать и согласовать механизм обмена молодежными делегациями на ближайшие пять лет, реализовать планы по стажировке в Китае 300 студентов МГУ летом 2012 года, оказывать содействие Российско-Китайскому комитету дружбы, мира и развития, а также другим двусторонним общественным организациям;

в духе дружбы, добрососедства, взаимопонимания, взаимного доверия, равенства и взаимной выгоды углублять взаимодействие в районе общей границы, в том числе по совместной проверке ее линии, реализации мер доверия в военной сфере и взаимного сокращения вооруженных сил в пограничных районах, плаванию по пограничным рекам, осуществлять на них необходимые работы, защищать окружающую среду, способствовать скоординированному развитию приграничных регионов, вести строительство трансграничной инфраструктуры и пограничных пунктов пропуска;

развивать традиционную дружбу между вооруженными силами двух стран и углублять сотрудничество между ними на всех уровнях и во всех сферах, проводить совместные учения, направленные на повышение их возможностей взаимной координации и содействующие региональному миру, безопасности и стабильности;

совершенствовать существующие механизмы взаимодействия по борьбе с трансграничной преступностью, терроризмом и незаконным оборотом наркотиков; расширять сотрудничество по линии органов юстиции и прокуратуры; продолжить рассмотрение вопроса о создании российско-китайской Комиссии по сотрудничеству в сфере правопорядка и безопасности;

в рамках взаимодействия по всему спектру миграционных проблем совершенствовать договорно-правовую базу сотрудничества по облегчению законных контактов граждан двух стран, предупреждению и борьбе с незаконной миграцией;

тесно сотрудничать в обеспечении законных прав и интересов граждан двух государств, в том числе путем расширения сети консульских учреждений на взаимной основе.

II

Стороны отмечают ускорение процессов глубинных изменений в международных отношениях. На фоне дальнейшего усиления взаимозависимости государств углубляется реформа механизмов глобального экономического управления. Непрерывно возрастает роль в мире стран с растущими экономиками, укореняется тенденция развития мира в направлении многополярности. Необходимость противостояния глобальным вызовам современности объективно способствует объединению усилий государств, развитию между ними различных форм взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества.

Стороны считают, что международное сообщество должно прилагать совместные усилия по следующим направлениям:

в политической сфере развивать многоплановое сотрудничество на основе равноправия и взаимного уважения, способствовать утверждению верховенства права в международных отношениях, содействовать их демократизации и углублению полицентричного характера; укреплять главенствующую роль ООН, строго соблюдать Устав ООН и общепринятые принципы и нормы международного права, противодействуя попыткам их ревизии и произвольного толкования, уважать суверенитет и территориальную целостность государств, право народов на самостоятельный выбор общественной системы и пути развития, разрешать противоречия и разногласия путем мирного диалога, противостоять вмешательству во внутренние дела других государств;

в сфере экономики развивать сотрудничество, используя преимущества взаимодополняемости, способствовать экономической глобализации в русле сбалансированности, взаимной выгоды, учета интересов всех членов мирового экономического сообщества, создавать справедливую, открытую, рациональную, недискриминационную систему международной торговли, совместными усилиями реализовывать Цели развития тысячелетия ООН, активно использовать возможности международных и региональных экономических и финансовых организаций, а также потенциал взаимодействия в рамках ООН, «Группы двадцати», БРИКС, ШОС;

в сфере безопасности выстраивать взаимодействие на основе равенства и взаимного доверия; в целях создания справедливого и эффективного механизма поддержания всеобщей, равной и неделимой безопасности отказаться от мышления периода «холодной войны» и блокового противостояния, использования военной силы или угрозы военной силой в обход Устава ООН;

в гуманитарной сфере стремиться к взаимообогащению культур при сохранении национальной самобытности, уважать многообразие культур, способствовать преодолению духовной разобщенности народов и идеологических предубеждений, прилагать усилия для налаживания полноценного межцивилизационного диалога, развивать культурные связи как эффективный инструмент гармонизации международных отношений;

в сфере охраны окружающей среды развивать международное сотрудничество, в том числе с использованием инновационных технологий, направленное на обеспечение устойчивого роста и достижение гармонии человека с природой.

III

Стороны высоко оценили значительные успехи в деятельности Шанхайской организации сотрудничества, достигнутые в период председательства Китая в 2011–

2012 годах. Заметно укрепилась договорно-правовая база сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности и стабильности, развития экономических и гуманитарных связей. Проведение по инициативе Китая Года добрососедства и дружбы способствовало утверждению основополагающих идеалов ШОС, взаимному обогащению культурных традиций народов стран ШОС. Активные совместные усилия по продвижению принципов прочного мира, всеобщего процветания, взаимного уважения позволили значительно повысить авторитет и влияние ШОС.

Стороны убеждены, что заседание Совета глав государств — членов ШОС в г. Пекине придаст качественно новую динамику развитию Организации, станет важным шагом в укреплении роли ШОС в глобальных и региональных делах.

Россия и Китай считают, что дальнейшее углубление сотрудничества в рамках ШОС в интересах обеспечения мира и безопасности в регионе имеет важное значение. В связи с этим Стороны полагают необходимым регулярное проведение консультаций в рамках ШОС по вопросам региональной безопасности с участием государств-наблюдателей и других заинтересованных сторон, в том числе по афганской проблематике.

Россия и Китай будут способствовать активизации экономического сотрудничества по линии ШОС, прежде всего путем осуществления крупных совместных проектов в сфере энергетики и энергосбережения, транспорта, сельского хозяйства, высоких технологий. В целях финансового обеспечения реализации вышеуказанных проектов сотрудничества Россия и Китай будут активно способствовать продолжению работы на экспертном уровне по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счета) и Банка развития ШОС.

Стороны выступают за развитие диалога ШОС с другими заинтересованными государствами и международными организациями, подтверждают приверженность принципу открытости ШОС, придают большое значение стремлению ряда государств войти в состав ШОС, ускорят согласование юридических, финансовых и административных условий приема новых членов.

IV

Россия и Китай подтверждают, что поддержание мира и стабильности на Корейском полуострове, осуществление его денуклеаризации отвечают общим чаяниям всех заинтересованных сторон. Осуществление этой цели имеет важное значение для поддержания мира, стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Стороны решительно выступают против любых действий, наносящих ущерб миру и стабильности на Корейском полуострове, а также не способствующих осуществлению его денуклеаризации, надеются, что заинтересованные государства проявят сдержанность во избежание дальнейшего осложнения ситуации на полуострове. Стороны полагают, что механизм диалога и консультаций является единственным эффективным средством урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Россия и Китай призывают заинтересованные страны к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров, сбалансированному урегулированию озабоченностей каждой из сторон мирными средствами в целях установления долговременной стабильности в данном регионе.

Подтверждая свою твердую поддержку в обеспечении суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики и приверженность целям и принципам Устава ООН, Стороны подчеркивают, что дальнейшее развитие ситуации в Сирии имеет важное значение для мира и стабильности в странах Ближнего Востока и мира в целом, решительно высказываются за необходимость поиска мирного и справедливого урегулирования сирийского кризиса без вмешательства извне посредством прекращения насилия всеми участниками конфликта, налаживания всеобъемлющего политического диалога. Россия и Китай решительно выступают против

попыток внешнего силового урегулирования сирийского кризиса, а также навязывания, в том числе в Совете Безопасности ООН, линии на смену политических режимов. Стороны убеждены в необходимости укрепления консолидированной международной поддержки посреднических усилий Спецпосланника ООН и ЛАГ по урегулированию сирийского кризиса К. Аннана, побуждения всех участников конфликта к немедленному прекращению вооруженного противостояния, всесторонней реализации мирного плана К. Аннана из шести пунктов и соответствующих решений СБ ООН. В связи с этим Россия и Китай приветствуют развертывание в Сирии миссии наблюдателей ООН в полном соответствии с резолюцией 2043 Совета Безопасности ООН.

Стороны призывают сирийское правительство и все оппозиционные группы к незамедлительному началу политического диалога, а также оказанию всемерного содействия нормализации обстановки, восстановлению безопасности и правопорядка на сирийской земле.

Россия и Китай выступают против использования вооруженной силы или угрозы силой, не одобряют оказания на Иран чрезмерного давления и принятия в отношении его односторонних санкций, поддерживают активизацию переговоров по вопросам, связанным с иранской ядерной программой, мирное урегулирование путем диалога и переговоров, выступают за предотвращение развития конфронтации вокруг Ирана, которая чревата серьезными негативными последствиями не только для государств региона, но и для международного сообщества в целом, тем более на фоне общей нестабильности в Афганистане, на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Россия и Китай выступают за становление Афганистана в качестве мирного, стабильного, независимого, развивающегося государства, свободного от терроризма и наркопреступности.

Россия и Китай приветствуют предоставление Афганистану статуса государства-наблюдателя при ШОС.

Россия и Китай считают необходимым сосредоточить усилия на развитии и совершенствовании существующих структур регионального сотрудничества, затрагивающих Афганистан, таких, как ШОС, избегать снижения эффективности взаимодействия в результате появления дублирующих механизмов.

Россия и Китай подчеркивают возрастающее значение Азиатско-Тихоокеанского региона в глобальных делах. Они приветствуют углубление региональной интеграции и многостороннего сотрудничества, констатируя, что этот процесс способствует укреплению полицентричности в международных отношениях, демократизации, поддержанию мира и стабильности в АТР. Отмечая сохранение в АТР множественных вызовов и угроз, преодоление которых требует общих усилий государств региона, Стороны считают своей приоритетной задачей активизацию совместных действий по продвижению российско-китайской инициативы, направленной на формирование в АТР архитектуры безопасности и устойчивого развития, которая бы отвечала общим интересам всех государств региона и гарантировала сохранение стабильной и безопасной среды. Россия и Китай выступают за развитие партнерских связей между различными региональными объединениями, форумами и диалоговыми структурами, включая Шанхайскую организацию сотрудничества, форум «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», Восточноазиатские саммиты, Региональный форум АСЕАН, совещания министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии. Стороны подтверждают готовность тесно координировать усилия в рамках этих и других многосторонних форумов.

Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания

7 июня 2012 года

Главы государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) 6–7 июня 2012 года в Пекине провели заседание Совета глав государств — членов ШОС.

Главы государств-членов констатируют, что в XXI веке происходят сложные процессы трансформации всей системы международных отношений, сопровождающиеся становлением многополярного мироустройства, укреплением региональных основ взаимодействия, глобализацией и растущей взаимозависимостью государств, возрастанием роли информационных технологий.

Перед международным сообществом стоит острая необходимость совместного эффективного противодействия имеющимся глобальным вызовам. Мировая экономическая ситуация по-прежнему остается сложной, характеризуется нестабильностью и неопределенностью. Сохраняются угроза повторения масштабного финансово-экономического кризиса, проблемы терроризма, незаконного оборота наркотиков, трансграничной преступности, диспропорций развития, дефицита продовольствия, изменения климата, опасность распространения ОМУ, возникновения региональных и локальных конфликтов.

Шанхайская организация сотрудничества, выражая общее стремление народов государств-членов, продолжает успешно действовать в интересах мира, сотрудничества и развития. Реализация на практике принципов «шанхайского духа» — взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия, взаимных консультаций, уважения многообразия культур, стремления к совместному развитию, способствовала формированию эффективной модели межгосударственных отношений дружбы и сотрудничества.

Организация, объединяя усилия государств-членов, стала гарантом мира и поступательного развития, обеспечивает безопасность, стабильность и развитие на пространстве ШОС, решительно противостоит терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков и трансграничной организованной преступности, развивает региональное сотрудничество, укрепляя отношения добрососедства и доверия.

Государства-члены последовательно прилагают усилия по укреплению доверия в военной области в районе границы и принимают необходимые меры во избежание пограничных споров на благо мира, спокойствия и стабильности.

Государства-члены будут и впредь укреплять сотрудничество в рамках Организации для выведения его на новый уровень и превращения пространства ШОС в регион долгосрочного мира, дружбы, процветания и гармонии.

В этих целях главы государств-членов заявляют следующее.

I

Государства-члены призывают международное сообщество к мирному сосуществованию и диалогу цивилизаций, взаимопониманию и совместному устойчивому развитию, уважению национальных традиций и культурных ценностей, укреплению международных отношений, основанных на общепризнанных нормах и принципах международного права.

Государства-члены продолжают последовательное развитие и углубление отношений между ними, строго соблюдая Устав ООН, Хартию ШОС и Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов Организации, а также другие международно-правовые акты, участниками которых они являются.

Государства-члены строят свои отношения на взаимном уважении суверенитета, независимости, территориальной целостности и самостоятельного выбора общественного строя и пути развития, невмешательства во внутренние дела друг друга. Они поддерживают усилия каждого из них по обеспечению стабильности внутри государств, развитию национальных экономик.

Государства-члены не участвуют в союзах или объединениях, направленных против других государств-членов, предпринимают все меры для разрешения вопросов, возникающих между ними, а также с другими государствами, политико-дипломатическими средствами в соответствии с международным правом.

II

Государства-члены считают необходимым продвигать в международных отношениях новые подходы в вопросах обеспечения безопасности на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства и взаимодействия, создавать пространство неделимой безопасности в мире с учетом интересов всех без исключения государств.

Одностороннее и ничем не ограниченное наращивание ПРО одним государством или группой государств способно нанести ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. Связанные с этим проблемы необходимо урегулировать политико-дипломатическими усилиями всех заинтересованных государств. Государства-члены убеждены, что невозможно обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других.

Государства-члены, выступая за построение безъядерного мира, строго соблюдают Договор о нераспространении ядерного оружия. ШОС призывает все государства, обладающие ядерным оружием, подписать соответствующие протоколы к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, а также способствовать ее практическому формированию.

Государства-члены выступают за обеспечение безопасности деятельности в космическом пространстве, его использование в мирных целях, предотвращение размещения оружия в космосе, продвижение проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также содействие разработке и внедрению в международную практику мер транспарентности и доверия в космической деятельности.

Государства-члены будут стимулировать построение мирного, безопасного, справедливого и открытого информационного пространства, основываясь на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Они будут противодействовать использованию информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва политической, экономической и общественной безопасности государств-членов, пресекать пропаганду идей терроризма, экстремизма и сепаратизма с использованием глобальной сети Интернет.

III

Государства-члены считают, что региональные проблемы необходимо решать посредством консультаций между государствами данного региона и международными организациями. Конкретные формы и механизмы взаимодействия в обеспечении безопасности и стабильности в регионе определяются расположенными в нем государствами.

В случае возникновения ситуации, ставящей под угрозу мир, стабильность и безопасность какого-либо государства — члена ШОС или региона в целом, государства-члены в соответствии с действующими документами Организации предпринимают политико-дипломатические меры для своевременного и надлежащего реагирования.

Государства-члены продолжают укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество в рамках совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия, иными видами трансграничной преступной деятельности, незаконной миграцией, а также другими новыми вызовами и угрозами безопасности.

Государства-члены выступают за построение в Афганистане независимого, нейтрального, мирного, процветающего государства, свободного от терроризма и наркопреступности. Они считают, что национальное примирение в Афганистане должно осуществляться под руководством афганцев и самими афганцами. Государства-члены поддерживают центральную координирующую роль ООН в международных усилиях по афганскому урегулированию и будут предоставлять содействие афганскому народу в восстановлении страны. В этой связи государства-члены приняли решение предоставить Афганистану статус наблюдателя при ШОС.

Государства-члены выражают глубокую озабоченность ситуацией на Ближнем Востоке и в Северной Африке, искренне надеются на достижение мира, стабильности, процветания и прогресса в этом регионе. Они призывают мировое сообщество уважать основные принципы Устава ООН и нормы международного права, уважать самостоятельный выбор государств и народов данного региона, содействовать снятию региональной напряженности. Государства — члены ШОС выступают против военного вмешательства в дела данного региона, принудительного форсирования «передачи власти», применения односторонних санкций.

Государства — члены ШОС подчеркивают необходимость прекращения любых видов насилия на территории Сирии, откуда бы оно ни исходило, уважают широкий общенациональный диалог, основанный на независимости, территориальной целостности и суверенитете Сирии. Они приветствуют одобренные Советом Безопасности ООН усилия по политическому урегулированию кризиса, полагают, что мирное разрешение сирийской проблемы путем политического диалога отвечает общим интересам сирийского народа и международного сообщества.

Государства-члены выражают серьезную озабоченность складывающейся ситуацией вокруг Ирана, являющегося наблюдателем при ШОС. Они считают, что любые попытки решить иранскую проблему силовыми методами неприемлемы и ведут к непредсказуемым последствиям, угрожающим стабильности и безопасности в регионе и в мире в целом. Призывают все стороны проявлять максимальную сдержанность, избегать заявлений и действий, способных привести к дальнейшей конфронтации.

Государства-члены считают, что все страны должны руководствоваться целями и принципами Устава ООН и нормами международного права, выступают за строгое выполнение соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Они поддерживают запуск процесса устойчивого диалога между «шестеркой» и Ираном с целью урегулирования иранской ядерной проблемы политико-дипломатическими методами путем диалога и переговоров между заинтересованными сторонами. Государства-члены ожидают, что

Иран как ответственный член международного сообщества будет играть важную роль в деле обеспечения мира и процветания.

IV

Государства-члены, руководствуясь национальными приоритетами социально-экономического развития, намерены последовательно, при взаимной поддержке, наращивать экономические потенциалы на основе модернизационного и инновационного роста, интенсифицировать обмен опытом и деловые контакты.

Государства-члены убеждены, что процесс экономической глобализации должен способствовать построению сбалансированных, взаимовыгодных, справедливых, эффективных и недискриминационных торговых отношений в интересах всех стран мира.

Государства-члены будут и впредь вносить вклад в совместные усилия международного сообщества по преодолению последствий мирового финансово-экономического кризиса и достижению устойчивого роста мировой экономики.

Государства-члены будут углублять и совершенствовать взаимовыгодное региональное экономическое сотрудничество, содействовать созданию благоприятных условий для торговой и инвестиционной деятельности, реализации совместных крупномасштабных инвестиционных проектов, в том числе с привлечением потенциала государств-наблюдателей и партнеров по диалогу.

Государства-члены считают целесообразным в дальнейшем способствовать сотрудничеству в приграничных районах и сопредельных регионах государств — членов Организации, активизировать взаимные контакты между ними в целях совместного использования результатов экономического развития.

Государства-члены прилагают усилия к обеспечению энергетической безопасности на пространстве ШОС.

Государства-члены придают большое значение развитию транспортной инфраструктуры, призванной стать связующим звеном между Европой и Азией, формированию соответствующих международных транспортных коридоров и повышению эффективности взаимодействия различных видов транспорта. Они намерены и далее стимулировать сотрудничество в решении этих задач.

Государства-члены в соответствии со своим законодательством и принятыми на себя международными обязательствами гарантируют социально-экономические права и интересы проживающих на их территориях граждан других государств-членов.

V

Условиями успешного развития региона ШОС является мир, международная безопасность и стабильность, а также последовательные усилия по построению справедливого и демократического миропорядка.

ООН должна играть ведущую роль в поддержании международного мира и безопасности, стимулировании совместного созидательного развития, интенсификации взаимовыгодного международного сотрудничества. Государства — члены ШОС подтверждают поддержку реформированию ООН с целью повышения результативности её деятельности и укрепления возможностей по своевременному и эффективному реагированию на вызовы и угрозы.

Заинтересованные государства должны продолжать консультации для поиска комплексного подхода к решению вопроса о реформировании Совета Безопасности ООН с учётом взаимных интересов и озабоченностей и достижения максимально широкого согласия. В целях сохранения единства членов ООН не следует устанавливать искусственные временные ограничения на переговорный процесс, а также преждевременно выносить на обсуждение какие-либо проекты, в том числе вычленяющие отдельные аспек-

ты переговорного процесса, не пользующиеся на данном этапе поддержкой подавляющего большинства стран-членов.

Государства-члены намерены уделять внимание вопросам дальнейшего развития отношений дружбы и плодотворного взаимодействия с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС, а также с международными и региональными организациями, с которыми подписаны соответствующие документы. Будет также налаживаться диалог с другими организациями и объединениями, разделяющими основные принципы и задачи ШОС.

С удовлетворением отмечая растущий интерес международного сообщества к установлению связей с ШОС, государства-члены приветствуют присоединение Турецкой Республики к сотрудничеству в рамках ШОС в качестве партнера по диалогу.

VI

Государства-члены подчёркивают, что ШОС, руководствуясь «шанхайским духом» и будучи важным субъектом и конструктивным фактором международных отношений, стала примером для межгосударственного и регионального сотрудничества в XXI веке.

Государства-члены, опираясь на дружбу, партнерство и гармонию в регионе, будут и далее способствовать укреплению мира, справедливости и демократии, формированию основ полицентричности во всём мире, стимулировать прогресс и процветание всех государств и человечества в целом.

Политика

Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы

© 2012

А. Ларин

С приходом Гоминьдана к власти на Тайване отношения острова с материком вступили в новую фазу, отличающуюся качественным углублением экономической интеграции, расширением контактов и существенным улучшением общей политической атмосферы. Основой прогресса служит признание сторонами «консенсуса 1992 года». Обсуждается идея заключения мирного соглашения, однако препятствием здесь является неоднозначное отношение к ней на Тайване а, возможно, и в китайском руководстве. США не заинтересованы в движении Тайваня к «независимости», хотя не отказываются от продажи ему военной техники. В целом мирное развитие отношений между берегами Тайваньского пролива отличается достаточной стабильностью.

Ключевые слова: Гоминьдан, Тайваньский пролив, межбереговая торговля, рамочное соглашение.

Достижения

Итак, в январе 2012 г. на всеобщих выборах на Тайване победу одержал Гоминьдан. Президентское кресло¹ сохранил за собой на второй срок его представитель Ма Инцзю, выиграв 6% голосов у своей соперницы из Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь. В Законодательной палате Гоминьдан удержал большинство мест, однако несколько ухудшил свое положение по сравнению с тем, что было до выборов, тогда как ДПП, наоборот, увеличила свое представительство².

В целом ДПП отстала незначительно. Избирательная кампания прошла в напряженной борьбе, с острыми публичными дебатами кандидатов и массовыми митингами в их поддержку. До последнего момента оставалось неясным, кто возьмет верх. Результаты социологических опросов, проводившихся по несколько раз в месяц различными СМИ и исследовательскими центрами, складывались в пеструю, постоянно меняющуюся картину, разрыв между результатами двух кандидатов не превышал нескольких процентов, а иногда и вовсе исчезал³.

Что же позволило Гоминьдану с союзными ему малыми партиями — так называемым «синним» — получить преимущество над «зелеными» — ДПП и ее младшими партнерами? А главное, каковы итоги четырехлетнего пребывания Гоминьдана у власти, и какой может быть политика Тайбэя в ближайшем будущем? В первую очередь нас, как

и большинство других экспертов в Китае и вне его, интересуют состояние и перспективы взаимоотношений между материковым Китаем и Тайванем — на этой теме мы и сосредоточимся в настоящей статье.

Напомним, что в течение 2000–2008 гг. управление Тайванем находилось в руках ДПП — носителя радикальной идеологии, проводившего курс на провозглашение независимости Тайваня от КНР, вследствие чего отношения между берегами Тайваньского пролива (ниже для краткости мы будем их называть «отношениями в проливе», или «черезпроливными», или «межбереговыми») пребывали в состоянии перманентной напряженности. Пекин неоднократно одергивал Тайбэй и напоминал о своей готовности в критической ситуации прибегнуть к силе.

С момента прихода к власти Гоминьдана в 2008 г. отношения в проливе резко изменились в лучшую сторону, поскольку Гоминьдан решительно отвергает радикально-сепаратистские идеи своих оппонентов и в противоположность им провозглашает приверженность принципу «одного Китая». Для Пекина этот принцип является водоразделом, отмежевывающим партнеров и друзей от политических противников. Подводя итоги своего первого четырехлетнего президентского срока, Ма Инцзю имел все основания утверждать, что отношения с материком за последние шестьдесят лет при нем улучшились⁴.

Определенных успехов добился Гоминьдан и во внутренних делах, несмотря на глобальный экономический кризис и ущерб, причиненный в 2009 г. тайфуном «Моракот», из-за воздействия которых в 2008 г. ВВП Тайваня вырос всего на 0,73%, а в 2009 г. даже снизился на 1,9%. Благодаря усилиям правительства в 2010 г. ВВП увеличился на 10,8%, а в 2011 г. — на 10,72%, и этот показатель стал вторым в Азии и четвертым в мире. Инфляция в 2011 г. снизилась до 1,5%, а безработица — до 4,3%⁵. Был принят целый ряд мер с целью поднять благосостояние населения, на социальные нужды из бюджета было потрачено больше средств, чем когда-либо прежде. В сфере экологии в 2010 г. впервые удалось снизить выбросы углекислого газа и опустить до исторического минимума загрязнение воздуха. В качестве одного из достижений своей команды Ма назвал создание «чистого и эффективного правительства», занявшего высокое место в международных рейтингах конкурентоспособности, эффективности и свободы от коррупции⁶.

Кое-какие достижения, пусть гораздо более скромные, имели место и на международной арене. В соответствии с принципом «одного Китая» Ма отказался от ежегодно предпринимавшейся прежде подачи петиций с просьбой о приеме в ООН (или, как считали в Тайбэе, восстановлении членства Китайской Республики, бывшей одним из основателей Организации Объединенных Наций). Это заявки, поддерживаемые в ООН только небольшой группой малых государств, сохранявших дипломатические отношения с Тайванем, заведомо были обречены на неудачу. Они имели своей целью лишь обозначить притязания тайбэйских лидеров на статус Тайваня как независимого государства, что, естественно, с раздражением воспринималось в Пекине. Перестав стучаться в двери ООН, Ма Инцзю получил взамен от руководителей КНР молчаливое согласие несколько раздвинуть стенки ниши, занимаемой Тайванем в международном сообществе. А именно, Тайвань приобрел возможность принять участие в работе Всемирной организации здравоохранения в качестве «официального наблюдателя» под именем «Китайский Тайбэй», а также участвовать — и стать победителем — в конкурсе на право принять у себя в 2017 г. Всемирные студенческие игры — Универсиаду. Тайбэйские лидеры подписали соглашения о безвизовом или льготном визовом режиме с 54 странами и территориями, в результате чего число таких стран достигло 124.

Однако наиболее впечатляющий прогресс имел место в развитии отношений с материком. Необходимо подчеркнуть, что он явился результатом усилий обоих берегов пролива и принес им обоим как экономические, так и политические выгоды.

Межбереговая торговля, вопреки напряженным политическим отношениям, начала развиваться еще в конце 1980-х гг., позже к ней присоединилась предпринимательская

деятельность тайваньских бизнесменов на материке, и в 2000-х гг. хозяйственное взаимодействие берегов стало все чаще характеризоваться как экономическая интеграция. Готовность Пекина пойти дальше по этому пути и, более того, существенно диверсифицировать формы сотрудничества проявилась особенно отчетливо после того, как Ху Цзиньтао стал Генеральным секретарем ЦК КПК (2002 г.) и Председателем КНР (2003 г.). Он произвел перестановки на ключевых постах в структурах, ведающих тайваньскими делами, и поставил задачу «перехода от пассивной политики к активной, от противостояния чиновников — к курсу “тащить дракона всем миром”»⁷. Политика Пекина была переориентирована на завоевание симпатий всего населения острова. В кругах специалистов по обе стороны пролива это направление было обозначено формулой: «возлагать надежду на народ».

В основу курса на неформальное сближения с Тайванем легли идеи национального единства всех китайцев по обе стороны Тайваньского пролива в противовес сепаратистской концепции «тайваньской идентичности». Отсюда следовала обязанность правительства КНР заботиться обо всех соотечественниках, в том числе и о жителях Тайваня. Излагая в 2006 г. свои соображения о развитии отношений через пролив, Ху Цзиньтао заявил: «Конечной целью мирного развития отношений между двумя берегами является благосостояние соотечественников по обе стороны пролива»⁸. Принятый годом раньше «Закон о противодействии расколу государства» помимо недвусмысленных предостережений в адрес сторонников «независимости Тайваня» намечал направления, по которым правительство КНР намеревалось развивать связи с тайваньской стороной. КНР предложила налаживание прямых связей через пролив; обмена в области образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта; меры для продвижения тайваньской сельскохозяйственной продукции на рынки южного Китая, сотрудничество в сфере трудовых услуг и т.п.

XVII съезд КПК (октябрь 2007 г.) закрепил курс на активное сближение с Тайванем. «Мы готовы осуществлять обмены, диалог, консультации и переговоры с любой политической партией Тайваня по любому вопросу, если только она признает, что обе стороны пролива принадлежат одному и тому же Китаю», — заявил на съезде Ху Цзиньтао⁹.

Таким образом, с середины «нулевых» годов китайские руководители стали энергично демонстрировать Тайваню свою готовность к самому широкому сотрудничеству. С 2005 г. руководители КНР начали приглашать в Пекин лидеров Гоминьдана и других партий, признающих «принцип одного Китая». Надо полагать, все это сыграло не последнюю роль в победе на выборах 2008 г. команды Ма Инцзю — события, с которого в межбереговых отношениях начался новый этап.

Исторически его можно рассматривать как закономерный итог многолетней эволюции этих отношений, начавшейся еще в 80-х годах прошлого века. В значительной мере он был подготовлен теми шагами, которые были предприняты при предыдущем президенте Чэнь Шуйбяне (2000–2008 гг.), однако приверженность последнего идеям «независимости» Тайваня тормозила сотрудничество берегов, ставила его в жесткие рамки. Смена управляющей команды в Тайбэе позволила расширить эти рамки; кроме того, сближению сторон способствовал экономический кризис 2008–2009 гг.: он болезненно отразился на экономике Тайваня (падение экспорта, сокращение промышленного производства, рост безработицы), а Пекин с охотой пошел на увеличение масштабов экономического сотрудничества. Объем экспорта на материк, сократившийся в 2009 г., в последующие годы непрерывно рос высокими темпами.

Кроме того, Пекин разработал серию мер, специально направленных на облегчение положения тайваньского бизнеса. В нее вошли закупка тайваньской продукции, поощрение участия тайваньских фирм в инфраструктурном строительстве на материке, развитие выездного туризма на Тайвань.

Таблица 1.

Экспорт Тайваня в материковый Китай (млрд долл)

2008	2009	2010	2011
66,68	54,25	76,93	83,96

Источник: Гоцзи маои цзюй. Чжунхуа минь го цзинь чу коу маои тунцизи [Бюро внешней торговли. Торговая статистика Китайской Республики. Импорт и экспорт]. URL: <http://cus93.trade.gov.tw/FSCI/> (По данным КНР, в 2011 г. объем тайваньского экспорта на материк составил 124,92 млрд долл. США с приростом на 7,9%, а весь товарооборот — 160,03 млрд ам. долл., увеличившись на 10,1% по сравнению с 2010 г.)¹⁰

Назовем наиболее важные новые компоненты нынешнего этапа межберегового экономического сотрудничества.

(1) Был сделан прорывной шаг — с ноября 2008 г. открыты долгожданные прямые связи через пролив: авиа-, морское и почтовое сообщение. Частота авиарейсов достигла 270 в неделю, т.е. по сути дела между берегами был выстроен воздушный мост.

Напомним, что еще на рубеже 1970–1980-х гг. лидеры КНР, провозгласив курс на мирное решение тайваньской проблемы, предложили Тайбэю напрямую наладить «сань тун» — «три вида связей» (торговые, транспортные и почтовые) между берегами Тайваньского пролива. Гоминьдан отверг это предложение и выдвинул принцип «трех нет»: нет — контактам, переговорам и компромиссам с коммунистами. Иными словами, тайваньские власти предпочли наглухо отгородиться от остального Китая. Позже межбереговые экономические связи начали интенсивно развиваться, однако, осуществлялись они не напрямую, а окольными путями, в основном через Гонконг. Запрет на прямые связи больно бил по тайваньскому бизнесу, и в 1990 г. тайваньские лидеры предложили отменить его, мало того, «оказать щедрую помощь соотечественникам на материке», если Пекин обязуется не применять силу против Тайваня и признает его равноправным с собою субъектом. Руководителей КНР цена, естественно, не устроила, но экономической обмен, тем не менее, продолжал расти.

Вопрос о прямых связях вновь встал в повестку дня в начале 2000-х гг., но теперь камнем преткновения стал принцип «одного Китая». Пекин, выражая готовность открыть прямые связи, требовал считать их установление «внутренним делом» Китая и решать его посредством переговоров между соответствующими компаниями обеих берегов, а кораблям — не поднимать государственные флаги. Тайбэй же, возглавляемый представителем ДПП — апологетом тайваньской «независимости» Чэнь Шуйбянем, отвергал это условие, рассматривая его как завуалированную форму принципа «одного Китая» и, таким образом, дело оставалось в подвешенном состоянии. В итоге все свелось к налаживанию так называемых «малых прямых связей» — транспортного сообщения между материком и расположенными вблизи него островами Цзиньмэнь, Мацзу и Пэнху, находящимися под управлением тайваньской администрации. Только переход руля управления в Тайбэе в руки Гоминдана в 2008 г. позволил поставить точку в этом жизненно важном для Тайваня вопросе.

(2) Были ослаблены ограничения на инвестиции тайваньских компаний на материке. Прежний потолок, зависевший от величины чистых активов компании и составлявший от 20% до 40% их стоимости, теперь был повышен до 60% для всех компаний¹¹. Получили доступ на материк финансовые институты Тайваня. По состоянию на конец декабря 2011 г. в континентальном Китае насчитывалось в общей сложности 85772 проекта с участием тайваньских инвестиций. Общий объем фактически использованных тайваньских капиталов составил 54,2 млрд долл США, что составило 4,6% от общего объема зарубежных инвестиций, привлеченных континентальным Китаем¹².

(3) Тайваньские власти решили ослабить существующие для китайских компаний запреты и ограничения на инвестиции в тайваньскую промышленность, размещение средств в тайваньских банках и приобретение собственности на острове. До июня 2009 г. капиталы с материка не допускались на Тайвань; теперь для них открыты 64 сегмента тайваньской промышленности — это 30% всех ее сегментов — и 11 областей инфраструктурного строительства с тем условием, что при строительстве аэропортов и морских портов доля материковых компаний не будет превышать 50% суммарных инвестиций¹³.

Таким образом, если прежде только тайваньские компании работали на материке, то теперь начался процесс взаимопроникновения сторон на рынки друг друга:

(4) Было заключено имеющее принципиально важное значение так называемое Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (РСЭС — на обоих берегах его часто обозначают английской аббревиатурой ECFA — Economic Cooperation Framework Agreement). Оно было подписано в июне 2010 г., что символично, в Чунцине, где Гоминьдан и Компартия подписали в 1937 г. документ о совместной борьбе против японских захватчиков. Министерство торговли КНР заявило, что «Рамочное соглашение «открыло новую эру в отношениях чрез пролив»¹⁴. Основной смысл соглашения состоит в следующем.

Последние годы страны АТР стали создавать сеть преференциальных экономических отношений друг с другом, заключая соответствующие соглашения и образуя зоны свободной торговли. Наиболее продвинутые в этом отношении страны участвуют в двух-трех десятках соглашений о свободной торговле, в том числе Китай — в двадцати двух. Тайвань же — всего в семи¹⁵. Дело в том, что его специфический международный статус, а, возможно, и негласные предостережения со стороны Пекина заставляют региональных игроков держаться в некотором отдалении от Тайбэя, который, таким образом, оказывается окруженным высокими таможенными барьерами, теряет конкурентоспособность и оттесняется на обочину процесса регионализации. Вступившее в силу 1 января 2010 г. соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН+Китай делает положение Тайваня на рынках этих стран чрезвычайно уязвимым.

Рамочное соглашение существенно снижает таможенные барьеры между берегами Тайваньского пролива, уравнивая таким образом позиции Тайваня на китайском рынке с позициями его конкурентов — стран АСЕАН и Южной Кореи. Первый этап Рамочного соглашения, так называемая «программа раннего урожая», предусматривал снижение тарифов на экспорт 539 видов продукции с Тайваня на материк (с 1 января 2011 г.) и 267 видов товаров — с материка на Тайвань. В соответствии с этой программой в 2010 г. власти на материке разрешили тайваньским фирмам работать в 11 секторах сферы обслуживания, включая бухгалтерский учет и банковские операции. Для капиталов с материка, прежде не имевших доступа на Тайвань, были открыты 9 секторов сферы обслуживания¹⁶.

С января 2012 г. началась вторая фаза реализации Рамочного соглашения, в течение которой тарифы на 94% ассортимента тайваньских товаров и услуг должны быть приведены к нулевому уровню, на остальные 30 наименований 15-процентные ставки должны быть снижены до 5%¹⁷. Стоит отметить, что Рамочное соглашение почти не касается тайваньских электронных изделий, которые входят в качестве компонентов в компьютеры и другие информационные устройства, поставляемые на мировые рынки под китайскими брендами. Такие изделия ввозятся на материк по минимальным ставкам в 0,58%. Главный объект Рамочного соглашения — это традиционные статьи тайваньского экспорта в Китай: продукция нефтехимической промышленности, тяжелого машиностроения, сталеплавильной, автомобильной, текстильной и других отраслей промышленности¹⁸.

Благодаря РСЭС за первые 11 месяцев 2011 г. Тайвань, экспортировав на материк товары на 3,45 млрд ам. долл., выиграл на снижении тарифов 102 млн ам. долл.¹⁹ Наиболее впечатляющий рост экспорта коснулся сельскохозяйственной и станкостроительной продукции. По оценкам тайваньского Совета по проблемам труда, заключение

РСЭС дает прирост ВВП на 0,75% и 125 тыс. новых рабочих мест, тогда как в противном случае произошло бы снижение ВВП на 0,2% и потеря 47 тыс. рабочих мест²⁰.

Далее, на Тайване надеются, что появление Рамочного соглашения «увеличит возможность заключения соглашений о зонах свободной торговли между Тайванем и другими государствами, стимулирует торговлю между ними, а тем самым позволит сосредоточить зависимость Тайваня от определенных государств и районов»²¹. Прежде всего, здесь речь идет о торговле со странами АСЕАН, но отнюдь не только о них. Показательно в этом смысле заявление министра экономики Тайваня: «Рамочное соглашение не только укрепит наши связи с Китаем, это еще и ключ к вхождению Тайваня в мировой рынок»²². Действительно, за год после заключения РСЭС 27 европейских, японских и американских корпораций подписали с Министерством экономики Тайваня документы о намерениях инвестировать в экономику острова в общей сложности 3,73 млрд ам. долл.²³ Некоторые китайские эксперты полагают, что в зоне АСЕАН тайваньские предприятия смогут кооперироваться с материковыми с целью увеличения инвестиций²⁴.

(5) Было принято решение форсировать развитие новой экономической зоны в провинции Фуцзянь²⁵, созданной как экспериментальный проект с прицелом на привлечение тайваньских инвестиций и, возможно, на экономическое сращивание с Тайванем по модели Шэньчжэнь — Сянган.

Прогресс в межбереговых отношениях, однако, не ограничился сферой экономики. В 2009 г. после десятилетнего перерыва главный канал связи материка и острова — переговоры квазиправительственных организаций: Ассоциации связей через пролив и Фонда обменов через пролив — возобновил свою работу и приобрел характер постоянного консультационного механизма. (Переговоры были прерваны Пекином в 1999 г. в знак протеста против выдвижения тайваньскими руководителями так называемой «концепции двух государств»). Стало развиваться сотрудничество административных структур, включающее в себя взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью, функционирование «горячей линии» в целях оказания срочной медицинской помощи, совместные учения морских спасательных служб и т.п. Было заключено около двух десятков соглашений.

В 2011 г. тайваньские университеты впервые открыли двери для студентов с материка, число которых в тот же год приблизилось к 1000²⁶.

Количество туристов с Тайваня, посетивших материк в 2010 г., составило 5,1 млн чел.²⁷ В том же году на Тайване побывали 1,23 млн туристов с материка, что означало прирост в 127% по сравнению с предыдущим годом²⁸. С июля 2010 г., когда туристам с материка было разрешено посещать Тайвань, их число достигло 3,27 млн чел.²⁹

Вообще на берегах Тайваньского пролива воцарилась небывалая прежде атмосфера, пусть и сдерживаемая недостатком доверия и наличием серьезных нерешенных проблем. Приметами нового времени стали частые и разнообразные двусторонние форумы, обмены визитами, культурные мероприятия и т.д., широко освещаемые в СМИ. Характерно, что дебаты кандидатов в президенты впервые можно было видеть через Интернет на материке. Специалисты неожиданно для себя обнаружили, что «тайваньская массовая культура входит в моду в континентальном Китае, где во многих городах возникают «Тайваньские улицы», а Тайвань становится образцом для подражания в развлекательной индустрии»³⁰.

Руководители КНР демонстрируют максимальное уважение к тайваньскому партнеру, в их поведении нет ни тени великодержавной снисходительности, они настойчиво убеждают тайваньцев, что не ищут для материка особых выгод, а движет ими забота об общем благе обоих берегов пролива. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил: «Мне 67 лет, но я мечтаю посетить Тайвань. Если я не смогу идти, я попользу на Тайвань»³¹. В диалоге с партнером, страдающим комплексом неполноценности, такой стиль дипломатии особенно ценен.

Проблемы и перспективы

Принцип «одного Китая», послуживший идеологической основой радикального улучшения отношений через пролив, был признан сторонами в форме так называемого «консенсуса 1992 г.», сложившегося исторически в результате поиска компромисса, который позволил бы вчерашним врагам сосуществовать и взаимодействовать на китайской земле.

С момента эвакуации сторонников Чан Кайши на Тайвань в 1949 г. и Гоминьдан, и КПК придерживались принципа «одного Китая», вкладывая в него, однако, совершенно различное содержание: для Компартии это была Китайская Народная Республика с Тайванем в качестве одной из ее провинций; для Гоминьдана — возникшая в Китае еще в 1911 г. и с самого начала управляемая им Китайская Республика. Для каждой из сторон вторая интерпретация была абсолютно неприемлемой, враждебной, подлежащей ликвидации. Однако к началу 1990-х гг. позиции сторон претерпели существенные изменения. Лидерами КНР уже был взят курс на мирное решение тайваньской проблемы и разработана концепция «одно государство, два строя», предусматривающая объединение Тайваня с материком при сохранении на острове общественно-экономической и административной систем. Гоминьдан же к этому времени отказался от утопических планов военного реванша и в 1991 г. отменил введенный еще в 1948 г. «период всеобщей мобилизации для подавления коммунистического мятежа».

Это поставило тайбэйских лидеров перед необходимостью новой идентификации Тайваня и побудило дать принципу «одного Китая» обновленное истолкование: Китай остается единым, если его понимать как «Китай в историческом, географическом и культурном смысле». Как единое государство Китай существовал в прошлом и возродится в будущем. Вместе с тем, после Второй мировой войны Китай находится в состоянии раскола, поскольку на его территории «существуют два политических субъекта: Китайская Народная Республика на материке и Китайская Республика на Тайване». В ответ Пекин обвинил лидеров Гоминьдана в проведении сепаратистской политики, прикрываемой объединительной риторикой, и предупредил, что не остановится перед применением силы, «чтобы исключить вмешательство других стран и для противодействия раскольническим элементам»³². Тем не менее, новый подход сторон друг к другу позволил им существенно снизить напряженность в Тайваньском проливе и заметно продвинуться вперед в развитии взаимных связей. В 1990 г. на Тайване был создан квазиправительственный Фонд обменов через пролив. На следующий год аналогичный орган — Ассоциация связей через пролив — возник в Пекине. Начались регулярные встречи между их представителями, результатом которых и стал «консенсус-92».

Консенсус держался в секрете, и Пекин стал публично упоминать о нем лишь после того, как в 2000 г. президентом на Тайване был избран один из апологетов «независимости» Тайваня Чэнь Шуйбянь. Руководители КНР настойчиво, но безуспешно требовали, чтобы новый тайваньский лидер признал его. Судя по прессе, консенсус трактовался как достигнутая в 1992 г. обеими сторонами договоренность «устно и по отдельности» заявить о согласии с принципом «одного Китая», признавая при этом наличие «разных интерпретаций»³³. Перешедший в результате выборов 2000 г. в оппозицию Гоминьдан подтверждал наличие такой договоренности. Чэнь Шуйбянь же заявил, что «консенсус 1992 г.» — это «сфабрикованный термин, такого консенсуса не существует»³⁴, иначе, мол, о нем было бы известно с самого начала, и стал строить свою политику на идее «независимости Тайваня», чем привел отношения через пролив в состояние перманентной напряженности. Так продолжалось до тех пор, пока возвращение Гоминьдана к власти в результате выборов 2008 г. не создало условия для разворота межбереговых отношений в конструктивное русло. При этом «консенсус-92» если не фиксирует, то, по крайней мере, дает по умолчанию каждой стороне право иметь собственную точку зрения на «принцип одного Китая», и тем самым открывает возможность идти дальше в развитии мирных отношений через пролив.

Однако присутствие в политической жизни Тайваня мощной по местным меркам, достаточно популярной Демократической прогрессивной партии с ее идеями «независимости» Тайваня ставит под вопрос стабильность этого процесса. ДПП предъявляет главе нынешней администрации Ма Инцзю целый ряд серьезных обвинений, в том числе: в отношениях с материком он жертвует интересами и суверенитетом Тайваня, и подписанное им Рамочное соглашение ставит Тайвань в сверхзависимость от большого партнера; экономические связи через пролив идут не на пользу жителям острова; происходящий вынос производств на материк и в другие страны оборачивается для Тайваня опустошением промышленности и высоким уровнем безработицы и т.д. Следует, как считает ДПП, сформировать новый — «тайваньский консенсус», который учитывал бы волю жителей острова, а затем, исходя из его положений, «консенсус двух берегов»³⁵.

(Стоит заметить, что кандидат от ДПП на выборах 2012 г. г-жа Цай Инвэнь является автором упоминавшейся выше «концепции двух государств», выдвигание которой в 1999 г. вызвало обострение отношений между Пекином и Тайбэем).

Сила ДПП проистекает, во-первых, из ее традиционно большего, чем у Гоминьдана, внимания к социальным проблемам населения; во-вторых, из того обстоятельства, что она является выразителем весьма значимой в местном обществе тенденции «тайваньской идентичности» — представления о том, что обитатели Тайваня являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой. Ощущение «тайваньской идентичности» исторически сложилось на острове как результат его окраинного положения в государстве, оторванности от страны в период японского колониального господства, наконец, как следствие конфликтов между гоминьдановским диктаторским режимом и местным населением после окончания Второй мировой войны. С конца XX в. «тайваньская идентичность» стала подпитываться ростом благосостояния населения и привычкой жить в условиях демократических свобод. Гоминьдан в это время стал «тайванизироваться», однако, недоверие к гоминьдановским чиновникам как к «пришлым» в народе сохранилось.

Его испытывает на себе и Ма Инцзю. По данным одного из опросов, проведенных на острове в 2011 г., только 35,7% респондентов сочли, что Ма «заслуживает доверия», и лишь 30,8% согласились, что он «охраняет суверенитет и обеспечивает интересы Тайваня и мир в проливе»³⁶. Здесь следует иметь в виду, что на Тайване за годы противостояния с материком стало привычным подозревать едва ли не любого политика, высказывающегося за развитие отношений через пролив, в сговоре с противником.

Этой участи не избежал даже такой рьяный адепт тайваньской «независимости», как Чэнь Шуйбянь: на Тайване была издана книга о его «предательстве», иллюстрированная фотокопиями якобы подписанных им «тайных соглашений» с агентами Пекина. Между тем, Чэнь Шуйбянь использовал два срока своего президентства для того, чтобы шире внедрить в сознание масс идею «тайваньской идентичности», противопоставить «океаническую» культуру острова «континентальной» китайской культуре. Была начата подготовка реформы образования, призванная помочь решению «проблемы идентичности», подготовлены новые учебники истории. Процесс «тайванизации» охватил сферы образования, науки, массовой информации. На историко-культурные темы с упором на самобытность Тайваня стали проводиться исследования, организовывались выставки, конкурсы школьных сочинений и т.п. Ученые-гоминьдановцы рассматривали такого рода деятельность как «декитаизацию» Тайваня. В КНР ее называли «культурным сепаратизмом».

Показательно, что Ма Инцзю, став президентом, вновь заменил название «Тайвань» на «Китайская Республика» в официальном и полуофициальном дипломатическом обороте (для Пекина, заметим, второй вариант приемлем в большей мере, чем первый), вернул почтовой службе, переименованной было в «Тайваньскую», наименование «Китайская» («Чжун хуа»), пересмотрел преподавание истории в высшей школе таким образом, чтобы больше внимания уделялось истории Китая и т.п.

Тем не менее, определенные особенности в образе жизни, мышления, в культуре и языке являются для жителей Тайваня объективным фактом. Очередной опрос на тему

национального самосознания, проведенный в июне 2010 г. университетом Чжэнчжи, дал такие результаты: 52,4% респондентов объявили себя тайваньцами, 40,4% — тайваньцами и китайцами одновременно и только 3,8% — китайцами. «Политическая разрядка, экономическая интеграция, растущее число туристов из КНР, посещающих Тайвань, допуск студентов из КНР в тайваньские колледжи и университеты сопровождаются нарастающей тенденцией тайванизации в культурной сфере и вопросах идентичности — никогда прежде столь большое количество респондентов не причисляло себя к тайваньцам», — комментировали этот опрос зарубежные эксперты³⁷.

Ма Инцзю не может не учитывать эту ситуацию в своей политической платформе. Заявляя, что «люди по обе стороны пролива являются этническими китайцами», «потомками легендарных императоров Яня и Хуана», и что «только Тайвань обладает необходимыми условиями, чтобы быть лидером китайской культуры»³⁸, Ма вместе с тем хочет, чтобы Пекин уважал самостоятельность Тайваня и признал тайваньскую идентичность³⁹. Одновременно он переходит на промежуточную позицию и призывает к «гармонии субэтнических групп» Тайваня, говорит о «китайской культуре с тайваньскими характеристиками»⁴⁰. Однако такая половинчатость не устраивает ДПП, из рядов которой в адрес президента следует резкая отповедь: «Тайваньская культура — это культура тайваньская, а китайская культура — это китайская... У Тайваня есть своя собственная культура, это — новый брэнд»⁴¹.

Опора «зеленых» — ДПП и ее союзников на сторонников «тайваньской идентичности» среди населения острова дополняется, надо признать, точным политическим расчетом относительно взаимоотношений Тайваня с внешними партнерами. Именно это и позволило лидерам ДПП в период пребывания партии у власти в 2000–2008 гг. осуществить множество мелких демонстративных шагов, нацеленных на утверждение «независимости» Тайваня, раздражая и Пекин, и Вашингтон, но не переходя при этом красной черты. Оценивая надежность поддержки, оказываемой Тайваню Соединенными Штатами, кандидат в президенты от ДПП г-жа Цай Инвэнь подчеркнула: «Мы — часть Азии, а для США, если они хотят вернуться в эту часть мира и увеличить здесь свое присутствие и влияние, доверие азиатских стран очень важно. Если бы США захотели сократить поддержку, оказываемую ими Тайваню, другие страны были бы встревожены и озабочены»⁴². Такого рода соображения «независимцев» до сих пор оправдывались. При этом, однако, лидеры «зеленых» недооценивают рискованность политики балансирования у края пропасти, а, главное, не ощущают ее полную бессмысленность: можно сколько угодно тешить свое самолюбие и наслаждаться одобрением сторонников, дразня Пекин, но достичь «независимости» Тайваня заведомо невозможно.

Активность «зеленой» оппозиции служит серьезным препятствием в налаживании межберегового диалога по острым политическим и военным вопросам с целью укрепления мира в Тайваньском проливе. Мысль о необходимости подобного диалога и достижения согласия неоднократно высказывалась обеими сторонами: руководителями КНР — на условиях признания принципа «одного Китая» и в контексте процесса объединения; тайваньскими деятелями — в обход этих условий.

Важным шагом в этом направлении стало предложение Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (2007 г.): на основе «принципа одного Китая» «обсудить формальное прекращение состояния вражды, достичь соглашения о мире, сформировать каркас и создать новую обстановку для мирного развития двух берегов Тайваньского пролива»⁴³.

31 декабря 2008 г. в речи, посвященной сорокалетию известного «Обращения к тайваньским соотечественникам». Председатель КНР высказался за то, чтобы обе стороны «покончили с враждой и достигли мирного соглашения на основе принципа «одного Китая». Он предложил далее «начать обсуждение политических отношений в прагматической манере перед объединением», а также «приступить к контактам и обменам по военным вопросам в соответствующее время»⁴⁴.

На другой стороне Тайваньского пролива Чэнь Шуйбянь также неоднократно говорил о необходимости обсуждения вопросов военной разрядки и укрепления стабиль-

ности в межбереговых отношениях, однако его неприятие принципа «одного Китая» заранее делало диалог невозможным. Со сменой власти в Тайбэе это препятствие было устранено. Ма также не раз заявлял о важности заключения мирного соглашения. Однако эта идея воспринимается жителями острова далеко не однозначно. Так, в опросе, проведенном газетой «Лянхэбао» в октябре 2011 г., 41% респондентов отозвался о мирном соглашении положительно, 29% — негативно, еще 29% — неопределенно; 67% сочли, что решать вопрос о целесообразности соглашения следует через референдум, 17% признали референдум излишним⁴⁵.

Недоверчивое отношение тайваньцев к возможному мирному соглашению с материком объясняется их опасениями, что переговоры на эту тему могут втянуть Тайвань в процесс объединения, тогда как большинство населения в данное время предпочитает поддерживать статус-кво острова. Утрата или ослабление статус-кво, полагают они, вполне может произойти, поскольку в предложениях материка наблюдается тенденция рассматривать соглашение как одно из звеньев процесса объединения. Кроме того, тайваньские политики обеспокоены тем, что снижение военной конфронтации в Тайваньском проливе может ослабить намерение США поддержать Тайвань в случае его конфликта с материком. Мирное соглашение подвергается особенно резким нападкам со стороны лидеров «зеленого» лагеря, поскольку оно грозит обесценить идею «независимости» Тайваня в глазах многих из тех, кто сегодня готов ее поддерживать.

Неудивительно, что Ма Инцзю демонстрирует крайнюю сдержанность во всем, что касается мирного соглашения. По его «осторожной оценке», на подписание соглашения может потребоваться порядка десяти лет при обязательном наличии предпосылок, в числе которых фигурируют: демонтаж ракетных установок, нацеленных на Тайвань; народная поддержка, выраженная через референдум; контроль за ходом выработки соглашения со стороны законодательной власти и т.д.⁴⁶

На другом берегу Тайваньского пролива продвижение к мирным переговорам, как полагают некоторые эксперты, может сдерживаться влиянием сторонников более жесткой политики в отношении Тайваня. С точки зрения последних, чем дальше будет откладываться объединение, тем дальше будет развиваться «тайваньская идентичность», затрудняющая окончательное решение тайваньской проблемы. Проводимую Ма политику «грех нет» — «нет» объединению, независимости и военным мерам — они рассматривают как опасный «мирный сепаратизм», которому должен быть дан отпор, в том числе средствами устрашения. Пренебрежение этими средствами, считают они, будет истолковано сепаратистами всех мастей на острове как показатель слабости Китая и, соответственно, стимулирует их раскольническую деятельность. Возможно, именно из этих соображений приверженцы жесткой линии в Пекине не соглашаются сделать шаг, который мог бы произвести сильное впечатление на тайваньцев, а именно в одностороннем порядке начать сокращение числа ракет, продолжая этот процесс по мере укрепления доверия между двумя берегами. Во всяком случае, очевидно, что политика Пекина по вопросам мер доверия и мирного соглашения пока что носит выжидательный и декларативный характер.

Таким образом, на данный момент стороны явно не готовы к обсуждению мер военного доверия и условий мирного соглашения. Однако такая задача уже многократно озвучена и стоит в повестке дня, хотя и далеко не на первом месте. Представляется, что в сложившейся ситуации наиболее вероятным является такой вариант соглашения, который будет содержать взаимосвязанные обязательства: Тайбэя — не провозглашать «независимость» и Пекина — не прибегать к силовым методам.

Договоренность об этих принципах, безусловно, способствовала бы существенному снижению напряженности в межбереговых отношениях, обеспечила бы сближение позиций сторон по текущим дискуссируемым вопросам.

К их числу относятся не только рассмотренные выше торговые преференции, но и участие Тайваня в специализированных органах ООН, чему в Тайбэе придают, помимо символического, также и большое практическое значение. Тайбэйские руководители напоминают, что в 2002–2003 гг. Тайвань, не будучи членом Всемирной организации здра-

воохранения, оказался отрезанным от жизненно важных для него сведений о распространении эпидемии атипичной пневмонии и борьбе с ней, что затрудняло принятие соответствующих контрмер на острове. Эта неблагоприятная ситуация была устранена в 2009 г., когда Тайвань обрел статус наблюдателя в ВОЗ, а вместе с ним — доступ к медицинской информации и возможность взаимного обмена опытом с заинтересованными странами. В настоящее время Тайвань стремится стать членом Международной организации гражданской авиации и Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В Тайбэе расценивают переговоры по этой теме как серьезное испытание для межбереговых отношений и выражают осторожную надежду, что их успешное завершение откроет новый этап в сотрудничестве сторон.

Однако и при всех этих сложностях, отсутствии прогресса в политической сфере прочность наработанной экономической основы делает взаимоотношения через пролив в высокой степени устойчивыми. Бесспорно, экономическая интеграция двух берегов увеличивает зависимость малого партнера от большого, о чем не устают напоминать сторонники «независимости» Тайваня. «Межбереговые консультации по торгово-экономическим темам, а особенно подписание Рамочного соглашения расширяют пространство для развития экономики Тайваня, но при этом двусторонний торгово-экономический обмен с каждым днем увеличивает ее зависимость от экономики материка», — отмечает один из тайваньских экспертов⁴⁷. Однако справедливо и другое: зависимость имеет взаимный характер. Она не является равноценной по обоим направлениям, но множество экспертов сходятся на том, что попытки оказать на Тайвань силовое или экономическое давление немедленно скажутся на его экономике, что, в свою очередь, причинит материку неприемлемый для него ущерб, и не только экономический, но и международно-политический. Репутация КНР как миролюбивой ответственной державы, готовой считаться с интересами других стран, в этом случае была бы подорвана, возродились бы страхи относительно «китайской угрозы», растущей по мере возвышения Китая. И первые же признаки такого поворота в политике КНР вызвали бы обостренную реакцию общественного мнения на Тайване.

Вторая из указанных точек зрения отстаивается Гоминьданом и отражает расчеты деловых кругов Тайваня с их сугубо меркантильными видами на бизнес по ту сторону пролива. «Торгово-экономические связи — это общий знаменатель обоих берегов. В их экономической структуре заложена взаимная зависимость, взаимное сдерживание», — подчеркивает один из тайваньских экспертов⁴⁸. В силу этого, как отмечают специалисты, Пекин не склонен к применению санкций против тайваньских предпринимателей. Действительно, в отношениях с тайваньским бизнесом Пекин отдает явное предпочтение мерам сотрудничества перед методами выкручивания рук.

Алармистский же подход к экономическому сращиванию двух берегов наиболее близок тайваньским «независимцам», упрекающим Ма Инцзю в «пренебрежении суверенитетом Тайваня» ради сиюминутных экономических выгод. Фактически, однако, они не могут предложить никакой принципиально новой альтернативы проводимому им курсу — только некоторое ограничение и сдерживание темпов сотрудничества с материком, но никак не отказ. Именно такой курс проводил в 2000–2008 гг. Чэнь Шуйбянь, и едва ли он будет иным в случае возвращения к власти ДПП, что, как показали выборы 2012 г., является достаточно вероятным вариантом развития событий. Экономическая интеграция с материком стала необходимым фактором процветания тайваньского бизнеса и, вообще, выживания Тайваня в современных условиях развития мировой экономики.

В отличие от Тайбэя, безусловно стабильной представляется позиция Пекина, сделавшего твердую ставку на мирную интеграцию Тайваня и успешно побуждающего его открыться навстречу матерку. Категорически отвергая идею «независимости» Тайваня и принимая все возможные меры, чтобы не допустить ее реализации, руководители КНР вместе с тем исходят из того, что по мере углубления интеграции, будь ее следствием односторонняя или взаимная зависимость, возможность провозглашения Тайваня независимым государством постепенно уменьшается, а предпосылки к объединению, на-

оборот, нарастают. Поэтому в Пекине не пытаются форсировать процесс объединения и даже не акцентируют лозунг объединения, а делают упор на сотрудничестве берегов в их общих интересах. Интеграция — процесс долгий, но Пекин уверен в своих силах, с каждым годом все нарастающих, и спешить ему некуда. Революционеры поколения Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина торопились, чтобы успеть разделаться с Чан Кайши на своем веку. Нынешние лидеры КНР настроены гораздо более прагматично, и у них нет никаких резонов применять против Тайваня силу.

Увеличение напряженности в китайско-американских отношениях, связанное с «возвращением» Соединенных Штатов в Азию, пока не сказывается сколько-нибудь существенным образом на состоянии межбереговых отношений. США не заинтересованы в возобновлении крена Тайбэя в сторону «независимости» и обострении ситуации в Тайваньском проливе, что внесло бы в отношения Вашингтона с Пекином лишние осложнения. Не нужно осложнение этих отношений и Пекину, успешно вытесняющему США из экономики Тайваня и все теснее привязывающему остров к матерiku хозяйственными связями.

Провоцирующим фактором в отношениях Пекин — Вашингтон остается курс последнего на продажу Тайваню военной техники, по поводу чего между сторонами продолжаются серьезные трения. В январе 2010 г. США на основе предварительной договоренности, достигнутой еще при администрации Дж. Буша, заявили о намерении поставить Тайваню крупнейшую за последние десять лет партию оружия на сумму 6,4 млрд долл. В нее были включены боевые вертолеты «Блэк хоук», противоракетные комплексы «Пэтриот-3» и др. Правда, из списка товаров были вычеркнуты такие виды наступательных вооружений, как новейшие истребители F-16 и дизельные подводные лодки, которые первоначально готовились к продаже.

Остро воспринимая каждый шаг в продвижении такой сделки, китайские руководители объявили о прекращении военных контактов с США и введении санкций против американских компаний, причастных к военным поставкам. Это означало ужесточение позиции Пекина: прежде он ограничивался в таких случаях замораживанием обмена высокими армейскими чинами. Тем не менее, в сентябре 2011 г. администрация Обамы обнародовала решение продать Тайваню военные товары, хотя на несколько меньшую сумму — 5,3 млрд долл. Вместо истребителей F-16 Тайваню должно быть предоставлено оборудование для модернизации имеющихся у него самолетов этой марки, а также техническая поддержка и логистическая помощь. В сделку вошла также программа подготовки пилотов. Визит заместителя Председателя КНР Си Цзиньпина в США в феврале 2012 г. означал, что в споре о военных поставках стороны достигли какого-то компромисса. В условиях роста военной мощи КНР и старения тайваньского оружейного арсенала, лишь частично обновляемого с американской помощью, возникший в 2005 г. разрыв⁴⁹ между силами Пекина и Тайбэя будет неизбежно увеличиваться, и это обстоятельство служит для Пекина еще одним источником терпеливости в решении тайваньской проблемы. Он не сомневается в окончательном результате. Премьер Госсовета Вэнь Цзябао в одном из своих интервью в 2012 г. привел фразу из стихов Линь Чжаосуна, тайваньского поэта времен династии Цин: «Все придет в свой черед: будет чистым небосвод, серп луны золотой станет полною луной». Дальше он продолжал: «Я уверен, что общими усилиями всех сынов и дочерей китайской нации будут достигнуты воссоединение Родины и национальное возрождение. И этим будут гордиться все китайцы»⁵⁰.

Итак, мирное развитие отношений через пролив, стержнем которого является межбереговая экономическая интеграция, носит устойчивый характер. Стабильным является и статус-кво Тайваня, что устраивает всех: и Пекин, и Тайбэй, и Вашингтон. Даже замена у руля власти в Тайбэе команды «синих», признающих принцип «одного Китая», на «зеленых» — поборников «независимости» Тайваня — может лишь несколько сузить русло интеграционных процессов, замедлить их темпы, но не остановить их. Может ухудшить атмосферу сотрудничества, но не изменить желательным для себя образом нынешнее политическое положение Тайваня.

1. В Китае титул «цзунгун» — «президент» относится только к главам государств, и потому в материковой части Китая его употребляют применительно к носителю высшей власти Тайваня в кавычках, чтобы подчеркнуть, что Тайвань не может считаться самостоятельным государством, отдельным от КНР. В зарубежной практике кавычки в подобных случаях не употребляются, что отнюдь не расценивается как признание Тайваня дипломатическим субъектом, тем более что «президент» может означать также главу автономии, председателя какого-нибудь клуба и т.п.
2. Ма Инцзю набрал 51,6% голосов, его соперница из Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь — 45,6%. В Законодательной палате у Гоминьдана оказалось 64 места, а у ДПП — 40 из общего числа 113. На предыдущих выборах в 2008 г. Ма получил преимущество в 16,9, в Законодательной палате предыдущего созыва соотношение мест было 81:27. См.: http://focustaiwan.tw/ShowNews/WebNews_Detail.aspx?Type=aALL&ID=201201140036; http://www.taiwanthinktank.org/page/chinese_attachment_1/2342/20120115_Taiwan_Forum_-_Press_Release.pdf.
3. http://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Republic_of_China_presidential_election_2012.
4. Interview With Taiwan President Ma Yihg-jeou // New York Times. 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-taiwan-president-ma-ying-jeou.html?pagewanted=all>.
5. Там же; Global Finance. URL: <http://www.gfmag.com/gdp-data-country-reports/166-taiwan-gdp-country-report.html#axzz1p0d3f0f8>.
6. Interview With Taiwan President Ma Yihg-jeou // New York Times 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-taiwan-president-ma-ying-jeou.html?pagewanted=all>. Рейтинги Тайваня в указанной сфере в 2010 г. см.: The Republic of China Yearbook 2011. P. 104. URL: <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/docs/ch08A.pdf>.
7. *Бэй Сицзянь*. Чжун гуи цзинь ши дуй Тай жэнь ши цзи чжэньэ пинси // Оу Я яньцзю тунсюнь. [Кадры и политика КПК в тайваньских делах за последнее время] // Новое в европейско-азиатских исследованиях. V. 9. № 9. September. P. 2–3.
8. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-04/16/content_241954.htm.
9. http://www.chinataiwan.org/english/key/is/hu/200711/t20071116_485953.htm.
10. Товарооборот между двумя берегами Тайваньского пролива в 2011 году превысил 160 млрд ам. долл // Жэньминь жибао он лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7722653.html>.
11. К большей свободе — экономика задает тон / Тайваньская панорама. 2010. № 1. С. 3.
12. Товарооборот между двумя берегами Тайваньского пролива в 2011 году превысил 160 млрд. ам. долл // Жэньминь жибао он лайн. <http://russian.people.com.cn/31518/7722653.html>.
13. К большей свободе — экономика задает тон / Тайваньская панорама. 2010. № 1. С. 4.
14. <http://www.china-embassy.org/eng/zt/twwt/1712667.htm>.
15. *Zhao Hong*. Taiwan — ASEAN Economic Relations in the Context of East Asian Regional Integration // International Journal of China Studies. 2011. V. 2. № 1. P. 45.
16. http://nes.xinhuanet.com/english2010/china/2011-01/01e_13673625.htm.
17. http://www.chinataiwan.org/english/key/is/201112/t20111229_2232465.htm.
18. *Cooke M. T.* Taiwan's economy with Chinese Characteristics // Brookings. 2009. Nov. URL: http://www.brookings.edu/opinions/2009/11_taiwan_economy_cooke.aspx.
19. Chinese mainland to further implement ECFA tariff reduction in 2012: spokesman. URL: http://www.chinataiwan.org/english/key/is/201112/t20111229_2232465.htm.
20. Цит. по: *Cooke M.T.* Taiwan's economy with Chinese Characteristics // Brookings. 2009. Nov. URL: http://www.brookings.edu/opinions/2009/11_taiwan_economy_cooke.aspx.
21. *Цю Куньсюань*. Лян ань гуаньси юй Дун Я шиши / Я Тай хэин южэнь [Межбереговые отношения и обстановка в Восточной Азии] // Мир в АТР. 2011. Т. 3. № 11. С. 3.
22. Цит. по: *Cooke M.T.* Taiwan's economy with Chinese Characteristics // Brookings. 2009. Nov. URL: http://www.brookings.edu/opinions/2009/11_taiwan_economy_cooke.aspx.
23. *Келли Хэ*. Стремясь к более тесному экономическому сотрудничеству // Тайваньская панорама. 2012. № 1. С. 9.
24. *Zhao Hong*. Taiwan — ASEAN Economic Relations in the Context of East Asian Regional Integration // International Journal of China Studies. 2011. V. 2. № 1. April. P. 53.
25. Я Тай хэин южэнь. 2009. Т. 1. № 11. С. 9.

26. Taiwan relaxes admission rules for mainland students. Xinhua. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/16/c_131363528.htm.
27. The Republic of China Yearbook 2011. P. 87. URL: <http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/docs/ch06.pdf>.
28. В 2010 г. на Тайване зарегистрирован 127-процентный рост числа туристов из материкового Китая. URL: <http://russianpeople.com.cn/31516/7259284.html>.
29. Растет число туристов из материковой части Китая, желающих совершить индивидуальные турпоездки на Тайвань // Жэньминь жибао он лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7751890.html>.
30. *Yoshihisa Amai, Jens Damm*. "Whither Taiwanization?" State, Society and Cultural Production in the New Era // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2011. V.40. № 1. P. 4.
31. http://www.chinataiwan.org/english/key/is/others/200903/t20090313_84904.htm.
32. См. например: Жэньминь жибао. 1990. 2 сент.
33. Подробно об этом см.: *Зиновьев Г.* К вопросу о «консенсусе 1992 г» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2003. № 3.
34. *Taiwan Journal*. 2006. V. XXIII. № 15. 21 April.
35. Interview With Tsai Ing-wen. *New York Times* 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-tsai-ing-wen.html?pagewanted=all>.
36. *Glaser B., Billingsley B.* Taiwan's 2012 Presidential Elections and Cross-Strait Relations. Implications for United States // *CSIS*. November 2011. P. 4.
37. *Yoshihisa Amai, Jens Damm*. *Op. cit.* P. 6.
38. *Гао Хуньйи*. 2011 нянь лян ань цинши фэньси // Я Тай хэпин юэкань [Анализ межбереговой ситуации в 2011 г. // *Мир в АТР*]. 2011. Т. 3. № 1. С. 5.
39. Ветры перемен обновляют политический ландшафт // Тайваньская панорама. 2008. № 2. С. 5–6.
40. *Yoshihisa Amai, Jens Damm*. *Op. cit.* P. 5.
41. Там же.
42. Interview With Tsai Ing-wen. *New York Times* 05.01.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-tsai-ing-wen.html?pagewanted=all>.
43. <http://www.chinataiwan.org/english/key/is/hw/200711/t20071116485953.htm>.
44. <http://www.chinataiwan.org/english/key/is/hw/200901/t20090104809106.htm>.
45. *Гао Юнгуан*. Ма Инцзю цзунтун да сюань цинцзянь тичу хэпин сен чжи фэньси // Я Тай хэпин юэкань [Анализ предложений о мирном соглашении, выдвинутых президентом Ма в период выборов / *Мир в АТР*]. 2011. Т. 3. № 12. С. 6.
46. Ма: Cross-Strait Peace Agreement Possible If Three Conditions Met. October 18, 2011. URL: <http://www.kmt.org.tw/english/page.aspx?type=article&mnum=112anum=10283>; *Гао Юнгуан*. Указ. соч. С. 5, 6.
47. *Вэй Ай*. Цзунтун дасюань хоу ды лян ань гауньси чжанван // Я Тай хэпин юэкань [Развитие межбереговых отношений после президентских выборов / *Мир в АТР*]. 2012. Т. 4. № 2. С. 5.
48. *Чжу Яньчжи*. Лян ань цзинмао [Торгово-экономические связи между двумя берегами]. Тайбэй. 2004. С. 42.
49. По оценке Ма Инцзю. См.: Interview With Taiwan President Ma Ying-jeou // *New York Times*. 2012. 5 Jan. URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/world/asia/interview-with-taiwan-president-ma-ying-jeou.html?pagewanted=all>.
50. Жэньминь жибао. 2012. 15 марта.

Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС

© 2012

Ю. Морозов

В статье анализируется, как в современных условиях осуществляется «мирная агрессия» на Ближнем Востоке, какие меры и способы используются для устранения легитимной власти в странах региона, какие последствия возможной агрессии против Сирии и Ирана следует ожидать государствам ШОС, а также что целесообразно сделать для предотвращения подобной агрессии в Центрально-Азиатском регионе.

Ключевые слова: агрессия, стратегия, национальные интересы, угрозы, вызовы.

В начале 2012 г. в мировых СМИ стала активно обсуждаться тема возможного вторжения американо-израильской коалиции в Иран в ближайшем будущем. Постепенно она сошла «не нет». Однако в «реальной политике» развитых государств мира не бывает случайностей. Информация о возможных военных действиях против Исламской Республики Иран (ИРИ) была «пробным шаром» для того, чтобы оценить, как на нее отреагируют мировое сообщество, правительство и население ИРИ и ее союзники. Органы власти, готовящие нападение, проанализировав их реакцию на этот информационный «вброс», уточняют планы действий по реализации стратегических целей в стране-объекте агрессии. Так происходили в преддверии военных вторжений Запада в Сербию/Косово, Афганистан и Ирак. И хотя сейчас по ряду причин развязывание войны против ИРИ возможно лишь гипотетически, в удобный для Запада момент она может стать реальностью.

Формы и способы «мирной агрессии» против государств на Ближнем Востоке

Наблюдая за развитием военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, следует заметить, что в этом регионе силами Запада довольно успешно реализуются способы «бескровной» смены власти в странах, чья политика не устраивает США. Как правило, они включают следующий набор последовательных методов и средств:

– проведение по отношению к государству-объекту нападения «стратегии не-прямых действий» (скрытая поддержка антиправительственных движений, размывание единства народных масс за счет информационных провокаций; возвращение прозападных лидеров оппозиции к действующей власти и т.д.);

– создание в стране экономических и социальных трудностей (за счет экономических и иных блокад, сеяния розни между партиями, нациями/народностями и конфес-

сиями, искусственного усиления недовольства населения сложившимся положением в государстве);

– спонсорство и управление “цветной революцией” при помощи «твиттерных акций» (включая массированное информационно-психологическое воздействие на международное сообщество с призывами “защитить недовольный властью народ и завоевания демократии”, вплоть до использования военной силы);

– и, наконец — военное вмешательство в страну-объект агрессии. Особенностью такого вторжения является то, что оно проводится коалиционными силами (с целью «размыть» ответственность за свои деяния) и под прикрытием мандата международных организаций вплоть до ООН.

Как правило, в результате таких акций в государствах-объектах “мирной агрессии” к власти приходят угодные агрессору режимы.

Вследствие такой “мирной агрессии” против ряда государств на Ближнем Востоке под угрозой поставлены важные геополитические интересы России в этом регионе. В феврале 2012 г. Россия оказалась перед лицом утраты стратегического и экономического партнера — Сирии. До этого были ослаблены ее позиции в Ираке и Ливии, где Запад использовал указанные методы и средства для смены власти в этих странах.

Первоначально в Ираке под предлогом разработки Багдадом оружия массового уничтожения в ходе военной операции было свергнуто правительство С. Хусейна. Американо-британская группировка войск, словно на полигоне, наносила удары по военным и гражданским объектам и использовала способы информационно-психологического воздействия на иракскую армию и население. Для придания международной легитимности своим действиям западная коалиция получила мандат ООН (три месяца спустя после военного вторжения в Ирак).

В результате вторжения было сформировано проамериканское правительство, ОМУ так и не нашли, а С. Хусейн — повешен. Из-за разразившейся междоусобицы между суннитами и шиитами страна оказалась в хаосе и на грани развала, а разработка ее нефтяных недр досталась нефтяным кампаниям США и Великобритании. Российские и европейские нефтяные компании, правительства стран которых осуждали военное вторжение в Ирак, остались не у дел.

Затем в Египте для смены действующей власти был по полной программе задействован интернет-ресурс (Twitter, Facebook, Blackberry и Messenger). По электронной почте был распространен план свержения режима Х. Мубарака со спутниковыми фотографиями и схемами дорог, описанием стратегических объектов для штурма: президентский дворец, теле- и радиостанции. Правящий режим не смог удержать власть при беспрецедентном давлении социальных сетей и поднятой ими «улицы».

В Ливии также во всю мощь были использованы информационные технологии. Twitter и Blackberry завели и активно использовали микроблоги на фарси, чтобы проводить информационно-психологическое воздействие на ливийцев. Вследствие этого, а также в результате невмешательства России и Китая в грубое нарушение Западом резолюций Совета Безопасности ООН по применению военной силы правящий режим Джамахирии был свергнут, а М. Каддафи — убит. Россия утратила важного экономического партнера на Ближнем Востоке.

После этих событий Сирия превратилась в одну из ключевых стран региона по ряду причин. Во-первых, это мощный военно-политический союзник Ирана, связанный с ним договорными обязательствами. Во-вторых, на сирийском побережье располагается единственная в дальнем зарубежье база российского ВМФ, которая мешает Западу беспрепятственно действовать в Средиземном море. Дамаск также заключил долгосрочные контракты с Москвой на поставки вооружений. Смена власти в Сирии может лишить Россию и того, и другого, что станет заметным проигрышем на геополитической арене Ближнего Востока.

Расширяя военный плацдарм для возможной военной агрессии против Ирана, США и Израиль намереваются любыми способами, вплоть до военного вмешательства, лишить Иран его военно-политического союзника. Поводом для этого служат обвинения Сирии в несоблюдении прав человека и поддержке международного терроризма. В связи с этим в августе 2011 г. США стали призывать к отставке президента Сирии Б. Асада. В сентябре Евросоюз ввел запрет на импорт нефти из страны, а Лига арабских государств (ЛАГ) приостановила членство Сирии в организации и отозвала своих наблюдателей из страны¹. США закрыли свое представительство в Дамаске, своих дипломатов отозвали также Германия и Великобритания.

Это было связано с тем, что в Сирии вот уже почти год не прекращаются народные волнения. Ежедневно поступают сообщения о гибели людей — как мирных граждан, так и сотрудников силовых структур. Согласно данным ООН, общее число жертв к началу марта 2012 г. превысило 8 тыс. чел.² Поэтому в апреле с.г. согласно резолюции ООН в Сирию были направлены 100 военных наблюдателей Организации, численность которых в ближайшее время будет увеличена до 300.

Между тем, Запад делает все, чтобы доказать, что исторически сложившееся сложно сконструированное устройство сирийского государства не состоялось. Хотя до 2011 г. в республике мирно уживались не только исповедующие ислам шииты и сунниты, но и христиане.

По сообщениям западной прессы, светский режим Сирии буквально выживает, находясь в осаде внутренних угроз. СМИ рисуют картины “осажденных городов, заваленных трупами, в которых доживает последние дни кровавый тоталитарный режим”³. Мирные митинги с требованием демократических реформ перерастают в вооруженное противостояние. Против вооруженной оппозиции действуют армия, полиция, служба «Мухабарат» и республиканская гвардия. Власти начали минировать границы с Турцией и Ливаном в районах, которые беженцы используют для исхода из страны с целью укрытия от боевых действий, разворачивающихся в рамках военного конфликта.

Другая информация поступает от российских журналистов. По их словам, в последнее время ситуация в Сирии несколько стабилизировалась. Вот как описывает ее впервые побывавший в Сирии журналист Н. Сурков. “Все то, о чем пишут западные СМИ — в реальности оказалось иначе. В Дамаске на улицах не видно ни армейских патрулей, ни бронетехники. Город живет повседневной жизнью. Народом с энтузиазмом были встречены выборы в новый парламент. Простые сирийцы, особенно в Дамаске и Алеппо, не хотят никакой войны. Вооруженные оппозиционеры для них — враги. Боевики, просочившиеся в Алеппо, были почти поголовно перебиты местными лавочниками, взявшимися за оружие, чтобы не допустить у себя ситуации, аналогичной сложившейся в Хомсе. Также сирийцы прямо говорят, что Москва просчиталась, открыв дорогу для военной операции в Ливии. Они призывают РФ не повторять эту ошибку, напоминая, что хаос в Сирии дестабилизирует Ближний Восток и за пределами региона, например, на Северном Кавказе”⁴.

Из вышеописанных СМИ сравнений ситуации в стране можно сделать вывод о том, что на глобальном информационном поле Запад продолжает использовать т.н. “эффект CNN”, как и перед вторжением в Сербию. Тогда западные телестудии 24 часа демонстрировали “ужасы кровавой бойни в Косово”, призывая мировое сообщество предотвратить “гуманитарную катастрофу”.

Между тем, наблюдатели ООН признали, что в Сирии орудуют вооруженные наемные группировки, действующие не только против армии, но и против мирных жителей. Им вторит представитель РФ в ООН В. Чуркин, который на Заседаниях Совета Безопасности ООН постоянно напоминает его членам, что вооруженная оппозиция в Сирии финансируется Западом и потому не выражает подлинных интересов сирийского народа. Либерализация закона, но не смена власти — таков курс нынешнего руководства Сирии.

Россия поддерживает стремление Б. Асада к прекращению огня и способствует реализации его предложения мирной оппозиции отделиться от оппозиции воюющей и сесть за стол переговоров. Хотя Москва не согласна со многими решениями руководства Сирии, однако делает все, чтобы начался внутрисирийский политический процесс. РФ поддерживает любую договоренность, сформулированную по итогам общесирийского политического диалога между правительством и оппозиционными группами. Главы МИД России и стран ЛАГ опубликовали совместное заявление по Сирии, в котором определили пять общих принципов урегулирования сирийского кризиса. Это прекращение насилия со всех сторон, беспристрастный механизм мониторинга, неприемлемость внешнего вмешательства, беспрепятственный доступ гуманитарной помощи ко всем сирийцам, а также твердая поддержка миссии спецпосланника ООН и ЛАГ Кофи Аннана с целью начала внутрисирийского политического диалога.

В Москве и Пекине опасаются повторения в Сирии "ливийского сценария", при котором может осуществиться внешнее силовое вмешательство. В феврале 2012 г. Совбез ООН под нажимом Москвы отклонил проект резолюции по Сирии. Помимо России, правом «вето» воспользовался Китай⁵. Если бы эта резолюция прошла, Сирия разделилась бы на два воюющих лагеря, один из которых попросил поддержки у Запада, а далее началась неминуемая гражданская война, осложненная противостоянием этнических и религиозных групп. Если нарушить межэтнический, межконфессиональный характер сирийского государства, то последствия могут оказаться непредсказуемыми. Ситуация может измениться не только в Сирии, вокруг Ирана, но и внутри Ирака, где сунниты чувствуют себя ущемленными действующей ныне проамериканской властью в Багдаде.

Однако развязывание гражданской войны отвечает планам Пентагона, ибо тогда Дамаск не сможет оказать сколь-нибудь серьезную военную поддержку Тегерану. Если Сирия превратится в зависимое от США государство, то тогда американским компаниям можно будет возобновить работу "замороженного" Трансарабского нефтепровода Tapline и создать другие альтернативные маршруты через Аравийский полуостров к побережью Средиземного моря, минуя Иран. Это укладывается в действия Вашингтона и Тель-Авива в попытке изолировать Сирию перед войной с Ираном.

В марте 2012 г. Вашингтон начал обсуждение с союзниками различных вариантов возможного военного вмешательства в конфликт в Сирии. Рассматриваемые варианты включали в себя прямые поставки оружия оппозиции, направление войск для обеспечения гуманитарного коридора или "безопасной зоны" для мятежников, удары по системе ПВО Сирии. При этом у США и их союзников были разногласия относительно масштабов, сроков и способов военной интервенции, ибо ПВО Сирии гораздо сильнее, чем у ливийской Джамахирии, что неминуемо привело бы к большим потерям в авиации сил вторжения. Поэтому усилия Вашингтона в настоящее время направлены на объединение разрозненных боевых групп сирийской оппозиции и на поставки им гуманитарной и военной помощи.

Позиции противоборствующих сторон — США с Израилем и Ирана

Кризис вокруг Ирана служит отражением тех реалий, которые к настоящему времени сложились как внутри самого Ирана, так и вокруг него.

Ставя во главу угла обеспечение своих национальных интересов, американцы не могут и не хотят позволить враждебному государству, которым они в настоящее время считают Иран, превратиться в лидера «большого Ближнего Востока» и мусульманского мира.

Кроме того, Иран давно служит объектом повышенного интереса со стороны США в силу целого ряда геополитических и военно-стратегических причин.

ИРИ занимает выгодное геостратегическое положение на стыке Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, позволяющее активно влиять на эти регионы, объявлен-

ные США зоной своих жизненно важных интересов. Иран имеет общие сухопутные и водные границы с 15 государствами, является своего рода мостом между четырьмя регионами — Восточным Средиземноморьем, Персидским заливом, Центральной Азией и Кавказом и Индостанским полуостровом. Кроме того, Иран является соседом Афганистана.

Если говорить о взаимосвязи Ирана с Ормузским проливом, то этот пролив не только важнейший транзитный путь, через который перевозится 40% всех мировых поставок углеводородов, но и стратегически важное «бутылочное горлышко». Чтобы пройти через него, морские суда, включая ВМФ США, должны плыть по иранским водам. Иран разрешает иностранным судам пользоваться своими территориальными водами на добровольной основе, а также на основании части III Конвенции ООН по морскому праву о транзитном прохождении судов. Хотя ИРИ по закону не обязана это делать. Как и Вашингтон, Тегеран подписал этот международный договор, но не ратифицировал его.

Иран обладает значительными запасами углеводородов, контроль над которыми позволил бы Вашингтону окончательно решить проблему энергетической безопасности США, а возможное распоряжение ими — занять лидирующее место в сбыте этих ресурсов. В случае военной победы над Ираном США получают важный инструмент влияния на Китай, своего главного соперника на мировой арене. За счет повсеместного затруднения доступа КНР к мировым энергоресурсам и рынкам сбыта его товаров США рассчитывают удерживать свое глобальное лидерство.

ИРИ, с точки зрения Вашингтона, также представляет реальную угрозу безопасности Израиля, перед которым США имеют обязательства в области безопасности. Кроме того, режим Тегерана резко отрицает распространяемые США западные либерально-демократические ценности.

В отношении ядерной программы ИРИ как главной проблемы иранского кризиса Тегераном ведется тонкая дипломатическая игра, направленная на получение возможностей создания необходимой инфраструктуры для функционирования атомных электростанций и условий для производства оружия ядерного сдерживания. В связи с этим Совбез ООН провел ряд экстренных консультаций, призвав Тегеран вернуться за стол переговоров. Причина тому — демонстративное продолжение Ираном ядерной программы, которая, как полагают в США, способна привести к появлению атомного оружия в ближайшем будущем⁶. Другой повод — иранская угроза перекрыть Ормузский пролив, по которому идет экспорт нефти и газа из Персидского залива в США и Европу.

Есть и третья составляющая — Барак Обама осенью 2012 г. предстоит переизбираться на второй срок, а очередная военная кампания на Ближнем Востоке может снизить процентный состав электората, голосующего за демократическую партию. Хотя в администрации президента заявляют о том, что не исключают ни один из возможных вариантов действий, не позволяющих Тегерану заполучить ядерное оружие. Это предполагает возможность использования военной силы. Активно обсуждаемая ядерная программа Ирана является лишь поводом для реализации главной цели США — смены нынешнего иранского режима, который в Вашингтоне считают экстремистским и террористическим.

Если же Пентагон решится атаковать Иран, может произойти "перенапряжение сил" (нерешенные военные проблемы в Афганистане и Ираке). Ограниченные воздушные удары по Ирану могут привести к непредсказуемым последствиям, поскольку Иран располагает влиянием на шиитов в мире, которые по просьбе Тегерана могут нанести удар по оставшимся американским войскам в Ираке и в Афганистане.

В тоже время в органах законодательной и исполнительной власти США очень сильно произраильское лобби, подталкивающее администрацию Обамы к развязыванию военных действий против Ирана и к выполнению союзнических обязательств по отношению к Израилю. К тому же республиканцы могут обвинить Б. Обаму, что он якобы способствует появлению ядерного оружия у Тегерана. Иначе говоря, какое бы решение в отноше-

нии Ирана не принял американский президент, он оказывается под ударом, а США столкнутся с новыми вызовами, которые нельзя игнорировать или решить силовым путем.

Однако нельзя исключать, что США и Израиль в конечном итоге решатся пойти на применение силы против Ирана. Среди факторов, способствующих этому, можно назвать и внутривнутриполитическую ситуацию в США. В случае продолжения падения популярности американской внешней политики нынешней администрации, партии республиканцев для исправления ситуации может понадобиться повод, который позволит объединить нацию перед лицом внешней угрозы. На эту роль подходит Иран. Лидеры радикальных республиканцев в США склонны одобрить воздушную операцию по уничтожению иранских ядерных объектов, но без оккупации территории, учитывая тяжелый опыт подобных действий американцев в Ираке.

При любой форме действий против Ирана Вашингтон будет продолжать уделять значительное внимание воздействию на внутреннюю ситуацию в Иране через информационную сферу, оказывая финансовую поддержку оппозиции, и пропагандировать западные либеральные ценности.

Правящая иранская элита почувствовала нарастающую угрозу активного распространения западных ценностей, привлекающих часть населения, и приступила к активным шагам по консолидации иранского общества вокруг правящего духовенства, представив право иранского народа на создание ядерной энергетики как национальную идею. Для сохранения исламского строя руководство страны реализует курс на возврат к идеям лидера исламской революции имама Хомейни. Кроме того, Израиль вновь стал объектом внешней критики ИРИ.

В ближайшей перспективе шаги Тегерана будут направлены на сохранение исламского политического строя и превращение Ирана в регионального лидера. Вместе с тем, ряд действий ИРИ, в том числе скандальные и некорректные заявления ее лидеров в отношении Израиля, способствуют созданию негативного имиджа страны и ее международной изоляции.

В дипломатической игре с Вашингтоном по ядерной проблеме Тегеран имеет ряд преимуществ.

Во-первых, с точки зрения буквы международного права Иран действует без нарушений Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), он лишь не откладывает работы по обогащению урана до выяснения МАГАТЭ нерешенных ранее вопросов.

Во-вторых, ни ЦРУ, ни Моссад пока не обнаружили никаких свидетельств, указывающих на развитие программы ядерного оружия. Хотя ЦРУ для этого использует различные средства — электронное наблюдение (в том числе, из космоса), прослушивание эфира и телефонных разговоров, анализ радиолокационных и цифровых изображений ядерных объектов, размещение датчиков вблизи них и т.д. Разведданные ЦРУ и Моссада свидетельствуют, что до ракетного ядерного оружия Тегерану еще далеко⁷.

В-третьих, ракетный потенциал Тегерана заблокирован американскими ЗРК “Патриот”, установленными в шести странах Персидского залива, а также системами ПРО “Иджис” на кораблях ВМС США, развернутых в восточной части Средиземного и северной части Аравийского морей⁸.

В-четвертых, несмотря на дипломатические усилия, прилагаемые международным сообществом для сохранения режима ядерного нераспространения, становится все более очевидным, что в нынешних условиях ДНЯО не соответствует реалиям. В мире существуют как минимум три государства, обладающих ядерным оружием и вообще не участвующих в договоре, одно из которых — Пакистан. В создании ядерного оружия ему содействовал Китай. США способствовали появлению такого оружия у Индии и Израиля.

Поэтому налицо политика двойных стандартов Вашингтона — у Тель-Авива есть ядерное оружие, и он не член МАГАТЭ, однако международных инспекторов в Израиле никогда не было. Ряд государств, ссылаясь на необходимость обезопасить себя от

различного рода кризисных ситуаций, идут на нарушение ДНЯО. Появление ядерного оружия у ИРИ может вызвать эффект “падающего домино”, которое похоронит под собой договор. Тогда пороговые государства, обладающие мирным атомом открыто включатся в разработку своих ядерных вооружений.

Возможные сценарии военных и иных действий против Ирана

Исходя из складывающейся военно-политической обстановки вокруг Ирана, вырисовываются три наиболее вероятных сценария развития событий.

Развертывание военной кампании возможно, если Иран и впрямь блокирует Ормузский пролив. Глава Пентагона Леон Панетта назвал предельную черту, после которой Вашингтон будет готов применить силовые меры воздействия на Тегеран. «Мы уже четко обозначили, что США не допустят перекрытия Ормузского пролива. Это граница, которую нельзя переходить», — заявил он. В свою очередь, председатель ОКНШ ВС США Мартин Демпси объявил, что «если иранцы пойдут на блокирование пролива, американские войска будут готовы разгромить их»⁹.

В связи с этим возможна реализация гипотетического, но *самого опасного сценария для региональной стабильности*: нанесение Израилем и США воздушных ударов по иранским ядерным и иным объектам без санкционирования этих действий со стороны Совбеза ООН.

Тель-Авив ударил бы по ядерным объектам Ирана — ведь Тегеран отказывает еврейскому государству в праве на существование. Однако Израиль не может пойти на такой шаг, не учитывая позиции России и Китая, с которыми Тель-Авив не хочет портить отношения. Пекин никак не устранивает кризис, который настанет в результате войны и прекращения поставок иранской нефти в КНР.

Кроме того, технические возможности израильской авиации не позволяют за один вылет нанести удары по иранским объектам, а затем вернуться на свои базы. Для этого им нужны площадки подскока и дозаправки. С такой просьбой Тель-Авив обращался к Анкаре, но Турция отказала Израилю.

Также следует отметить, что до недавнего времени в руководстве Израиля не было единодушия относительно планов превентивного нападения на объекты Ирана. Против Б. Нетаньяху и Э. Барака, ратующих за нанесение удара, выступали руководители израильских спецслужб — Б. Гэнц, А. Кочави, Т. Пардо и Й. Коэн. И все-таки премьер и министр обороны сумели убедить министра иностранных дел Либермана в необходимости проведения удара. Возникло шаткое равновесие между сторонниками и противниками силового решения вопроса. Тель-Авив очень близок к точке, когда надо принимать решение — либо иранская ядерная программа, либо бомбить Иран. — цитирует “Интерфакс” бывшего главу израильской военной разведки А. Ядлина. Он также добавил, что окончательное решение — “в руках американского президента”¹⁰.

В настоящее время президент Б. Обама не желает втягивания США в новый конфликт до ноябрьских выборов. Американский президент уверен, что время для дипломатических мер еще не истекло. При этом он подчеркивает, что в иранском вопросе США и Израиль будут действовать сообща.

В преддверии развязывания военных действий американско-израильской коалиции против Ирана на глобальном уровне США будут пытаться реализовать “иранский информационный сценарий”. Напомним, что Вашингтон, начиная с операции “Буря в пустыне” (1991 г.), последовательно нагнетал ситуацию вокруг Ирака, пугая мир наличием у С. Хусейна ядерного и химического оружия, которое “кровожадный диктатор” якобы был готов применить против США и их союзников.

Рисунок 1.

Вместе с тем, следует помнить, что в военном отношении Иран не сравним ни с Ираком, ни с Афганистаном. Иран — гигантское государство по сравнению с Ираком (80 и 13 млн населения соответственно). Для отражения воздушных ударов на вооружении иранской армии стоят старые, но дееспособные советские зенитно-ракетные комплексы. На регулярно проводимых учениях Тегеран также демонстрирует новые системы ПВО «собственной» разработки и ракеты всех радиусов дальности. Если же Тегеран получит современные российские системы ПВО по отложенному в 2005 г. Москвой контракту, Иран сможет более эффективно защитить свои военные и гражданские объекты, и в ответ нанесет ракетный удар по Израилю и силам ВМС США в Персидском заливе, а минами перекроет Ормузский пролив.

Вполне вероятно, что американские авианосцы будут находиться за пределами Персидского залива, действуя с южного направления в Оманском заливе и Аравийском море. Несмотря на мощь и огромную силу ВМС США, география региона будет работать против американского флота. Узость Персидского залива делает его похожим на канал в военном плане. Авианосцы и боевые корабли США будут заперты в узких водах залива и вблизи его побережья. Здесь могут оказаться эффективными ракетные комплексы иранских вооруженных сил. А сторожевые катера Ирана, действующие в Персидском заливе, будут представлять для ВМС США реальную угрозу. Они могут создать огневой шквал из ракет, способных нанести серьезный ущерб и даже потопить крупные корабли. Иранские силы могут также нанести удар по ВМС США, совершив ракетное нападение с северных берегов Персидского залива¹¹ (см. рис.).

В асимметричной морской войне с ВМС США Иран будет использовать беспилотные летательные аппараты, суда на воздушной подушке, группы боевых пловцов и мини-субмарины.

Иран инициирует и другие асимметричные действия: поддержку восстания в Ираке, влекущего за собой полную потерю контроля США над ситуацией в стране; содействие движению «Талибан» в Афганистане; террористические атаки на территории США и стран, вовлеченных в конфликт на стороне США и Израиля; нападения на их граждан и военнослужащих на территории других стран и т.д. Основные радикальные

исламские силы мира, вероятно, поддержат Иран, что может вызвать своеобразный «джихад» на значительном геополитическом пространстве.

Силовой вариант развития событий под эгидой ООН (как это было в Ираке и Ливии) не встретит поддержки в Совете Безопасности ООН со стороны России и Китая и, таким образом, военная агрессия не будет носить международный характер. А энергетический кризис, вызванный военными действиями и резким ростом цен на углеводороды, ударит по экономикам западных стран.

Сценарий умеренной вероятности: продолжение давления на Иран экономическими санкциями, заморозка иранских активов в западных банках.

Вашингтон и Брюссель уверены, что для решения проблемы иранской ядерной программы необходимы жесткие меры, поэтому США и Евросоюз применили нефтяные санкции против Ирана и иностранных компаний, сотрудничающих с ним. Верхняя палата Конгресса США 21 мая 2012 г. одобрила очередной пакет экономических санкций против Ирана. Под ограничения попали нефтяные компании «National Iranian Oil» и «National Iranian Tanker»¹². Власти Франции также ввели санкции — приостановили закупку иранской нефти и заморозили активы Центрального банка Ирана. Великобритания и Канада объявили о вводе в отношении Ирана санкций, направленных против финансового сектора иранской экономики. В качестве «кислорода», перекрытие которого может окончательно «удушить» исламский режим, был введен запрет на использование Тегераном межбанковской системы передачи электронных данных о взаиморасчетах на международном уровне (SMIFT)¹³.

В январе 2012 г. Евросоюз на шесть месяцев отсрочил реализацию санкций против Ирана, чтобы страны ЕС могли бы найти альтернативные источники поставок энергоресурсов. К 1 июля 2012 г. процесс будет завершен — все члены ЕС к этому времени должны отказаться от «черного золота» из ИРИ¹⁴. Возможно также введение ООН дополнительных экономических санкций против Ирана. Однако Россия и Китай, имеющие значительные экономические интересы в Иране, при голосовании в Совбезе ООН скорее всего либо воспользуются своим правом вето, либо воздержатся.

При этом следует заметить, что темпы поступательного движения западной экономики ослабли, и цены на нефть стали падать. Так, 17 мая 2012 г. цены на нефть упали на 1,2% (с 114 до 92,81 долл. за баррель), в четвертый раз подряд установив минимум 2012 г. На этом фоне, запасы нефти в США остаются на уровне 22-летнего максимума, а доллар остается по-прежнему сильным¹⁵.

В случае полной изоляции поставок нефти из Ирана, пострадают страны Европы, но не Соединенные Штаты. Существует риск нанесения серьезного ущерба и без того слабым экономикам развивающегося мира. Для них Иран — один из самых значительных экспортеров энергоносителей, ежедневно поставляющий на мировой рынок 2,3 млн баррелей нефти.

Западные страны при прекращении иранского экспорта имеют подстраховку — поставки из Саудовской Аравии. Тем не менее, по расчетам аналитиков крупнейшего немецкого банка «Commerzbank», в случае замены иранских поставок аравийскими, экспортные возможности Саудовской Аравии окажутся исчерпанными. И надежды Запада на то, что экономические санкции поставят Иран на колени, вряд ли оправдаются. ИРИ трудно устрасить экономическим давлением, поскольку Иран является одной из тех редких стран, которые имеют самодостаточную экономику. Кроме того, Иран ведет интенсивные переговоры с Китаем, Индией и Бразилией относительно расширения рынка для своего экспорта нефти-сырца, и эти страны пойдут на такое соглашение.

Помимо очевидных экономических последствий этих договоренностей имеется и политическая составляющая. Это удар по американской стратегии в отношении Пекина и Дели. На протяжении многих лет Вашингтон, используя приграничные конфликты между Индией и Китаем, их соперничество в регионе, а также напряжение в пакистано-

индийских отношениях, тратил значительные усилия для втягивания Дели в орбиту своего влияния. Чрезмерная активность Вашингтона в продвижении нефтяных санкций против Ирана сломала эту игру: Китай и Индия впервые за много лет заняли единую позицию, и было бы наивным полагать, что это случилось спонтанно, без предварительной проработки этих действий на разных уровнях.

Итог этого сценария предсказать трудно, но нельзя исключать, что в случае запрета на импорт иранской нефти, которая дает 80% бюджетных поступлений ИРИ, и парализации иранской экономики в стране могут произойти события, представляющие опасность для существующего режима¹⁶.

Наиболее вероятный сценарий на сегодняшний день: продолжение сложных многосторонних и двусторонних дипломатических переговоров на различных уровнях и в различных форматах. Их положительным результатом препятствует путанное поведение властей Ирана: и многократный отказ допуска международных инспекций на ядерные объекты ИРИ; и возвращение Тегерана к сотрудничеству с МАГАТЭ и к своим международным обязательствам по ядерной программе; и начало обогащения урана на своей территории; и отклонение предложений Москвы о создании совместного предприятия по обогащению урана на территории России.

Очевидно, в ходе переговоров по ядерной программе Тегеран будет отстаивать свои национальные интересы до конца¹⁷. Вместе с тем, Иран будет оставлять себе возможность в последний момент избежать окончательной экономической блокады со стороны мирового сообщества, либо военного вмешательства Запада. Нельзя исключать, что Тегеран предложит какой-то компромиссный вариант, позволяющий ему как сохранить свои планы развития ядерной энергетики, так и восстановить сотрудничество с западными странами.

В среднесрочной перспективе все будет зависеть от того, какие политические и экономические реалии возобладают. Если Иран проявит твердость и будет готов к риску военного столкновения с Западом, перекрыв Ормузский пролив, цена на нефть легко взлетит до \$150 за баррель. А подобное развитие событий приведет к очередному глобальному экономическому кризису.

Угрозы последствий реализации возможных сценариев для национальных интересов стран ШОС

Последствия «мирной агрессии» против Ирана напрямую связаны с угрозами и вызовами национальным интересам стран ШОС и угрожают их военной безопасности.

Во-первых, возможная военная акция против Ирана вызовет дестабилизацию обстановки в ЦА, а также на южных границах РФ. Поток беженцев из Ирана хлынет в центральноазиатские государства и в Россию. Кроме того, не следует забывать об афганском факторе. В случае «выдавливании» усилиями антитеррористической коалиции из Афганистана военной оппозиции, либо поспешного вывода войск из страны для государств Центрально-Азиатского региона (ЦАР) возникнет опасность инфильтрации боевиков на их территорию и активизации воинствующего исламизма, что неминуемо повлечет дестабилизацию внутреннего положения в странах Центральной Азии.

Во-вторых, замена существующего режима в Тегеране на прозападный невыгодна для России. Это будет означать потерю военного и ядерно-энергетического рынков в связи с переориентацией Ирана на сотрудничество с США и ЕС. Энергоресурсы ЦА и Каспия пойдут на мировые рынки, минуя Россию. Спрос на российские нефть и газ упадет, как и цены — ведь регулятор мировых цен на нефть окажется в руках Вашингтона. Для этого в США разработали теоретическое обоснование своих усилий в ЦАР, которое приведено в труде «Стратегия Шелкового пути: XXI век»¹⁸. В его рамках уже началась перевозка нефти и нефтепродуктов из Казахстана и Туркмении в обход России на Запад

по транспортному коридору «Европа — Кавказ — Азия» (TRASECA), являющаяся элементом «нового Шелкового пути»¹⁹.

В-третьих, если США удастся сменить режим в Тегеране, то через некоторое время страны ЦА могут переориентироваться на Вашингтон. Одной из основных форм оказания давления на эти государства может стать дальнейшее «выдавливание» России из региона, продолжение практики реализации «твиттерных и цветных революций», помогающих США устанавливать удобные для себя режимы в странах на постсоветском пространстве²⁰.

В-четвертых, США будут пытаться ослабить политические связи внутри стран ОДКБ и ШОС за счет создания мелких межгосударственных объединений типа ГУАМ, а также Центрально-Азиатского союза (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан). Последнее предложение возникло вследствие «прохладного» отношения стран-членов СНГ к идее В. Путина о создании Евроазиатского союза и роста сомнений в эффективности ШОС после «цветной революции» в Кыргызстане в марте 2005 г., поддержанной США. Поэтому вероятно продолжение «поляризации» отношений между межгосударственными объединениями, действующими в ЦАР (с одной стороны, это — ШОС и ОДКБ, в которых участвует Россия, с другой — западные структуры во главе с США).

В-пятых, используя завоеванный иранский плацдарм, США попытаются вторгнуться в традиционную зону российского влияния в районе Каспийской акватории, где ИРИ имеет границы с РФ и другими странами региона, что затрагивает не только экономические интересы России, но и будет угрожать ее военной безопасности — в районе порта Актау на Каспии вероятно появление сил ВМФ США. Можно достаточно уверенно говорить и о том, что в этом регионе Вашингтон будет создавать в других государствах Прикаспия марионеточные политические режимы, региональные политические и геоэкономические группировки, а также продолжать давление на Россию. Эти задачи будут подчинены реализации одной стратегической цели — свободно доставлять энергоресурсы на мировые рынки под контролем Вашингтона.

К этому следует добавить, что западноевропейский и восточноазиатский центры мировой торговли и потребления расположены в непосредственной близости от пяти «географически смыкающихся «нефтегазовых провинций»: Аравийская (на территории Саудовской Аравии), Мосульская (Иран и Ирак), Каспийская, Волго-Уральская и Западносибирская. Они представляют собой уникальную концентрацию планетарных ресурсов нефти и газа, содержащую около 80% разведанных мировых запасов углеводородов»²¹.

А поскольку в американских документах постоянно подчеркивается, что «Соединенные Штаты, их союзники и партнеры и в будущем будут зависимы от энергетических ресурсов, необходимо обеспечить доступ к названным «ключевым рынкам и стратегическим ресурсам». Это следует из доклада бывшего главы Пентагона Д. Рамсфелда, и является одной из задач ВС США, которые предназначены в том числе и «для продвижения американских интересов в мире»²².

В-шестых, создание прозападного режима в Тегеране позволит США закрепить себя на Кавказе. При посредничестве Вашингтона Грузия вступит в НАТО, следом, возможно, и Азербайджан. СНГ окончательно превратится в фикцию. Будет усилена работа с протестным электоратом и с внутренней оппозицией в России, сепаратистскими национальными общинами в государствах Центральной Азии, где политическая ситуация характеризуется сосуществованием авторитарных режимов и региональных элит, сформировавшихся на основе традиций племенной и клановой солидарности (как в ИРИ, Афганистане, Ливии и Ираке), с одной стороны, и организации советской номенклатуры — с другой. На этой волне возможен рост активности исламских экстремистских сил на постсоветском пространстве.

И, в-седьмых, наиболее негативно “мирная агрессия” против Ирана повлияет на экономику Китая — главного соперника США на мировом уровне. Зависимость от экспорта энергоресурсов и особенно нефти является “ахиллесовой пятой” динамично развивающейся промышленности КНР. Мало того, что по Персидскому заливу, находящемуся под контролем ВМС США экспортируется огромный объем нефтересурсов в Китай, установление контроля США за поставками нефти из Ирана на мировой рынок может поставить Пекин в зависимость от Вашингтона при принятии им политических и экономических решений. Китайские эксперты серьезно озабочены эскалацией напряженности вокруг Ирана. Поэтому в 2010 г. Китай и ассоциация государств АСЕАН создали зону свободной торговли КАФТА, внутри которой действует единое таможенное пространство, а основным расчетным инструментом на ее территории является юань. Таким образом, КНР может беспрепятственно осуществлять реэкспорт иранской нефти, наращивая свое влияние в регионе. Это также согласуется с планами Пекина превратить юань в полноценную мировую валюту. В сентябре прошлого года об этом заявил председатель КНР Ху Цзиньтао, а в интервью «The Wall Street Journal» он назвал американский доллар “продуктом прошлого”²³.

Вышеперечисленные вызовы и угрозы вполне реальны. Тем не менее, сегодня нельзя не признать, что попытки США закрыть ядерную программу Ирана, взять под свой контроль ситуацию в Азии и ослабить Китай приводят к обратному результату. Россия, Китай и Индия сближаются между собой и с Ираном, влияние Китая растет, проект энергетического удушения его экономики терпит крах²⁴.

Вместе с тем, ситуация вокруг Ирана ставит Москву и Пекин в достаточно сложное положение. С одной стороны, их попытки ослабить нажим на Иран со стороны стран Запада могут негативно отразиться на отношениях с этими странами, чего они не хотели бы допустить. С другой стороны, Россия и Китай не могут не реагировать на дальнейшее обострение ближневосточного кризиса, так как это прямо отразится на их экономических интересах в Иране.

Исходя из негативных последствий возможной военной кампании против Ирака для национальных интересов РФ, позиция Москвы по иранскому кризису должна быть обусловлена в первую очередь соображениями национальной безопасности, равно как и интересами государств — союзников России по ШОС и ОДКБ. Действия России по разрешению кризиса вокруг Ирана должны преследовать следующие стратегические цели:

- предотвращение возможного вооруженного конфликта в Сирии и Иране. Как и РФ, КНР также не может допустить закрепления США в Иране, так как это противоречит и ее национальным интересам;

- предупреждение Тегерана о недопустимости создания Ираном ядерного оружия и тем более его применения. Кроме того, не в интересах Москвы полный провал режима нераспространения ядерного оружия, в котором иранский прецедент может стать решающим и дающим возможность ряду «пороговых» ядерных государств воспользоваться им впоследствии в полной мере, заявив о своих правах на обладание ядерным оружием;

- недопущение усиления экономических санкций против Ирана со стороны СБ ООН, сохранение торгово-экономического сотрудничества во всех сферах, особенно в высокотехнологичных, гарантирующих его долгосрочность. Введение Советом Безопасности ООН экономических санкций против Ирана зависит от применения РФ и КНР в ходе голосования права воздержаться или наложить вето.

Дипломатические усилия, предпринимаемые Россией в настоящее время по урегулированию кризиса вокруг Ирана, соответствуют этим целям и уровню сложности проблемы, хотя логика и последовательность некоторых действий иранской стороны затрудняет процесс ее решения.

Вместо заключения

Анализ деяний США и их союзников на Ближнем Востоке показывает, что в XXI в. завоевание государств, либо смена в них власти на угодные Западу режимы, происходят не за счет традиционных военных действий, характерных для XX в., а при помощи “мирной агрессии”, инспирированной западными странами. Важную роль при этом играют подотчетные агрессору СМИ и интернет-ресурсы, раздувающие в таких странах антиправительственную фобию. Информационно-психологическому воздействию подвергается и мировое сообщество. Обыватели, верящие “в свободу слова независимой западной прессы”, оказываются под влиянием ложных представлений о развитии событий в государствах- жертвах агрессии²⁵.

Формы и методы “мирной агрессии” в перспективе будут применяться против государств с наличием многонационального населения различной религиозной ориентации, с авторитарными режимами и слабой экономикой. Главным поводом для этого будет несогласие властей этих стран с политикой Запада, выгодное геостратегическое положение и наличие больших запасов энергоресурсов.

Американская стратегия в Центральном-Азиатском регионе, включая Афганистан, характеризуется постулатом «уйти, чтобы остаться». В ключевых районах Афганистана (как и Ирана) будут находиться американские военные базы. В Афганистане таких баз будет пять, а проамериканское правительство будут курировать советники из США. Кроме того, Вашингтон будет стараться направить экспансию талибов на север — в зону ответственности ШОС и ОДКБ, сохраняя при этом контроль над центром Евразии, где США решают две важнейшие для себя геополитические задачи. Во-первых, они пытаются не допустить интеграции государств региона вокруг России, во-вторых — воспрепятствовать превращению ШОС в мощное геополитическое образование, способное противостоять США²⁶.

Подрыв единства ШОС будет осуществляться через “стратегию не прямых действий” в странах-членах Организации с богатыми энергоресурсами, но с неразвитой экономикой и нерешенными социальными проблемами (например, в Киргизии и Таджикистане). Таким странам Запад будет оказывать подчеркнуто повышенное внимание на международном уровне и предоставлять финансово-экономическую помощь. Одновременно правящим там режимам будет внушаться мысль — “они жертвы гегемонии России и Китая, а их истинные друзья — западное сообщество”. В последующем инспирированные Западом “цветные революции” приведут к тому, что Организация может оказаться расколотой на союзников России и Китая и их противников.

Чтобы не допустить этого в ШОС необходима профилактика межгосударственного и группового соперничества внутри Организации в интересах сохранения единства и повышения эффективности сотрудничества между ее членами в вопросах поддержания безопасности в регионе. Политико-дипломатические и иные усилия ШОС в обеспечении стабильности в ЦАР будут действительны только в том случае, если они будут подкреплены соответствующим потенциалом, хотя Организация по статусу не является военно-политическим союзом.

В связи с этим одним из наиболее важных моментов в формировании системы безопасности в ЦАР становится придание ШОС способности эффективно реагировать на весь спектр угроз (от нетрадиционных вызовов региональной безопасности и стабильности до классических военных), при сохранении ее ненаправленности против какого-либо конкретного государства или группы государств.

---

1. *Небранчин С.* Тезисы выступления на международной конференции “НАТО: мифы и реальность, уроки для России”. М., 15 мая 2012 г.

2. Подробнее см.: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/03/17/958396.html>.
3. *Бойес Р.* "В Сирии больше боев и меньше угрызений совести у войск президента Асада" // Times. 2012. 22 февр.
4. Подробнее см.: http://www.ng.ru/courier/2012-05-14/9_siria.html.
5. Россия и Китай отказались от участия в первой встрече группы "Друзей Сирии", состоявшейся в конце февраля 2012 г. в Тунисе.
6. В 2012 г. в ИРИ без согласования с МАГАТЭ были начаты работы по обогащению урана до 20% на подземном ядерном объекте Форду.
7. ЕвроПРО: за и против. М., 2012. С. 68–72.
8. Там же. С. 21.
9. Подробнее см.: <http://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=2215924>.
10. Подробнее см.: <http://groups.yahoo.com/группа//stopnato>.
11. Еще в 2008 г. вашингтонский Институт ближневосточной политики признавал серьезность такой угрозы со стороны иранских мобильных береговых ракетных батарей, противокорабельных ракетных комплексов и ракетных катеров и кораблей ИРИ.
12. *Чиплинг Р.* Ирану перекрыли все. URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/05/22/1048022.shtml>.
13. ЕвроПРО: за и против. М., 2012 С. 70.
14. Примечательно, что около 68% импорта иранской нефти приходится на Грецию, Италию и Испанию — страны, и без того сильно пострадавшие от долгового кризиса.
15. *Черных Е.* Новый год принес новый очаг напряженности на планете, грозящий обернуться большой войной // Комсомольская правда. 2012. 21 янв.
16. ЕвроПРО: за и против. М., 2012. С. 73.
17. Так, в ходе визита в Прагу глава израильского правительства Биньямин Нетаниягу заявил на пресс-конференции 21 мая 2012 г., что не верит в добровольный отказ Ирана от развития ядерного потенциала.
18. *Пармонов В.* Геополитика и Центральная Азия. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/05/pag/>
19. Подробнее: Красная звезда. 2006. 17 мая.
20. Достаточно вспомнить пример смены политического режима в Азербайджане, когда в 1993 г. при активном участии «Бритиш Петролеум» и британской разведки МИ-6 произошел переворот, в результате которого президент Эльчибей был свергнут, а Гейдар Алиев возвращен к управлению страной.
21. Подробнее: Восток. 2003. № 3. С. 73.
22. Стратегия развития ШОС: проблема обороны и безопасности. М., 2009. 348 с.
23. Подробнее: <http://www.utro.ru/articles/2012/05/17/1047044.shtml>.
24. Там же.
25. Иногда эта вера в "правдивость CNN и ВВС" доходит до абсурда. На международной конференции "НАТО: мифы и реальность, уроки для России", состоявшейся 15 мая 2012 г. в Москве, представитель Швейцарии Даниель Гансер привел некоторые факты социального опроса в ряде европейских стран, по которому в 2000 г. не НАТО, а Россия бомбила Сербию и Афганистан (!).
26. *Клименко А.Ф.* Проблемы безопасности на пространстве ШОС и готовность Организации к нейтрализации возможных вызовов и угроз стабильности в Центрально-Азиатском регионе: тез. выступл. на междунаро. конф. «ШОС: повестка дня на 2012–2020 гг.». М., 4 апр. 2012 г.

Экономика

Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития

© 2012

Чжао Синь

На фоне проводимой в стране политики реформ и открытости, особенно после вступления в ВТО (2001 г.) Китай играет неуклонно возрастающую роль в мировой торговле. В статье предпринята попытка выявить особенности развития этого важнейшего сектора китайской экономики, систематизировать с применением математической методологии сдвиги в товарной структуре импорта и экспорта, продемонстрировать основные инструменты реализации внешнеторговой стратегии КНР в XXI в.

Ключевые слова: внешняя торговля КНР, инструменты государственного регулирования, товарная структура экспорта и импорта.

Продолжающийся более трех десятилетий рост китайской экономики определялся как внутренними, так и внешними факторами. Определяющую роль сыграла проводимая в Китае с 1978 г. политика реформ и открытости, а вступление в ВТО в 2001 г. позволила ему стимулировать дальнейшую либерализацию внешней торговли.

Внешнеторговая политика КНР реализуется с помощью различных инструментов государственного регулирования. Основные законодательные акты в этой сфере: «Закон КНР о внешней торговле» (принят в 1994 г.), «Таможенный кодекс КНР» (принят в 1987 г.; с 2000 г. действует с внесенными изменениями), «Положение КНР об импортных и экспортных пошлинах» (принято в 1992 г.), а также законы и правила, определяющие применение антидемпинговых, компенсационных и защитных мер, а также мер по охране интеллектуальной собственности. Основную ответственность за координацию и применение мер, связанных с торговлей, несет Министерство коммерции КНР. Из прочих ключевых органов по реализации торговой политики следует выделить Госкомитет по развитию и реформам, отвечающий за разработку общих направлений социально-экономического развития страны, а также различные министерства (прежде всего, министерство финансов, сельского хозяйства, транспорта, земельных и природных ресурсов).

В соответствии с нормативными документами ВТО, а также с разработками экспертов в сфере международной экономики и таможенного дела, инструменты государственного регулирования международной торговли по своему характеру делятся

на тарифные (основанные на использовании таможенного тарифа), и нетарифные (к которым относятся все прочие методы).

1. Тарифные меры государственного регулирования внешней торговли в Китае

Таможенные тарифы и пошлины являются основным инструментом торговой политики КНР. правомерность применения которого признается международными нормами. За годы реформ Китай существенно снизил импортные пошлины. Средний уровень таможенных пошлин для стран с режимом наибольшего благоприятствования (РНБ) уменьшился с 50% в начале 1980-х гг. до 15,6% в 2001 г. и до 9,5% в 2009 г.¹

В процессах реформирования тарифной политики Китая можно выделить этапы, совпадающие с прогрессом законодательства в данной сфере.

Первый этап (1970–1991 гг.) характеризовался переходом от «полного» — к «частичному» протекционизму на фоне осуществления политики открытости.

В 1985 г. подверглась реформированию тарифная система, было принято «Положение КНР об импортных и экспортных пошлинах». Приоритеты тарифной политики определялись тогда курсом на открытие Китая внешнему миру, воплощаясь в стимулировании экспорта, увеличении импорта товаров первой необходимости, и были направлены на защиту и развитие национальной экономики за счет сравнительно высоких импортных таможенных пошлин на те товары, какие производились в Китае. Под влиянием такой тарифной политики увеличивался не только экспорт товаров, но и объем импорта передовых технологий и оборудования.

На втором этапе (1992–2000 гг.) Китай стал совмещать одновременно открытые и протекционистские меры тарифной политики. До присоединения к ВТО его импортные таможенные тарифы подразделялись на две категории — общие и преференциальные. Общий тариф применялся к импорту товаров из стран, с которыми у КНР не было соглашения о режиме наибольшего благоприятствования в торговле. Преференциальный — к товарам из стран, с которыми такие соглашения подписаны. Согласно требованиям ГАТТ к развитию мировой торговли, китайское правительство снизило в 1992 г. таможенные пошлины на 3371 наименований товаров, в 1993 г. — еще на 2898 наименований. В результате таможенный тариф суммарно упал до 35,9%. В апреле 1996 г. Китай еще раз снизил пошлины более чем на 4900 наименований импортируемых товаров, доведя таможенный тариф до уровня 23%. В 1997 г. Китай в очередной раз крупномасштабно решил снизить уровень импортных пошлин. Это решение касалось 4874 из 6633 видов товаров, внесенных в действующий таможенный тариф, и общий уровень таможенных пошлин снизился уже до 17% (1997 г.)². Были значительно снижены импортные пошлины на такие промышленные товары, как цветные телевизоры, холодильники, кондиционеры, стиральные машины, микроволновые печи, лазерные плесеры и автомобили; на такие бытовые товары как парфюмерия, обувь, головные уборы, ткани из искусственных волокон, костюмы, а также на сырьевые ресурсы, включая химическое сырье и др. Однако остались неизменными импортные пошлины на продовольствие, хлопок и другие сельхозпродукты, имеющие важное значение для Китая. В 1999 г. номенклатура ввозимых товаров содержала 6940 позиций. Общий импортный тариф насчитывал 20 различных ставок пошлин от 0 до 270%, преференциальный таможенный тариф варьировал от 0 до 121,6% (при этом средний уровень ставки составлял 16,8%)³.

Третий этап — с 2001 г. по настоящее время. В 2002 г. была проведена реформа таможенных тарифов, установившая четыре колонки импортных пошлин в зависимости от страны происхождения товаров: таможенные пошлины для тех, которым предоставлялся режим наибольшего благоприятствования (РНБ); пошлины для стран, с которыми заключены региональные или двусторонние соглашения о свободной торговле (бо-

лее льготные, чем при использовании РНБ); особые преференциальные таможенные пошлины для наименее развитых стран; общие таможенные пошлины (для стран, на которые не распространяется действие РНБ).

Таможенный тариф устанавливается Комитетом по таможенному тарифу Госсовета КНР, в который входит Министерство финансов, Таможенное управление, Министерство коммерции, Государственный комитет по развитию и реформам КНР и др. За весь период после вступления в ВТО 2002 г. стал годом самого значительного сокращения импортных пошлин. В 2002 г. были сокращены импортные тарифы на более чем 5300 видов товаров⁴, средний уровень таможенного тарифа (по РНБ) упал с 15,6% в 2001 г. до 12,2% в 2002 г. В 2005 г. ежегодное снижение тарифов включило более 900 видов товаров (из 7550 товарных позиций).

С 1 января 2007 г. в Китае начал действовать новый таможенный тариф. В нем количество товарных позиций возросло с 7605 до 7645, по 1600 из них ставки импортных пошлин были пересмотрены. Последние изменения в товарную номенклатуру были внесены в 2008 г.⁵, а в 2009 г. таможенный тариф по РНБ (включая в расчет временные пошлины) содержал 7867 товарных позиций, из них по 7815 позициям (99,3%) применялись адвалорные таможенные пошлины. Средневзвешенная ставка импортного тарифа КНР за период после вступления в ВТО снизилась с 15,6% (2001 г.) до 9,5% (2009 г.). По этому показателю Китай классифицируется как член ВТО с низкими тарифами. При этом средневзвешенная ставка по сельскохозяйственной продукции за период 2001–2009 гг. уменьшилась с 18,8 до 15,2%, по промышленной продукции — с 14,7 до 8,6%⁶.

По данным Министерства финансов КНР, в 2010 г. продолжалось снижение пошлин. Таким образом, Китай выполнил практически все обещания по снижению уровня импортных пошлин, данные при вступлении в ВТО.

Следует отметить, что в китайской практике используются и *временные импортные пошлины*, которые устанавливаются на относительно высоком уровне для защиты национальных производителей на товары, пока что недостаточно конкурентоспособные с зарубежными. В кризисном 2008 г. такие пошлины действовали в отношении более 600 товарных позиций. В конце 2008 г., когда китайский импорт стал быстро сокращаться под влиянием мирового финансового кризиса, были временно установлены пониженные импортные пошлины на 670 ввозимых товаров. В основном это — высокотехнологичное оборудование и комплектующие к нему, природные энергетические ресурсы, сельскохозяйственная техника и т.д. В конце 2008 г. была введена временная мера, действовавшая в течение 2009 г.) по снижению импортных пошлин с 10 до 7% на все товарные позиции, связанные с работой полиграфической промышленности⁷.

Китай относится к числу стран, устанавливающих *экспортные таможенные пошлины* для ограничения экспорта определенных товаров в основном, сырьевых (как например, угля, сырой нефти, руд цветных металлов, древесины, древесной смолы и т.д.)

Кроме того, в китайском законодательстве предусмотрены обычные, временные и специальные экспортные пошлины. «Временные» применяются при экспорте природных ресурсов; «специальные» — к некоторым видам удобрений, и действуют они, как правило, в течение сезона полевых работ.

До присоединения к ВТО в номенклатуре товаров, попадающих под обложение экспортными таможенными пошлинами, насчитывалось 36 позиций (предусматривалось по пять тарифных ставок в пределах от 20 до 50%). Теперь экспортный тариф содержит 88 позиций при ставках пошлин в диапазоне от 20 до 50%. В 2008–2009 гг., чтобы улучшить положение производителей в условиях мирового кризиса, были отменены экспортные пошлины на стальные заготовки, текстиль, некоторые зерновые культуры и удобрения.

Таким образом, Китай максимально использовал возможности изменения таможенных тарифов для решения задач развития внешней торговли.

2. Нетарифные меры регулирования и их применение в Китае

Нетарифное регулирование обычно подразделяется на методы количественные, методы скрытого протекционизма и финансовые методы.

Количественные ограничения (quantitative restrictions) — административная форма нетарифного государственного регулирования, которая включает квотирование, лицензирование, «добровольное» ограничение экспорта, а также запреты экспорта и импорта.

Наиболее распространенная форма количественных ограничений — квотирование. При этом особое место занимает такой метод регулирования, как *тарифная квота*. Этот метод не ограничивает абсолютное количество импортируемых товаров, однако товары, импортируемые в течение определенного периода в рамках указанной квоты, облагаются более низким тарифом, чем за рамками квоты. В Китае такой метод применяется в основном при импорте сельхозпродукции и регулируется «Временными правилами регулирования тарифных квот на импорт сельскохозяйственной продукции» (2003 г.).

Обязательства, взятые КНР при присоединении к ВТО, предусматривают постепенный отказ от количественных ограничений импорта. Однако в отношении ряда категорий сельскохозяйственной продукции Китаем до сих пор применяется тарифное квотирование. Так, в 2009 г. для всех стран мира были установлены тарифные квоты на импорт по 8 группам товаров (по 45 тарифным позициям): пшенице, кукурузе, рису, сахару, шерсти, шерстяной одежде, хлопку и химическим удобрениям.

По направленности их действия квоты разделяются на импортные и экспортные. До 2005 г. в Китае выделялись 3 группы *импортных квот*, однако с 1 января 2005 г. они были отменены⁸.

В Китае также применяются 2 вида *экспортных квот*: для всех стран мира и для определенных стран. В настоящее время действуют квоты на экспорт живого крупного рогатого скота, свиней и птиц в Гонконг и Аомынь. При этом после получения квоты экспортер еще должен оформить лицензию, выданную Министерством коммерции КНР. По состоянию на 2009 г. для всех стран мира в Китае действовали экспортные квоты на 173 товарные позиции, включающие рис, кукурузу, пшеницу, хлопок, уголь (они утверждаются Государственным комитетом по развитию и реформам КНР); муку из кукурузы, пшеницы, обработанные лесоматериалы, кокс, нефть и нефтепродукты, редкоземельные металлы и др.

Близок к квотированию такой вид государственного регулирования внешней торговли, как лицензирование. Основными законами, регулирующими лицензирование импорта и экспорта в Китае, являются «Правила выдачи разрешений на импорт товаров» (2001 г.) и «Постановление о регулировании в отношении лицензий на экспорт» (2001 г.). Министерство коммерции и Таможенное управление КНР ежегодно оглашают список товаров, подлежащих лицензированию.

В Китае используются 2 вида *импортных лицензий*: автоматическая и неавтоматическая. Первая распространяется на 95 товарных позиций (в 2009 г.), в том числе на вещества, истощающие озоновый слой и подержанную электромеханическую продукцию⁹. Предприятия должны сначала получить разрешение на импорт, после чего Министерством коммерции автоматически выдается импортеру лицензия сроком на 1 календарный год с возможностью продления (максимум на 3 месяца). Автоматическая импортная лицензия используется для учета импорта определенных товаров в статистических целях. В 2009 г. такой вид лицензии применялся к 560 товарным позициям (7,1% от их общего числа). В основном, это относится к таким товарам, как домашняя птица, растительное масло, табак, химические удобрения, уголь, натуральный каучук, железная руда, нефть и нефтепродукты, сталь, оборудование, судна, детали автомобилей.

Что касается *лицензирования экспорта*, то Китай использует этот инструмент в основном для выполнения обязательств по международным соглашениям. В 2009 г. при экспорте 231 товарной позиции применялось лицензирование (без тех позиций, для которых уже используется экспортная квота). Из них по отношению к 139 товарным позициям экспортер может получить лицензию на основе заключенных контрактов на экспорт товаров. К таковым относятся: крупный рогатый скот, свиньи и птица (за исключением вывозимых в Гонконг и Аомынь), говядина, свинина, мясо птицы, твердый парафин, платина, автомобили и шасси, мотоциклы, витамин С, некоторые металлы и продукты из них и пр.

«Добровольное» ограничение экспорта (voluntary export restraint) предусматривает количественное ограничение, основанное на обязательстве одного из партнеров по торговле.

В Китае действует добровольное ограничение на экспорт текстильных изделий в США, Канаду, 15 стран ЕС (Голландию, Бельгию, Люксембург, Данию, Грецию, Испанию, Францию, Великобританию, Ирландию, Италию, Португалию, Германию, Швецию, Финляндию и Австрию), а также Турцию. Также действуют добровольные ограничения на другие товары. Так, ограничивается экспорт в ЕС бытовых керамических изделий, телевизоров, консервов из грибов и т.д.

Запрет импорта определенных видов товаров вводится в Китае для защиты окружающей среды, обеспечения общественной безопасности или в соответствии с международными обязательствами. Список товаров, запрещенных для ввоза, утверждается Министерством коммерции Китая и другими компетентными органами. После вступления в ВТО Китаем было оглашено 6 списков товаров, запрещенных к ввозу, последний из которых был принят в 2005 г. (начал действовать с 1 января 2006). По состоянию на 2009 г. полностью запрещен ввоз товаров по 52 тарифным позициям, частично запрещен — по 528 позициям. В этот список входили также некоторые виды продуктов животного происхождения, опиум, ряд минеральных, химических продуктов, сыромятная кожа, подержанные машины и электрооборудование.

В Китае также имеется список товаров, *запрещенных на вывоз* из страны. После вступления в ВТО было принято 5 таких списков, последний из которых вступил в силу с 1 января 2009 г. и охватывает 45 товарных позиций (в последней редакции добавлены некоторые товары: торф, а также удобрения животного и растительного происхождения).

Скрытый протекционизм проявляется, по некоторым оценкам, в отношении нескольких сот видов товаров, на которые разные страны в одностороннем порядке ограничивают импорт. К ним относятся различные технические барьеры, внутренние налоги и сборы.

К *техническим барьерам* относятся методы торговой политики, возникающие в силу того, что национальные технические, административные и иные нормы и правила построены таким образом, чтобы препятствовать ввозу товаров из-за рубежа. Наиболее распространенными техническими барьерами, используемыми в Китае, являются: требования о соблюдении национальных стандартов, о получении сертификатов качества импортной продукции, о специфической упаковке и маркировке товаров, о соблюдении определенных санитарно-гигиенических норм, о соблюдении усложненных таможенных формальностей.

Особое место в регулировании внешней торговли отводится *внутренним налогам и сборам*. В Китае после налоговой реформы 1994 г. товары стали облагаться при импорте внутренними налогами, а при экспорте стал практиковаться возврат налогов.

Система обложения импортных товаров внутренними налогами состоит из налогов, которые также взимаются и с национальных товаров. К ним относятся налог на добавленную стоимость (НДС) и акциз. Основными законами, определяющими порядок обложения импортных товаров внутренними налогами, в Китае являются «Временные

правила взимания НДС» (1993 г.) и «Временные правила взимания налога на потребление» (1993 г.), временно действующие правила, которые регулируют обложение предприятий с иностранным капиталом и иностранных предприятий налогом на добавленную стоимость, налогом на потребление, налогом на торговлю.

Во «Временных правилах взимания НДС» установлено 3 уровня тарифов — основной, низкий и нулевой. Наиболее распространена ставка в 17%, применяемая ко всем налогоплательщикам, занятым производством продукции, ремонтом и заменой оборудования, а также к большей их части, занятой продажей и импортом товаров. Сниженной ставкой (13%) облагаются плательщики, продающие или импортирующие основную продовольственную продукцию (зерно, растительное масло), а также водопроводную соду, кондиционированный воздух, горячую воду, газ, каменный или древесный уголь для бытового использования, печатную продукцию, фураж, химудобрения, ядохимикаты, сельхозтехнику и полимерную пленку для сельского хозяйства¹⁰. Нулевой тариф НДС применяется для налогоплательщиков, экспортирующих товары за рубежом.

Акцизом облагают товары по двум ставкам — адвалорной (т.е., зависящей только от стоимости товара) и специфической. Адвалорный акциз подразделяется на 10 ставок (максимально — 45%, минимально — 3%). Так, на табачные изделия акцизная ставка колеблется от 30 до 50%, на алкогольные напитки — от 5 до 25%.

Последовавший за вступлением в ВТО рост товарного импорта в Китай, обострившееся соперничество на китайских рынках сбыта обусловили активизацию усилий по защите их от недобросовестной конкуренции. Речь идет о принятии *антидемпинговых мер*, введении *компенсационных пошлин* в ответ на субсидирование экспорта в зарубежных странах-производителях.

Впервые нормативный акт, касающийся данной сферы внешней торговли («Положение КНР об антидемпинге и антисубсидиях») был оглашен Министерством внешней торговли и экономического сотрудничества КНР (ныне — Министерство коммерции) еще в 1997 г. С вхождением страны в ВТО законодательство обновилось: в 2001 г. в действие вступили «Положение КНР об антидемпинге», «Положение КНР об антисубсидиях», а также «Положение КНР о протекционистских мерах».

Число инициированных Китаем антидемпинговых расследований невелико, но в последнее время их становится все больше. Так, в 1997 г. был расследован один случай, в 1999 г. — четыре, в 2000 г. — шесть, в 2001 г. — 14, в 2002 г. — 30, в 2003 г. — 22. В 2007–2008 гг. Китай занял 6-е место в мире по количеству открытых антидемпинговых дел¹¹.

Первое компенсационное расследование Китая было начато 1 июня 2009 г. К концу 2009 г. Китай провел 3 компенсационных расследования (по электростали, курятине, и некоторым видам машин, импортируемым из США).

Отметим, что Китай ныне является одной из стран, в наибольшей мере подвергающихся антидемпинговым расследованиям извне. За период 1999–2009 гг. 24% всех антидемпинговых расследований в мире было проведено против него (первое место по этому показателю) и 18% всех компенсационных расследований в мире (второе место после Индии). Все это говорит, между прочим, и о его возрастающей роли в мировой торговле.

Среди мер государственной поддержки экспорта в Китае обращает на себя внимание предоставление *кредитов на экспорт и импорт* товаров, направленное, главным образом, на стимулирование экспорта (прежде всего — электромеханического и комплексного оборудования, высокотехнологичных изделий, на поддержку ввоза передовых технологий и оборудования, на привлечение иностранных инвестиций, поддержку проведения подрядных работ, вывоза рабочей силы и инвестиций за рубеж).

Основные организации с правом кредитовать экспорт и импорт — это Экспортно-импортный банк Китая (ЭИБК) и Банк Китая (БК). Главные виды их деятельности —

кредитование китайских экспортеров и кредитование иностранных импортеров, закупающих китайскую продукцию.

Большую роль в государственной поддержке экспортеров играет *система возврата налогов при экспорте товаров*. Еще одно направление воздействия властей на объемы и структуру экспорта: возмещение из бюджета уплаченного предприятиями-экспортерами налога на добавленную стоимость. Практиковать такую политику Китай начал с 1985 г. Девять лет спустя здесь прошла масштабная реформа налоговой системы: вместо налога на товары стал взиматься налог на добавленную стоимость. В 1997 г. под влиянием Азиатского финансового кризиса экспорт Китая значительно уменьшился. В ответ на это в 1998 г. правительство 6 раз повышало ставку возврата налога, в 1999 г. — еще трижды. При этом средний уровень ставки увеличился до 15%. Однако с начала 2004 г. система возврата НДС снова изменилась. В конце 2003 г. Госсовет КНР принял «Решение о реформе действующей системы возврата налога при экспорте товаров», на основе которого был сформирован двухуровневый механизм (центральный и местный) возврата налога при экспорте, установлены разные ставки в зависимости от товарной группы.

С 2005 г. государство поэтапно снижало или отменяло ставки возврата налога при экспорте на ряд «энергозатратных, загрязняющих и ресурсозатратных» товаров, одновременно увеличивая ставки на отдельные виды технологического оборудования и техники, IT-индустрии, биотехнологий¹².

Масштабные корректировки возмещения экспортного НДС произошли в 2006–2007 гг., когда у властей сложилось впечатление, что китайский экспорт обладает значительным запасом конкурентоспособности и может обойтись без специального налогового стимулирования. С сентября 2006 г. полностью прекратилось возмещение НДС по экспорту всех видов сырьевых ресурсов, кроме металлов. Затем крупное сокращение размеров «возврата» последовало в начале 2007 г. Тем самым, с одной стороны, поощрялось производство товаров для внутреннего потребления, с другой стороны, в этом выражались поощрение экспорта товаров с более высокой добавленной стоимостью (на такую ставку возврата НДС не изменилась).

Однако в 2008 г. ситуация стала меняться: под влиянием мирового кризиса здесь резко упал объем экспорта, ухудшились условия внешней торговли. Чтобы поддержать предприятия-экспортеры товаров, а также повысить их конкурентоспособность, правительство решило с 1 ноября 2008 г. снова увеличить ставки возврата налога при экспорте, что коснулось 3486 наименований товаров (как высокотехнологичных, так и традиционно трудоемких). Это составило около 25% общего числа товаров, облагаемых таможенными пошлинами в Китае.

Итак, постепенная либерализация в сфере госрегулирования китайской внешней торговли способствовала, наряду с продуманной системой протекционистских мер, динамичному развитию внешней торговли Китая после вступления в ВТО.

Для систематизации основных инструментов государственного регулирования внешней торговли КНР сведем их в таблицу.

3. Динамика развития внешней торговли Китая после вступления в ВТО

На протяжении всего периода проведения реформ и открытости внешняя торговля являлась локомотивом роста ВВП Китая. За годы реформ внешнеторговый оборот КНР вырос с 20,6 млрд. долл. в 1978 г. до 3642 млрд. долл. в 2011 г. — т.е. более чем стократно.

Таблица 1

Основные инструменты государственного регулирования внешней торговли в Китае после вступления в ВТО

Инструмент торг. политики	Основные составляющие
Таможенные пошлины	Установление с 2002 г. четырех колонок импортных пошлин в зависимости от страны происхождения товаров; многократное и масштабное снижение средневзвешенного импортного тарифа (с 50% в начале 1980-х гг. до 15,6% в 2001 г. и 9,5% — в 2009 г.); увеличение товарных позиций, облагаемых импортными пошлинами с 6940 (1999 г.) до 7867 (2009 г.); увеличение товарных позиций, облагаемых экспортными пошлинами (до 88, в основном сырьевые товары).
Внутр. налоги и сборы	Предоставление национального режима для импортных товаров; применение системы возврата НДС при экспорте за счет снижения доли возврата для энерго- и ресурсоемкой продукции с одновременным его ростом при экспорте высокотехнологичной продукции.
Тарифные квоты	Применение тарифных квот при импорте пшеницы, кукурузы, риса, сахара, шерсти, хлопка, химических удобрений и др.
Квотирование	Отмена с 2005 г. всех прежних квот на импорт электромеханической продукции, сельхозпродукции и отдельных промышленных товаров; установление квот на экспорт отдельных видов животных, сельхозтоваров, сырья и химических продуктов.
Лицензирование	Применение лицензирования при экспорте и импорте товаров, списки которых определяются Министерством коммерции КНР.
«Добровольное» огранич. экспорта	Ограничение в основном на экспорт текстильных изделий в США, Канаду, страны ЕС, а также Турцию.
Антидемпинг. и компенсацион. меры	Инициирование Китаем антидемпинговых расследований (в 2007–2008 гг. их было 16 — КНР заняла по этому показателю 6-е место в мире); в июне 2009 г. КНР инициировала 1-е компенсационное расследование
Технические барьеры	В 2009 г. разработана система обязат. сертификации, охватившая 172 вида импортируемой и всю экспортируемую продукцию; идет упрощение таможенных процедур при импорте и экспорте товаров; с 2008 г. упрощены процедуры прохождения импортно-экспортной экспертизы товаров, список которых публикуется ежегодно; маркировка товаров на китайском языке (кроме товаров для экспорта).

Составлено автором по китайским и российским источникам и по документам ВТО¹³

Перед вступлением Китая в ВТО многие эксперты прогнозировали возможное снижение внешнеторгового оборота (прежде всего, за счет сокращения экспорта). Они исходили из предположения, что его экономику по причине расширения открытости постигнет снижение конкурентоспособности из-за низкого качества национальных товаров и их более высокой себестоимости по сравнению с аналогичной продукцией транснациональных корпораций. Это, как предполагалось, негативно повлияет на экспорт, будет сдержи-

вать его объем, как и объемы производства — особенно, в первые годы после вступления в ВТО. Однако полученный в рамках ВТО режим наибольшего благоприятствования расширил доступ на внешние рынки для китайских предприятий, а либерализация внешнеторгового режима повлекла снятие внутренних барьеров для негосударственных предприятий, увеличила объем экспортно-импортных операций малого и среднего бизнеса¹⁴. Все это позволило Китаю не только укрепить свои позиции в международной торговле, но и занять второе место в мире после США. Через 4 года после вступления Китая в ВТО был отмечен существенный рост основных макроэкономических показателей развития КНР, как и ее внешней торговли¹⁵. Если до вступления Китая в ВТО (в 2000 г.) доля Китая в мировом экспорте составляла 3,9%, а в импорте — 3,3%, то в 2010 г. экспорт Китая достиг 10,4% мирового показателя, а импорт — 9%¹⁶. Быстрый рост объема внешней торговли КНР и преобладание экспорта над импортом привели к увеличению избыточного оборота и усилению давления на юань в сторону повышения его курса¹⁷.

Одним из основных внешних факторов роста китайской экономики стало резкое увеличение экспорта, особенно в 2003–2004 гг., когда темпы его прироста были максимальными с момента вступления в ВТО, составив 34,6 и 35,4% соответственно (табл. 2). Внешнеторговый оборот Китая вырос с 509,8 млрд долл. в 2001 г. до 3642 млрд долл. в 2011 г., т.е. более чем в 7 раз. Максимальный темп прироста был отмечен в 2003 г. (37,1%), после чего темпы замедлились до 17,9% в 2008 г. Реакцией внешней торговли Китая на пик мирового экономического кризиса 2009 г. стало падение внешнеторгового оборота до 86,1% от уровня 2008 г. Ныне можно утверждать, что вступление Китая в ВТО стимулировало дальнейшее открытие китайской экономики. Вместе с тем, экономика, ориентированная на внешний рынок, как правило, имеет свои плюсы и минусы.

Таблица 2

Динамика внешней торговли Китая в 2001–2011 гг., млрд долл. США

	2001	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Оборот	509,8	851,2	1422,1	2173,8	2563,3	2207,3	2972,8	3642,0
темпы прироста, %	7,5	37,1	23,1	23,5	17,9	-13,9	34,7	22,5
Экспорт	266,2	438,4	762,0	1218,0	1430,7	1201,7	1577,9	1898,6
темпы прироста, %	6,8	34,6	28,4	25,7	17,5	-16,0	31,3	20,3
Импорт	243,6	412,8	660,1	955,8	1132,6	1005,6	1394,8	1743,4
темпы прироста, %	8,2	39,8	17,6	20,7	18,5	-11,2	38,7	25,0
Сальдо	22,6	25,6	101,9	262,2	298,1	196,1	183,1	155,2

Составлено по: Чэунго гоцзя туцзицзюй [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://www.stats.gov.cn>; Главное таможенное управление КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn>.

К первым следует отнести возникшие возможности эффективного использования преимуществ международного рынка и международных ресурсов для саморазвития. К числу негативных для Китая последствий экспортно-ориентированной экономики следует отнести следующие:

Во-первых, высокая зависимость внешней торговли Китая от мировой экономической и политической конъюнктуры, т.е., от колебаний спроса и от изменений цен на внешнем рынке. Избыточная зависимость от мировых рынков заметно усугубляет политические и экономические риски для экономики, особенно в случаях непредвиденных колебаний рыночной конъюнктуры, как например, мировой экономической кризис, изменения во внешнеэкономической стратегии стран-партнеров.

Во-вторых, экономический рост, движимый экспортом, происходит в Китае за счет использования дешевой рабочей силы и истощения небогатых природных ресурсов: земельных, энергетических, водных, растительных, что сопровождается нарушением экологического баланса и загрязнением окружающей среды.

В-третьих, возрастают трения в отношениях с внешним миром, происходящие из-за нехватки рабочих мест в странах-импортерах из-за притока дешевых китайских товаров. В разных странах увеличивается противодействие ему, как «творцу» трудностей для местного национального производства. Так, в 2005 г. на долю китайской обуви приходилось 67% рынка в Японии, 60% — в США и 20% — в Европе. Доля Китая в импорте европейскими странами мебели возросла с 6% в 1999 г. до 50% в 2006 г. По данным ВТО, на период с 1995 г. до середины 2005 г. на Китай пришлось 16% всех принятых антидемпинговых мер в мире. Одновременно развитые страны выстраивают на пути китайского экспорта различные нетарифные барьеры. По мнению известного китайского экономиста Линь Ифу, в ближайшей перспективе политика, направленная против китайского экспорта, будет усиливаться, чему может способствовать и то обстоятельство, что другие развивающиеся страны пойдут по пути использования своих сравнительных преимуществ, также экспортируя трудоемкие изделия, что усилит их конкуренцию с КНР. Все это и поставило экспорт и функционирование экспортно-ориентированных отраслей Китая под удар мирового кризиса.

Как уже отмечалось, реакция внешней торговли Китая на пик мирового экономического кризиса в 2009 г. выразилась в падении внешнеторгового оборота. В целом только за 2009 г. экспорт товаров сократился на 16,0%, а импорт — на 11,2%. В то же время профицит торгового баланса сохранился, составив в 2009 г. 196,1 млрд долл. Негативное воздействие экономического кризиса на внешнюю торговлю было нивелировано активными мерами государства. Остановимся на тех, что в наибольшей мере связаны с внешней торговлей.

Активная финансовая политика и умеренная валютная политика явились основными инструментами действий государства. При этом особое место было уделено стимулированию и подъему экспортно-ориентированных производственных отраслей, поощрению инноваций в производственной сфере. Для поддержания экспортно-ориентированных предприятий и экспорта правительство 7 раз повышало ставку возврата НДС при экспорте (на более чем 8000 видов продукции). Были полностью или частично отменены экспортные пошлины на зерновые, химические удобрения и отдельные промышленные товары (по 102 позициям). Был сокращен перечень товаров, ограниченных или запрещенных для поставок за рубеж в рамках давальческих схем. Правительство Китая подписало двусторонние соглашения с рядом государств (включая Беларусь) о валютных свопах на сумму 650 млрд юаней (свыше 90 млрд долл. США), что означало стимулирование компаний-импортеров из этих стран к приобретению за юани продукции китайского производства. Китай также принял программу экспортного страхования на 84 млрд долл.¹⁸ (оказывая при том предпочтение компаниям, создающим высокооплачиваемые рабочие места.

Политика государства в области импорта была ориентирована на стимулирование закупок важнейших энергоресурсов, дефицитного в стране сырья, важнейших технологий и современного оборудования¹⁹. В конце 2008 г. были временно снижены импортные тарифы на 670 ввозимых товаров.

Наряду с этим большую роль для перспективного развития страны в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры сыграла политика Китая по инвестированию за рубежом в освоение энергетических и других ресурсов, по приобретению зарубежных предприятий, заключению подрядов на строительные работы и трудовые услуги. Все это способствовало нейтрализации неблагоприятного влияния внешней среды.

Детальный анализ динамики экспорта и импорта Китая за период с 2001 по 2011 гг. позволил выявить ряд особенностей.

Во-первых, в докризисный период экспорт и импорт росли высокими темпами, при этом резкое увеличение темпов прироста обеих составляющих внешнеторгового оборота были отмечены в 2002 г. — после вступления Китая в ВТО, а максимальные показатели наблюдались в 2003 и 2004 гг.

Во-вторых, темпы прироста экспорта в предкризисный период 2005–2007 гг. значительно опережали рост импорта. Благоприятная общемировая конъюнктура, обусловившая рост экспорта, способствовала значительному увеличению положительного сальдо внешнеторговых операций, достигшего максимального значения в 2008 г. (298,1 млрд долл.), что в 13,2 раза больше, чем в 2001 г.

В-третьих, экспорт Китая быстрее и существеннее отреагировал на вызванное экономическим кризисом сокращение внешнего спроса из-за снижения импорта ведущих потребителей китайских товаров стран (ЕС, США и Японии). Темпы падения экспорта в Китае в 2009 г. опередили аналогичные показатели импорта Китая на 4,8%, что привело к сокращению положительного сальдо внешнеторговых операций. Сокращение экспорта отразилось на экспортно-ориентированных производствах в приморских городах (Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь), вынужденных в связи с кризисом прекратить, либо сократить свою деятельность.

В-четвертых, активная экономическая политика Китая по преодолению кризисных явлений (во внешней торговле, в частности) способствовала изменению нисходящего тренда в экспорте и импорте страны на восходящий уже в конце 2009 г. В 2011 г. внешняя торговля продолжала активно восстанавливаться. Объем внешнеторгового оборота в 2011 г. достиг 3642 млрд долл., что на 22,5% больше показателя 2010 г. При этом экспорт увеличился на 20,3% (достигнув 1898,6 млрд долл.), а импорт — на 25% (до 1743,4 млрд долл.) Опережающий рост импорта способствовал дальнейшему сокращению положительного сальдо в торговом балансе Китая.

4. Оценка структурных сдвигов в экспорте и импорте Китая

Особый интерес в анализе внешней торговли Китая представляют изменения в товарной структуре экспорта и импорта, последовавшие за его вступлением в ВТО, а также в связи с воздействием экономического кризиса. Для выявления структурных сдвигов в экспорте и импорте использованы в качестве исходных данных официальные материалы Государственного статистического управления Китая, а также таможенной статистики. При этом товары были систематизированы и объединены в укрупненные товарные группы, удобные для анализа с использованием двух классификаций: Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (ГС) и Стандартной международной торговой классификации (СМТК). При этом основные расчеты проведены на базе ГС (табл. 3), а СМТК послужила дополнением для уточнения доли обработанных и готовых товаров в экспорте и импорте Китая.

Как видно из таблицы «3», за период с 2001 по 2011 гг. в товарной структуре экспорта и импорта произошли существенные изменения, обусловленные быстрым экономическим ростом КНР, который в значительной мере был обеспечен стремительным развитием обрабатывающих отраслей промышленности, определяющих не только экспортную ориентированность китайской экономики, но и рост уровня технологичности экспорта.

Анализ товарной структуры экспорта в 2001 и 2011 гг. показал, что наиболее существенно за этот период выросла доля машин, оборудования и транспортных средств (с 38,6% в 2001 г. до 51,4% в 2011 г.), а также изделий из черных и цветных металлов (с 6,1 до 7,6% соответственно). Однако, несмотря на сокращение относительных показателей других групп товаров, их абсолютные показатели в несколько раз опережали уровень 2001 г.

Таблица 3

Товарная структура экспорта и импорта Китая на базе ГС, %

Товары по ГС (HS)	2001	2008	2009	2010	2011
Экспорт					
1.Продовольствие и сельхозсырье (разд. I — IV)	5,8	2,7	3,2	3,0	3,1
2.Минеральные продукты (разд. V)	3,7	2,6	1,9	1,9	1,9
3.Продукты хим. пром-сти, каучук (разд. VI — VII)	7,9	7,7	7,5	7,9	8,6
4.Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия (разд. IX — X)	1,8	1,5	1,6	1,5	1,5
5.Текстиль и текст. изделия, обувь (разд. XI — XII)	23,3	15,1	16,3	15,4	15,4
6.Черн. и цветн. металлы, изделия из них (разд. XV)	6,1	10,1	6,4	7,0	7,6
7.Машины, оборудование и транспортные средства (разд. XVI — XVIII)	38,6	51,0	53,2	53,5	51,4
8.Прочие товары (разд. VIII, XIII, XIV, XIX — XXI)	12,8	9,3	9,9	9,8	10,5
Импорт					
1.Продовольствие и сельхозсырье (разд. I — IV)	4,0	4,4	4,6	4,4	4,4
2.Минеральные продукты (разд. V)	9,3	23,1	19,5	21,6	24,8
3.Продукты хим. пром-сти, каучук (разд. VI — VII)	14,9	12,2	12,8	12,5	12,1
4.Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия (разд. IX — X)	4,2	2,3	2,3	2,2	2,4
5.Текстиль и текст. изделия, обувь (разд. XI — XII)	6,8	2,3	2,3	2,2	2,3
6.Черн. и цветн. металлы, изделия из них (разд. XV)	9,0	7,0	8,6	7,4	6,8
7.Машины, оборудование и транспортные средства (разд. XVI — XVIII)	48,0	46,3	47,6	46,2	42,2
8.Прочие товары (разд. VIII, XIII, XIV, XIX — XXI)	3,8	2,4	2,3	3,5	5,0

Составлено и рассчитано автором по: Чжунго гоцзя тунцицизюй [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://www.stats.gov.cn>; Чжунго хайгуань цзуншю [Главное таможенное управление КНР]. URL: <http://www.customs.gov.cn>.

Более детальный анализ показал, что сокращение относительных показателей было обусловлено различиями в динамике абсолютного прироста отдельных товарных групп в экспорте (в млрд долл. США). Если общий экспорт Китая за данный период вырос в 7,1 раз, экспорт машин, оборудования и транспортных средств — в 9,5 раз, изделий из черных и цветных металлов — в 9 раз, то продажа товаров традиционного экспорта (текстиль, текстильные изделия и обувь) увеличилась только в 4,7 раза. Эти различия в динамике и обусловили сокращение доли этой группы товаров в экспорте.

Подтверждением возросшей доли обработанных и готовых изделий в экспорте Китая служит товарная структура, сгруппированная по разделам классификации СМТК, поскольку позволяет в укрупненном виде увидеть происходящие изменения. На

долю промышленных товаров (обработанных изделий, машин, оборудования, транспортных средств, химических продуктов и др.) пришлось в 2011 г. 94,7% против 90,1% в 2001 г.²⁰ Если к этому показателю добавить произведенные продовольственные товары, то доля этой группы еще возрастет. В этой классификации, как и в предыдущей, прослеживается отмеченная ранее закономерность повышения роли обрабатывающего сектора в экспорте Китая.

На фоне происходящих структурных сдвигов весьма интересна реакция товарной структуры экспорта Китая на экономический кризис. В кризисном 2009 г. по сравнению с 2008 г. произошло сокращение экспорта в целом (на 16%) и отдельных товарных групп, при этом экспорт черных, цветных металлов и изделий из них сократился наиболее существенно — в 1,9 раз. В сложившихся условиях экспорт машин, оборудования и транспортных средств сократился только на 12,2%, что обеспечило увеличение доли этой группы в совокупном экспорте до 53,2%. Таким образом, кризис усилил позиции машино-технической продукции в экспорте КНР.

В то же время мобильность и трансформация товарной структуры экспорта и импорта Китая поставили задачу произвести более точную оценку происходящих структурных сдвигов. Для реализации поставленных целей были использованы различные методические подходы. Расчет различий структур производился для экспорта и импорта в 2001 и 2011 гг. (табл. 3).

Важно отметить, что в данной работе рассчитывались не изменения отдельных долей, а изменение структуры в целом, т.е. «структурные сдвиги». Для получения количественной оценки и точных выводов о сходстве или различии двух структур был использован индекс Рябцева (J_R)²¹. Он имеет верхний и нижний пределы значений, равные, соответственно, 1 и 0, которые использовались для оценки существенности количественных различий структуры экспорта для двух периодов. Чем ближе полученное значение к «1», тем больше уровень различий. При этом преимущество индекса Рябцева (J_R) заключается в том, что он более «жесткий» и не зависит от числа градаций совокупности, в то же время показывает отношение фактической меры расхождения значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением.

$$J_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_2 - d_1)^2}{\sum_{i=1}^n (d_2 + d_1)^2}}$$

где: d_1 и d_2 — удельные веса признаков в двух сопоставляемых структурах;
 $i=1,2,3,\dots,n$ — число градаций в структурах.

Результатом расчетов индекса Рябцева стали интегральные показатели, свидетельствующие о существенном уровне структурных различий, произошедших в экспорте Китая за период с 2001 по 2011 гг.

Подтверждением этого вывода следует считать показатели ($J_{R2011} = 0,151$), которые по шкале оценки меры существенности различий структур находится в интервале от 0,150 до 0,300, что соответствует «существенному уровню различий». Таким образом, изменения, произошедшие в экспорте Китая после вступления в ВТО, можно считать существенными. Как видно из расчетов, в структуре экспорта происходят позитивные сдвиги.

Анализ товарной структуры импорта Китая показал, что за период с 2001 по 2011 гг. наиболее значительно в ней возросла доля минеральных продуктов (с 9,3% в 2001 г. до 24,8% в 2011 г.). Динамика ввоза минеральных продуктов свидетельствует, с одной стороны, о возрастающем дефиците отдельных видов минерального сырья в Китае, прежде всего, нефти и газа, а с другой — о росте их потребления в связи с сохраняющейся высокой динамикой экономического развития. Однако самую высокую долю в импорте за-

нимает группа «машины, оборудование и транспортные средства», составившая 48% в 2001 г. и 42,2% в 2011 г. Более детальный анализ показателей импорта по товарным группам позволил выявить различия в динамике их абсолютного роста (в млрд долл. США). Так, если общий объем импорта увеличился за этот период в 7,2 раза, то импорт минеральных продуктов — в 19,2 раз, тогда как машин, оборудования и транспортных средств — в 6,3 раза, а продукции химической промышленности — только в 5,8 раз.

Экономический кризис внес свои коррективы и в товарную структуру импорта Китая. В 2009 г. общий объем импорта сократился по сравнению с 2008 г. на 11,2%, сократились и другие товарные группы за исключением черных и цветных металлов и изделий из них. При этом максимальное абсолютное сокращение (в млрд долл.) в 2009 г. было отмечено в товарной группе «минеральные продукты» (на 24,9%), а также в группе «машины, оборудование и транспортные средства» (на 8,7%). Различия в динамике сокращения товарных групп в импорте привели к увеличению в 2009 г. доли машин, оборудования и транспортных средств до 47,6% (в 2008 г. — 46,3%) и снижению доли минеральных продуктов до 19,5%. Процесс восстановления импорта начался в августе 2009 г., когда темпы прироста импорта стали опережать прирост экспорта, что повлияло в марте 2010 г. (впервые за последние годы) на формирование отрицательного сальдо торгового баланса.

Для оценки структурных сдвигов в импорте также был рассчитан индекс Рябцева (J_R). В соответствии со шкалой оценки «меры существенности различий структур», индекс Рябцева ($J_{R2011} = 0,172$) находился в диапазоне от 0,150 до 0,300, что соответствует существенному уровню различий. Это объясняется увеличением доли минеральных продуктов в импорте (прежде всего энергетических ресурсов) при почти равномерном сокращении других товарных групп. Оценка данного структурного сдвига подтвердила проводимую Китаем политику на увеличение импорта сырья для удовлетворения потребностей его растущей экономики.

Итак, проведенный анализ позволил не только выявить реакцию динамики внешней торговли Китая на вступление в ВТО и мировой экономический кризис, но и количественно оценить структурные сдвиги в экспорте и импорте страны, произошедшие в связи с этими важнейшими событиями. Произведенные расчеты позволили заключить, что в китайской экономике в целом и во внешней торговле, в частности, наметились долгосрочные позитивные тенденции, характеризующие направление развития китайской экономики по инновационному пути.

1. WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (26 April 2010). The World Trade Organization. 2010. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm (дата обращения: 12.06.2011).
2. Горюнов А.П. Эффекты либерализации внешней торговли в КНР // Вестн. ДВО РАН. 2003. № 5. С. 38–51; Хуан Сюэлин. Чжунго дуйвай маои гайлунь [Введение во внешнюю торговлю Китая]. Пекин, 2003. 441 с.
3. Мозиас П.М., Яковлева В.В. Внешнеторговая политика Китая после присоединения к ВТО // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 64–68.
4. Обязательства Китая по сокращению тарифов пошлин после вступления в ВТО будут полностью выполнены в 2010 году // Жэньминь жибао. 2009. 16 дек. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6843829.html> (дата обращения: 04.05.2010).
5. Adjustment of Customs duty rate for the most favored nations in 2009 // Export to China. ETCN. 2009. URL: http://www.e-to-china.com/tariff_changes/tariff_changes_data/tariff_changes/2009/0221/17703.html (дата обращения: 12.04.2010).
6. WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (26 April 2010). The World Trade Organization. 2010. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm (дата обращения: 12.06.2011).
7. Мозиас П.М., Яковлева В.В. Указ. соч.

8. WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (26 April 2010). The World Trade Organization. 2010. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm (дата обращения: 12.06.2011).
9. Ляньюнь усян хэ цзишу цзиньчжоу сюйкэчжэн гуаньли мулу [Каталог товаров и технологий двойного назначения, подлежащих лицензированию при экспорте и импорте] // Чжунхуа жэньминь гунхэго Шаньбу цзидянь хэ кэци чаньсые (Гоцзя цзидянь чаньпинь цзиньчжоу бань-гунши) [Отдел отраслей электромеханических и высокотехнологических изделий Министерства коммерции КНР (Государственная канцелярия экспорта и импорта электромеханических изделий)]. 2011. 31 дек. URL: <http://cys.mofcom.gov.cn/accessory/201202/1329381530777.pdf> (дата обращения: 17.02.2012).
10. *Шевель И.* Реформа налоговой системы в КНР // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 6. С. 74–82.
11. WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (26 April 2010). The World Trade Organization. 2010. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm (дата обращения: 12.06.2011).
12. *Ся Ян, Тао Тянь.* Цзиньжун вэйцзи гуаньйи вого чукоу туйшуй гуннэн динвэй дэ сыкао [Об определении роли возврата НДС при экспорте товаров под воздействием финансового кризиса в Китае] // Шаньэ цзинци [Экономика торговли]. 2009. № 6.
13. См.: WTO. Overview of developments in the international trading environment. Annual report by the Director-General (WT/TPR/OV/13 of 24 November 2010). The World Trade Organization. 2011. URL: <http://www.wto.org>; WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (28 February 2006). The World Trade Organization. 2006. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm; WTO. Trade Policy Review. Report by the Secretariat. China. (26 April 2010). The World Trade Organization. 2010. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/tp330_e.htm; *Хуан Сюэлин.* Указ. соч.: *Ся Ян, Тао Тянь.* Указ. соч.; *Мозис П.М., Яковлева В.В.* Указ. соч.: Чжунхуа жэньминь гунхэго дуйвай цзинци фалюй фагуй хуэйбянь. URL: <http://www.people.com.cn>.
14. *Кучерявенко В.Е.* Социально-экономическое развитие КНР: прогнозы и реальность // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 49–62.
15. Подробный анализ особенностей развития внешней торговли Китая после вступления в ВТО см.: *Понкратова Л.А., Чжао Сунь.* Внешняя торговля Китая: особенности развития после вступления в ВТО и взаимодействие с Россией // Вестн. Амур. гос. ун-та. 2008. № 41. С. 122–128; *Понкратова Л.А., Чжао Сунь.* Внешняя торговля Китая: особенности динамики и оценка структурных сдвигов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 2(95). С. 44–53.
16. Рассчитано автором по: WTO. Statistics Database. URL: <http://stat.wto.org>.
17. *Островский А.В.* Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО: Всерос. эконом. журн. 2008. № 8. С. 101–111.
18. Обзор мер во внешнеэкономической сфере, принятых иностранными государствами в условиях мирового финансового кризиса в 2009 г. и I квартале 2010 г. // Министерство экономического развития РФ. 2010. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2010).
19. Цзиньнянь цзиду вого хунгуань цзинци юй цайчжэн чжэнцэ фэньси баогао [Доклад по анализу макроэкономики и финансовой политике Китая в первом квартале этого года] // Цзиньцзи цаькао бао [Экономическая справочная газета]. 2009. 22 апр. URL: <http://www.zgxxb.com.cn/news.asp?id=16200> (дата обращения: 12.09.2009).
20. Чжунго гоцзя тунцицизюй [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://www.stats.gov.cn>; Чжунго хайгуань цзуншу [Главное таможенное управление КНР]. URL: <http://www.customs.gov.cn>.
21. Региональная статистика: Учебник / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудиллина. М., 2001. С. 43.

Энергетика — материальный фундамент стратегического партнерства России и Вьетнама*

© 2012

А. Воронин

Сотрудничество России и Вьетнама в топливно-энергетической сфере имеет долгосрочный, взаимовыгодный и всесторонний характер. Оно включает в себя производственную кооперацию в нефтегазовой промышленности, технико-экономическое взаимодействие в создании мощностей в гидро-, тепло- и атомной энергетике, в добыче угля, в строительстве электросетей и трубопроводов, в подготовке квалифицированных кадров СРВ. В статье показаны основные этапы и особенности энергетического сотрудничества России и Вьетнама на протяжении почти шестидесяти лет, обозначены тенденции дальнейшего взаимодействия в этой сфере.

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, нефтегазовый комплекс, Вьетсовпетро, Русвэетпетро.

Вьетнам XXI в. — одна из наиболее динамично развивающихся экономик мира. Среднегодовые темпы роста ВВП этой страны на протяжении уже более десяти лет составляют 7,2%¹. Даже в ходе мирового валютно-финансового кризиса Вьетнам продемонстрировал устойчивость национальной экономики и лишь немного снизил наращивание производственного потенциала.

Одна из фундаментальных причин такого успеха — наличие постоянно и динамично развивающегося энергетического комплекса. В стране проводятся крупные мероприятия по реструктуризации отрасли, повышению ее технологического уровня и эффективности использования имеющихся ТЭС и ГЭС, совершенствованию территориального размещения энергетических мощностей, обеспечению энергосбережения, росту финансово-экономической эффективности отрасли.

Энергетический сектор обеспечивает жизнедеятельность всех отраслей народного хозяйства, играет ведущую роль в диверсификации экономики, в появлении все новых отраслей современной индустрии. Энергетика во многом определяет формирование основных источников доходной части государственного бюджета, способствует социально-экономической консолидации Вьетнама.

Высокие темпы роста ВВП Вьетнам способен сохранить и в предстоящее десятилетие. Однако это возможно лишь в том случае, если СРВ удастся обеспечить опережающее развитие энергетики, которая сегодня работает на пределе своих возможностей. Ежегодный прирост производства электроэнергии в среднесрочной перспективе, по оценке вьетнамских экспертов, должен составить 12–14%, а в дальнейшем возрастет даже до 15–17%².

Воронин Анатолий Сергеевич, старший научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. (499) 137–12–75.
E-mail: voronin@proc.ru.

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12–21–09000.

Вьетнамское руководство отчетливо видит масштабность и сложность стоящих задач. Об этом говорят документы XI съезда правящей в стране компартии. В отчетном докладе ЦК КПВ XI съезду (январь 2011) нефтегазовая, угольная промышленность и электроэнергетика признаны отраслями, имеющими стратегическое значение для быстрого, эффективного и устойчивого развития экономики. Их развитию будет уделяться приоритетное внимание³. Совокупная мощность к 2020 г. всех станций должна достигнуть 330 млрд кВт против 100 млрд кВт электроэнергии в 2010 г. 19,6% электроэнергии будет производиться гидроэлектростанциями, 46,8% — тепловыми электростанциями, 24% — газовыми станциями. 4,5% дадут возобновляемые источники энергии и пока только 2,1% — атомной энергетикой⁴.

Пока же в СРВ производство энергоресурсов отстает от возрастающих потребностей экономики. Из расчета на душу населения электроэнергии производится в двадцать раз меньше, чем в России. Особенно острую ее нехватку испытывает южная часть страны. Эксперты Министерства промышленности и торговли СРВ считают, что потребность в электроэнергии в 2030 г. составит 562 млрд кВт/ч., в то время как производственные возможности, если не принять дополнительных усилий по созданию новых мощностей, достигнут лишь 293 млрд кВт/ч⁵.

В реализации своей энергетической программы Вьетнам в немалой степени опирается на сотрудничество с Россией. Энергетическое сотрудничество России и Вьетнама — во многом уникальное явление. Оно выгодно отличается от сотрудничества России в сфере энергетики с другими странами, где наша страна выступает в качестве, главным образом, поставщика невозобновляемого, углеводородного сырья. Что касается сотрудничества в сфере энергетики с Вьетнамом, то оно базируется на производственном, технологическом, инвестиционном факторах. По сумме экспортных контрактов в списке заказчиков Вьетнам для российских производителей энергооборудования в середине 2000-х гг. занимал второе после Индии место⁶. С точки зрения эффективности, для российской стороны энергетическое сотрудничество с Вьетнамом может служить моделью для сотрудничества России со многими другими странами, в том числе государствами-членами АСЕАН, развитие которых также сдерживается острым энергодефицитом.

Энергетическое сотрудничество России и Вьетнама — это целый комплекс отраслей и производств, включая разведку, добычу и транспортировку нефти и газа, возведение гидро-, тепло- и атомных станций, угольных карьеров; строительство электросетей, газопроводов и газораспределительных сетей, а также других объектов инфраструктуры топливно-энергетического комплекса, создание объектов энергетического машиностроения, научно-исследовательских центров, подготовку высококвалифицированных кадров специалистов для различных отраслей современной энергетики. В последние годы стороны все теснее взаимодействуют не только на территории Вьетнама, но и в России, а также в третьих странах.

Началось сотрудничество энергетиков двух стран около шестидесяти лет тому назад, сразу же после освобождения северной части Вьетнама от французских колонизаторов. В период французского правления развитию энергетики, требующей крупных капитальных вложений, колониальные власти внимания не уделяли. После своего ухода из Индокитая в 1954 г. на севере Вьетнама они оставили лишь пять небольших электростанций, производивших всего 53 млн. кВт/ч электроэнергии в год⁷. Электродефицит был тотальный. В сельском хозяйстве — основной отрасли производства в тот период — не было ни одного электродвижка.

По просьбе президента ДРВ Хо Ши Мина советские специалисты приняли участие в реконструкции электростанций, построенных в колониальный период. В те же годы в провинции Тханьхоа при советском содействии была построена небольшая ГЭС Бантханг. 23 декабря 1960 г. в Москве было подписано советско-вьетнамское соглашение об оказании Советским Союзом экономической и технической помощи ДРВ. В его рам-

ках предусматривалось, в частности, строительство 8 тепловых и гидравлических электростанций общей мощностью до 200 тысяч кВт с подстанциями и линиями электропередачи протяженностью 500 км, содействие в расширении угольного комбината Хонгай-Камфа и строительство новых шахт общей мощностью до 8 млн т добычи угля в год. Соглашением также предусматривалась поставка горюче-смазочных материалов, необходимых для развития экономики демократического Вьетнама. По просьбе правительства ДРВ во Вьетнам в целях оказания содействия в развитии топливно-энергетической промышленности была направлена группа советских специалистов. В СССР для прохождения производственной практики были приняты вьетнамские специалисты и рабочие. Для оплаты поставляемой в ДРВ техники машин и оборудования правительство СССР предоставило правительству ДРВ долгосрочный кредит в сумме 430 млн. руб. на льготных условиях⁸. К середине 1963 г. в ДРВ существовало 43 электростанции. Их суммарная мощность составляла 114,5 МВт, выработка — 0,255 млрд кВт/ч в год.

В годы «воздушной войны» США против ДРВ (1964–1972 гг.), несмотря на интенсивные бомбардировки и обстрелы, при помощи советских специалистов велось строительство и восстановление ГЭС Тхакба, ТЭС Фалай и Уонгби⁹. Ввод каждой станции в строй действующих праздновался как общенародная победа. Но эти станции не могли удовлетворить потребности страны в электроэнергии. По ее производству в шестидесятые годы страна занимала одно из последних мест в мире. Промышленность и население получали энергию по несколько часов в день. В некоторых провинциях электроэнергии не было вообще. Приходилось постоянно проводить веерные отключения основных потребителей: госучреждений, промышленных предприятий, насосных станций, подающих воду на рисовые поля.

Тем не менее, даже в условиях войны процесс электрификации продолжался. Всего в период с 1955 по 1975 гг., то есть до окончания войны Соппротивления против США, благодаря сотрудничеству с СССР производство электроэнергии в ДРВ выросло в 22 раза¹⁰. Правда, абсолютное большинство мощностей (98%) в тот период приходилось на долю небольших дизельных и тепловых станций. Такая тактика электрификации носила вынужденный характер. Она диктовалась военной обстановкой, необходимостью максимально рассредоточить и обеспечить скрытую от ударов авиации работу энергетических объектов.

Даже в годы самых жестоких бомбардировок вьетнамцы мечтали построить у себя такие же крупные электростанции, как в Советском Союзе. В 1970 г., когда до окончания войны оставалось еще целых пять лет, правительство ДРВ обратилось к Советскому Союзу с просьбой рассмотреть вопрос об оказании помощи Вьетнаму в сооружении гидроузла на реке Черная — мощном рукаве основной водной артерии Северного Вьетнама, реки Красной. В том же году был заключен первый контракт на изыскательские работы. Согласно проекту мощность будущей гидростанции была определена в 1920 МВт. Было решено установить 8 агрегатов в подземном (на случай бомбардировок) машинном зале. Строительство основных сооружений комплекса Хоабинь началось в 1979 г. К созданию гидротехнического комплекса были привлечены лучшие специалисты научных и проектных организаций и предприятий соответствующих отраслей промышленности нашей страны, вьетнамские специалисты и рабочие. В осуществлении поставок строительного и технологического оборудования и материалов участвовали более 200 крупных предприятий СССР и России. В 1988 г. был запущен в эксплуатацию первый агрегат мощностью 240 МВт. Последний, восьмой агрегат станции был введен в эксплуатацию в марте 1994 г. Введение в строй этого энергетического гиганта означало качественный скачок в электрификации, ставшей прочным фундаментом индустриализации СРВ¹¹.

ГЭС Хоабинь стала самым крупным гидроэнергетическим объектом в Юго-Восточной Азии. С ее вводом в строй Вьетнам уверенно вышел на одно из первых мест в

этом регионе по потреблению электроэнергии. До настоящего времени — это основной источник электроэнергии для всей страны. ГЭС вырабатывает 40% электроэнергии Вьетнама. Гидроузел комплексно решил наиболее важные для Вьетнама проблемы народного хозяйства. Это, в первую очередь, касается устойчивого обеспечения народного хозяйства электроэнергией. Созданное в системе гидроузла водохранилище емкостью шесть млрд кубометров воды позволяет надежно регулировать водный режим обширного района Северного Вьетнама, где проживает более 20 млн чел., обеспечивать получение высоких и стабильных урожаев риса. Улучшились судоходные условия на реке Красной и впадающих в нее реках. На месте строительной площадки поднялся город Хоабинь с населением около 80 тыс. чел. В ходе строительства ГЭС сформировался многотысячный отряд квалифицированных инженеров, техников, рабочих — энергостроителей и эксплуатационников. ГЭС воспитала и многих ведущих менеджеров отрасли, целый отряд государственных и политических руководителей страны.

С выводом ГЭС Хоабинь на проектную мощность все отрасли экономики Вьетнама получили мощный толчок. Первое время в энергосистеме севера СРВ даже образовались избыточные мощности. Для их срочной переброски в южную часть страны была построена трансвьетнамская ЛЭП-500 кВт «Север—Юг». Была также расширена электросеть мощностью 110–220 киловольт и созданы линии электропередачи мощностью 35 кВт. Сегодня в стране функционирует единая энергетическая система с Центральным пунктом управления. Она объединяет все электроэнергетические объекты от мыса Камау на самом юге страны до провинции Лангшон на границе с Китаем. Электросеть охватывает все провинции и большинство уездов и имеет протяженность более 2000 км.¹²

После воссоединения Вьетнама был продолжен курс на электрификацию страны. Были построены ГЭС Хоабинь (1920 мВт), ГЭС Чнан (420 мВт), Тхакба (120 мВт), ТЭС Фалай (440 мВт), Уонгби (150 мВт) Чнан (400 мВт) и ряд других. Особое внимание уделялось строительству при содействии российской стороны строительству ГЭС в южной части Вьетнама, испытывавшему особый дефицит энергии. В 2001–2010 гг. в энергосистему СРВ влилась электроэнергия новых электростанций — ГЭС Яли (720 мВт), а также Чнан (400 мВт) и Дами (160 мВт). Активно развивается малая энергетика. Свою наибольшую эффективность это направление сотрудничества показало себя в горной, малозаселенной части центрального Вьетнама. В строй действующих введены гидроэлектростанция Сесан-3 (274 мВт), ГЭС Авыонг (210 мВт), ГЭС Буонкуоп (280 мВт), ГЭС Плейкронг (110 мВт).

В середине 200-х гг. ГЭС и ТЭС, построенные в СРВ с помощью СССР и России, обеспечивают производство около 80% электроэнергии. Большинство энергообъектов строилось «под ключ», на условиях техсодействия, в счет специальных кредитов. Всего за годы сотрудничества при технико-экономическом содействии нашей страны в СРВ созданы тепло- и гидроэлектростанции общей мощностью около 6 тыс. мВт.¹³

Ускоренное развитие гидроэнергетики остается важной частью энергетической программы СРВ. Еще в 1989 г. советский институт «Гидропроект» по просьбе вьетнамского правительства разработал генеральную схему развития гидроэнергетики СРВ. В ней впервые были обоснованы уникальные возможности развития гидроэнергетики. Для мощного развития этой отрасли в стране имеются благоприятные условия. Общая длина рек составляет 42 тыс. км. Большинство из них — короткие горные потоки¹⁴. В настоящее время эта генеральная схема успешно реализуется. Тем не менее, потенциал гидроресурсов пока используется всего лишь на 10%¹⁵.

В дальнейшем развитии гидроэнергетики вьетнамская сторона в немалой мере рассчитывает на российского партнера, который показал свою надежность в любых, даже самых сложных ситуациях. Сформирован «портфель» гидроэнергетического сотрудничества на многие годы вперед. 2 декабря 2005 г. в СРВ состоялась церемония начала строительства при российском участии крупнейшей в Юго-Восточной Азии ГЭС Шонла

в верховьях реки Черной, недалеко от границы с Лаосом. Ее проектная мощность 2400 МВт (почти на 500 МВт больше, чем у крупнейшей на сегодняшний день ГЭС Хоабинь). Первая турбина была пущена в эксплуатацию в самом конце 2010 г. Закончить строительство ГЭС планируется в 2015 г.¹⁶. При содействии российской стороны в СРВ также ведется строительство ГЭС Хамтуан (390 МВт), Донгнай-3 (240 МВт), Донгнай-4 (270 МВт)¹⁷. Неплохие перспективы открываются для российских и вьетнамских гидростроителей в связи с реализацией международных проектов в рамках Программы «Большой Меконг» на территории Лаоса, а также Камбоджи с последующей поставкой электроэнергии по единым электросетям государств-членов АСЕАН во Вьетнам. В проектировании и сооружении во Вьетнаме новых генерирующих мощностей, в модернизации действующих энергетических объектов участвуют такие российские компании, как ОАО «Силовые машины», ОАО «Гидропроект», ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»¹⁸.

В 1980 г. начался качественно новый этап советско-вьетнамского сотрудничества в сфере энергетики. Речь шла о создании во Вьетнаме собственной нефтегазовой отрасли на базе запасов углеводородов на континентальном шельфе Южно-Китайского моря, 3 июля 1980 г. на этот счет в Кремле было подписано первое советско-вьетнамское межправительственное соглашение¹⁹. Это стратегическое решение, принятое руководством двух стран, имело огромное не только экономическое, но и политическое значение. Вьетнам в то время — после освобождения Камбоджи от режима пол Пота — находился в условиях, близких к экономической блокаде. Закупки нефтепродуктов на мировом рынке были затруднены в силу крайне ограниченных золотовалютных запасов. Создание национальной нефтегазовой отрасли позволяло снять большинство экономических ограничений для устойчивого развития экономики.

Добыча углеводородов на континентальном шельфе была новым делом не только для Вьетнама, но и для советских буровиков. Вплоть до восьмидесятых годов они не выходили на большие морские глубины, пока в этом не было особой нужды. Страну в достаточных количествах нефти и газа обеспечивала Западная Сибирь. Ситуация осложнялась тем, что во Вьетнаме действовать приходилось в условиях эмбарго, объявленного правительством Рейгана на закупку Советским Союзом современного нефтегазового оборудования. Создание новой отрасли в СРВ приходилось начинать с «нуля». Во Вьетнаме в то время не было собственного энергетического машиностроения. Не располагал он и квалифицированными кадрами нефтегазовой отрасли.

19 июня 1981 г. было подписано межправительственное соглашение о создании совместного предприятия по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама «Вьетсовпетро»²⁰. Уставный капитал предприятия был определен в 1,5 млрд долл. Он формировался на паритетных началах. Вскоре была принята программа работы СП. В первые годы, вплоть до начала добычи в промышленных масштабах на месторождении «Белый тигр», вьетнамская часть уставного капитала формировалась за счет специального кредита, предоставленного советским правительством вьетнамской стороне.

К решению проблемы были подключены лучшие советские специалисты, ученые и организаторы производства. Была отработана четкая система взаимодействия участников СП. От российской стороны работу вело Государственное предприятие — внешнеэкономическое объединение «Зарубежнефть», от вьетнамской — государственное предприятие «Петровьетнам».

Коллектив СП «Вьетсовпетро» с честью справился с поставленной задачей. Его деятельность стала, теперь уже можно смело сказать, классическим примером эффективности российско-вьетнамского сотрудничества в энергетической сфере. Промышленная добыча нефти началась в небывало сжатые сроки, 26 июня 1986 г. Это позволило в июле 1991 г. подписать соглашение, по которому предприятие перешло на полный хозяйственный расчет и самофинансирование. В соответствии с новым соглашением, вступившим в си-

лу 1 января 2011 г. со сроком действия до конца 2030 г., соотношение долей участников было изменено: «Зарубежнефти» осталось 49%, а у ее партнера по СП, госкорпорации «Петровьетнам» стало 51%²¹.

Сегодня СП, «Вьетсовпетро» остается ключевым объектом российско-вьетнамского производственного сотрудничества. За время деятельности предприятия усилиями его коллектива добыто 200 млн т нефти. Суммарная прибыль, полученная «Вьетсовпетро» с начала промышленной добычи нефти, уже давно с лихвой превысила суммы взносов участников предприятия в уставный фонд. СП стало самым крупным донором вьетнамской экономики. Компания давала 15% всех поступлений в доходную часть вьетнамского госбюджета. Предприятие добывает более 50% нефти во Вьетнаме²². Не осталась в накладе и российская сторона. За годы сотрудничества в рамках СП его российский участник пополнил бюджет страны на 8,6 млрд долл.²³

Предприятию постоянно приходится работать в условиях острой международной конкуренции. Около сорока западных и азиатских фирм искали нефть на вьетнамском шельфе, вложив в разведку недр до 2 млрд долл. Большинство из них технически не справились с задачей, и их участки были переданы «Вьетсовпетро»²⁴. «Вьетсовпетро» продолжает оставаться наиболее технологически передовым, высококонкурентным предприятием вьетнамской экономики, по своей эффективности входящим в первую десятку подобного рода предприятий в мире. Для удержания передовых позиций предприятие ежегодно вкладывает немалые средства на внедрение новых технологий в производство. Так, в 2011 г. 4,38% от своей выручки СП направило на НИОКР²⁵

Взаимодействие нефтяников России и Вьетнама вышло за национальные рамки Вьетнама. Они успешно сотрудничают и на территории России. В 2008 г. в Ненецком автономном округе они учредили совместную компанию «Русвьетпетро». По сути, это зеркальный проект «Вьетсовпетро», но на территории России. Российский участник СК — открытое акционерное общество Зарубежнефть, 100% акций которого находится в федеральной собственности, владеет 51% акций. Вьетнамской стороне были переданы 49% акций новой СК²⁶. Таким образом, Вьетнам стал одним из немногих зарубежных государств, участвующих в добыче нефти на территории России.

В 2009 г. на развитие проекта в Ненецком округе акционеры за счет средств, которые им обеспечивает проект «Белый тигр — Дракон» на южновьетнамском шельфе, направили 7 млрд руб., в 2010 г. — 12 млрд руб. В 2011 г. плановые расходы на развитие предприятия составили 15 млрд руб. В будущем СК намерено привлечь кредиты различных финансовых институтов²⁷. В 2010 г. СК приступила к промышленной добыче нефти. За три с небольшим года введены в эксплуатацию два месторождения, построены новый нефтепровод внешнего транспорта, автодороги, линии электропередачи, энергоцентры, социальная инфраструктура. Предполагается, что на максимальный уровень добычи предприятие выйдет к 2020 г. В 2012 г. компанией получена первая прибыль²⁸. В планах «Русвьетпетро» — наладить поставки добываемой в России нефти во Вьетнам.

Что касается планов «Вьетсовпетро» развивать взаимодействие с компаниями третьих стран и на территории третьих стран, то обратила на себя внимание информация о том, что в июле 2010 г. в ходе 37-го заседания Совета «Вьетсовпетро» в Москве вьетнамская сторона предложила российскому участнику сотрудничать в освоении нефтегазовых месторождений Ирана²⁹. Имеется также информация, что российские и вьетнамские нефтяники совместно с малайзийской частной компанией Bumi Armada приступили к освоению месторождения «Белый носорог» на континентальном шельфе Вьетнама. Это масштабный проект с предварительной стоимостью 700 млн долл., рассчитанный на семь лет с возможностью продления срока освоения еще на восемь лет³⁰.

Налаживает сотрудничество с вьетнамскими нефтяниками и российская частная компания «Лукойл». Ее дочерняя структура «Лукойл Оверсиз» станет оператором проекта по разработке месторождений блока Nanoi Trough-02, запасы которого оцениваются в

180 млн т условного топлива. ТНК-ВР также начала бурение на месторождении Лан До на шельфе Вьетнама. Компания планирует заниматься добычей газа во Вьетнаме и продажей топлива на внутреннем рынке СРВ³¹. На совместную российско-вьетнамскую разведку углеводородов на своих³² территориях и в третьих странах ориентированы договоры также между другими российскими и вьетнамскими компаниями.

В последнее десятилетие во Вьетнаме наблюдается резкий рост спроса на природный газ. Только за последние пять лет объем его потребления вырос в два раза. Добыча газа в стране составляет 10 млрд куб. м. Появляются все новые данные о его разведанных запасах. В среднесрочной перспективе значение газовой энергетики для экономики страны будет только возрастать, что, в частности, связано с падением добычи нефти на основном месторождении «Белый тигр», которое уже в значительной мере истощено.

С учетом новой динамики на энергетическом рынке СРВ «Газпром» активизировал сотрудничество с вьетнамскими партнерами. Начало совместных геологоразведочных работ относится к 2000 г. В ноябре 2006 г. «Газпром» и «Петровьетнам» подписали соглашение о создании СП «Вьетгазпром» во Вьетнаме. В соглашении были закреплены принципы взаимодействия компаний в области разведки, добычи, транспортировки, использования и реализации углеводородов, а также проектирования, строительства, эксплуатации и обслуживания нефтепроводов и газопроводов, объектов хранения нефти и газа, а также распределительных трубопроводных сетей³³.

15 декабря 2009 г. был подписан договор об учреждении двумя указанными компаниями в России совместного предприятия «Газпромвьет». Доля «Газпрома» в СП составляет 51%, «Петровьетнам» — 49%. Соглашение предусматривает взаимодействие «Газпрома» и «Петровьетнам» в нефтегазовых проектах на территории России, Вьетнама и третьих стран. Речь, в частности, идет об участии СП в освоении Нагумановского нефтегазоконденсатного месторождения в Оренбургской области, а также в проектах по разведке и разработке участков недр в Коми, Якутии, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. «Газпром» в СП представляет ЗАО «Газпром зарубежнефтегаз»³⁴.

В апреле 2012 г. между «Газпромом» и «Петровьетнам» было подписано дополнительное соглашение о разделе продукции, согласно которому российская сторона получает 49% газа, добываемого в Южно-Китайском море на блоках 05.2 и 05.3. Общие запасы газа в этих двух районах многообещающи — они оцениваются в 55,6 млрд куб. м. Однако они находятся в зоне континентального шельфа в Южно-Китайском море, на которую претендует Китай. Правительство КНР уже сделало соответствующие предупреждения в адрес Газпрома. Для добычи нужно пробурить 16 скважин. Глубины бурения составляют от 2000 м до 4600 м³⁵.

Перспективно смотрится сотрудничество России и СРВ в угольной отрасли. Разведанные запасы каменного угля в СРВ составляют, как минимум, 10 млрд т, а прогнозные запасы оцениваются в 210 млрд т. Теплостанции, работающие на угле, вырабатывают 18% электроэнергии³⁶.

Угольщики двух стран хорошо знают друг друга. Деловые связи между ними были установлены в 1955 г., сразу же после подписания Женевских соглашений по Индокитаю. За прошедшие годы в угольной промышленности Вьетнама с участием бывшего СССР построены шахты и разрезы общей проектной мощностью 12,7 млн т угля в год, в том числе угольный разрез Каошон мощностью 3 млн т в год, а также разрезы Деонай, Кокшау, Хату. Сооружен завод по ремонту и производству горно-шахтного оборудования в районе города Камфа на северном побережье Вьетнама, а также авторемонтное предприятие в Вьонкаме. В 1980 г. Вьетнаму была оказана помощь в разработке генеральной схемы развития угольной промышленности³⁷.

В планах сотрудничества двух стран — строительство теплоэлектростанций в зоне мощного угольного бассейна Куангнинь на севере СРВ. В Ханое выражают заинтересованность в увеличении поставки из России энергетических углей, горно-шахтного

оборудования, а также в оказании содействия в модернизации созданных с помощью СССР предприятий угольной промышленности. Перспективно также сотрудничество в проектировании угольных предприятий, в подготовке высококвалифицированных кадров для горнодобывающей промышленности, в реализации совместных проектов в сфере отраслевой науки.

В последние годы стороны сосредоточили усилия на проблеме диверсификации энергетического сотрудничества, в том числе за счет развития связей в таком высокотехнологичном секторе, каким является атомная энергетика. Такой подход гарантирует более стабильное и устойчивое обеспечение электроэнергией динамично развивающейся экономики СРВ, содействует ее модернизации и мощи, укреплению энергетической безопасности Вьетнама.

Первые шаги по пути сотрудничества в ядерной сфере между нашими странами были сделаны еще в пятидесятые годы прошлого столетия. Тогда при содействии Советского Союза, в том числе в МГУ им. М.В. Ломоносова и на базе академгородка в г. Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований для Вьетнама был подготовлен отряд высококлассных ученых-специалистов в области ядерных исследований. Оказывалась помощь и в создании материально-технической базы новой для Вьетнама отрасли. В восьмидесятые годы велись переговоры о сотрудничестве в создании во Вьетнаме АЭС. Однако с распадом СССР реализация этих планов была отодвинута.

В начале 2006 г. правительство СРВ утвердило стратегию развития атомной отрасли до 2020 г. Согласно утвержденной правительством СРВ программе, общая сумма инвестиций в строительство первых двух атомных электростанций составит примерно 16 млрд долл. Предполагается, что к 2030 г. на четырех атомных станциях СРВ будет вырабатываться 15–16 тыс. МВт³⁸. А к 2050 г. предполагается построить восемь АЭС с тринадцатью энергетическими блоками³⁹.

25 ноября 2009 г. Национальное собрание СРВ одобрило строительство АЭС Ниньтхуан с проектной мощностью 4000 МВт в год. Строительство АЭС Ниньтхуан-1 будет начато в 2014 г. Первый агрегат АЭС планируется ввести в эксплуатацию в 2020 г.⁴⁰

30 октября 2010 г. в Ханое между правительствами России и Вьетнама было подписано соглашение о сотрудничестве в сооружении на территории СРВ первой атомной электростанции⁴¹. 2 декабря 2011 г. госкорпорация «Росатом» приступила к разработке проекта⁴².

В октябре 2010 г. было подписано соглашение о создании научного центра по изучению мирного использования атомной энергии, а также соглашение о содействии в подготовке вьетнамских ядерщиков. В рамках реализации достигнутых между правительствами двух стран договоренностей в Международном центре подготовки и переподготовки специалистов в сфере ядерной энергетики в г. Обиньске в 2010 г. принята группа вьетнамских специалистов. Они должны будут обеспечить весь цикл работ на первой атомной станции во Вьетнаме⁴³. 21 ноября 2011 г. в Ханое было подписано соглашение о предоставлении Вьетнаму Внешэкономбанком России кредита на строительство АЭС в размере 8 млрд долл.⁴⁴

В свете катастрофы на японской АЭС в Фукусиме весьма актуально напомнить, что уже 30 октября 2010 г. в Ханое между Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору России и Агентством радиационной и ядерной безопасности Вьетнама было подписано соглашение о сотрудничестве в области регулирования ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии в мирных целях⁴⁵.

В производстве энергии во Вьетнаме постепенно растет значение возобновляемых источников. По мнению вьетнамских специалистов, в ближайшие годы возобновляемая энергетика покажет максимальные темпы роста по сравнению с другими отраслями энергетики. Для этого в стране имеются благоприятные природно-климатические

условия. Вьетнам находится в зоне с большим запасом энергии таких источников, как энергия ветра, энергия солнечного излучения, энергия морских приливов, энергия морских волн и течений. В то же время следует учитывать, что многие направления развития альтернативной энергетики пока находятся лишь в стадии становления. Экономико-математические модели для построения рациональной структуры комплексного использования этих видов энергии пока отсутствуют⁴⁶

По оценкам экспертов, при использовании источников возобновляемой энергии в перспективе будет преобладать ветровая энергетика. Ветроэнергетика привлекает наибольшее количество инвестиций среди всех отраслей альтернативной электроэнергетики. Для Вьетнама развитие этого направления привлекательно не только в силу экологических факторов, экономии углеводородов, но еще и тем, что земля, на которой располагаются ветропарки, не выводится из сельскохозяйственного оборота, и на ней можно продолжать выращивать сельскохозяйственную продукцию, выпасать скот, что критически важно для страны с ограниченным и постоянно сокращающимся фондом пригодных для сельского хозяйства земель. Наиболее приемлемы для строительства ветропарков открытые участки земли, расположенные в прибрежных или открытых районах, на которых уже имеются ЛЭП. В развитии этого направления энергетики в провинциях центрального Вьетнама (Биньдинь, Ниньхуан, Биньхуан, Ламдонг, Чавинь и Сокчанг) страна сотрудничает с Данией и Германией⁴⁷.

Вьетнам, особенно его центральная, южная части и морское побережье, располагает достаточно большим потенциалом использования энергии солнечной радиации для выработки электроэнергии. Однако проекты больших солнечных электростанций, мощность которых можно было бы подать в единую энергосистему, пока не разработаны.

Благоприятны природные условия для развития биоэнергии. Однако органическое топливо в условиях Вьетнама традиционно является незаменимым первичным сырьем для сельского хозяйства и некоторых других отраслей народного хозяйства. В связи с этим, а также в силу экологических соображений этот вид топлива имеет свои ограничения.

Высшее политическое руководство России и Вьетнама постоянно держит в поле зрения вопросы энергетического партнерства. На всех российско-вьетнамских саммитах последнего десятилетия подписывались двусторонние межправительственные или межведомственные соглашения по энергетической тематике. Это позволило выработать согласованные принципы и цели сотрудничества двух стран в энергетической сфере на долгосрочную перспективу.

Так, в совместном российско-вьетнамском коммюнике об итогах официального визита Президента Российской Федерации в Социалистическую Республику Вьетнам, принятом 31 октября 2010 г., было заявлено о намерении сторон и впредь осуществлять «масштабные проекты нового поколения в такой приоритетной сфере, как топливно-энергетический комплекс». В документе отмечена важность расширения инвестиционного и кредитного сотрудничества, углубления взаимодействия с использованием современных технологий в добыче и переработке полезных ископаемых во Вьетнаме, России и третьих странах. Стороны договорились «создавать благоприятные условия для продуктивной деятельности российско-вьетнамских совместных предприятий и компаний Русьветпетро, Вьетсовпетро, Газпромвет и Вьетгазпром, расширяющих районы разведки и добычи нефти и газа в Российской Федерации, во Вьетнаме и в третьих странах». Они будут диверсифицировать взаимодействие за счет «сотрудничества в электротехнической отрасли, возведения на территории Вьетнама первой АЭС и нового Центра ядерных исследований, строительства энергоблоков малой и средней мощности»⁴⁸.

Стратегическими ориентирами российско-вьетнамского сотрудничества в сфере энергетики будут оставаться эффективность, технологическая и экологическая безопасность, рациональная внешняя энергетическая политика, предусматривающая укре-

пление позиций наших стран на мировом энергетическом рынке. Это предполагает активизацию дипломатической поддержки интересов национальных топливно-энергетических компаний в третьих странах, стимулирование энергетического диалога со странами-членами АСЕАН, другими заинтересованными государствами, а также международными организациями.

В связи с растущей конкуренцией со стороны зарубежных компаний, в том числе французских, японских, американских, а в последние годы и китайских, российским организациям придется все больше обращать внимание на такие показатели, как соотношение: цены и качества, на внедрение инновационных технологий в производство и транспортировку энергетических ресурсов, на обеспечение экологической безопасности в энергетике. Немалое значение будет иметь финансовая сторона сотрудничества, наличие у российских производителей возможностей получить госкредиты для поставки оборудования во Вьетнам. Принципиальное значение будет иметь способность сторон не только поддерживать высокие темпы взаимодействия в использовании традиционных и альтернативных источников энергии, но и в сфере энергосбережения. Это объясняется как экологическими требованиями, так и тем, что удельный вес энергозатрат на производство основных видов продукции становится все более высоким.

При принятии стратегических решений в сфере энергетического сотрудничества стороны должны будут иметь в виду и нарастающие риски в национальной, региональной и глобальной энергетике. По мнению специалистов, наиболее напряженное положение сложится в нефтяной отрасли, где растущий спрос столкнется с ограничениями со стороны предложения. Продолжится освоение месторождений со сложными условиями добычи. Это приведет к росту предельных издержек и цен, к снижению уровня энергетической безопасности. В силу указанных факторов потребление нефти в СРВ продолжит свой рост, но оно будет существенно более медленным, чем в настоящее время. Та же тенденция, с определенным временным лагом, будет характерна и для газовой промышленности. Риски углеводородной энергетики СРВ будут связаны с нестабильностью на Ближнем Востоке, возможными угрозами морским путям транспортировки, соперничеством между государствами Юго-Восточной Азии за доступ к энергетическим ресурсам.

Перечисленные факторы требуют формирования сторонами новой архитектуры сотрудничества. Она должна принципиально отличаться от системы энергетического сотрудничества наших стран, сложившейся в XX в. Безусловно, в решении этих вопросов важнейшая роль будет принадлежать государственным органам двух стран. В то же время многое зависит и от того, насколько успешными, взаимовыгодными, ответственными будут долгосрочные партнерские связи непосредственно между российскими и вьетнамскими хозяйствующими субъектами, насколько гармонично они будут сочетать корпоративные интересы с общенациональными интересами России и Вьетнама.

Показанные в статье масштабы и направления российско-вьетнамского сотрудничества в энергетической сфере, сформировавшиеся за почти шестьдесят последних лет, позволяют сделать вывод, что энергетика в самом широком смысле этого слова будет и впредь оставаться материальным фундаментом стратегического партнерства, «несущей конструкцией» экономического, инвестиционного и инновационного сотрудничества двух стран, содействуя решению ими задач модернизации.

1. Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. М., 2011. С. 119.
2. Независимая газ. 2010. 11 сент.
3. Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама. М., 2011. С. 52.
4. Доклад зам. министра промышленности и торговли Хоанг Куок Вьонга на тематическом семинаре в Ханое, 21 августа 2011 г.
5. Bao anh Vietnam. 2010. 19 июня.

6. Интеррос. 2006. № 4.
7. Неугасимый свет Хоабиня. М., 2010. С. 13.
8. Правда. 1960. 25 дек.
9. Неугасимый свет Хоабиня. М., 2010. С. 126.
10. Ibid. С. 18.
11. Это забываемое слово «Льенсо». М., 2006. С. 260–270.
12. Ibid. С. 271.
13. www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b.
14. Неугасимый свет Хоабиня. М., 2010. С. 13.
15. Ibid. С. 60.
16. РИА «Новости». 2004. 16 янв.
17. www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b.
18. Nhan Dan. 2010. 30 окт.
19. Правда. 1980. 4 июля.
20. Правда. 1981. 20 июня.
21. Международная жизнь. 2012. № 2. С. 111.
22. ИТАР-ТАСС. 2010. 13 дек.
23. Международная жизнь. 2012 г. № 2. С. 111.
24. Энергия успеха. 2008. № 13.
25. Известия. 2011. 31 янв.
26. ИТАР-ТАСС. 2009. 3 марта.
27. Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. М., 2010. Вып. 15. С. 38.
28. Международная жизнь. 2012. № 2. С. 112.
29. Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. М., 2010. Вып. 15. С. 44.
30. Ibid. С. 41.
31. Коммерсант. 2011. 3 мая.
32. Финанс. Ру. 2012. 6 апр.
33. top.rbc.ru. 2007. 12 сент.
34. РИА «Новости». 2011. 21 апр.
35. Energy-Experts.ru. 2012. 6 апр.
36. Независимая газ. 2010. 11 сент.
37. Горкина Т.И. Угольная промышленность мира // География. 2009. № 18.
38. Страна Росатом. 2011. 6 июня.
39. Независимая газ. 2010. 11 сент.
40. Bao anh Vietnam. 2010. 19 июня.
41. Президент России. 31 окт. 2010. URL: <http://президент.рф/>
42. РБК. 2011. 2 дек.
43. ИА Регнум. 2010. 30 авг.
44. РИА Новости. 2011. 23 нояб.
45. http://news.kremlin.ru/ref_notes/763.
46. Энергополис. 2010. № 10. С. 18.
47. The Saigon Times Daily. 2010. 29 янв.
48. http://news.kremlin.ru/ref_notes/762.

Китай: модернизация в интересах человека

© 2012

Е. Кафырин

В статье характеризуется динамика обновления китайского общества, этапы модернизации страны. Прослеживаются основные вехи государственной политики по внедрению рычагов рыночного хозяйствования и по основным направлениям социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: модернизация китайского общества, повышение благосостояния народа, права человека в КНР, свободные экономические зоны.

По мнению китайских специалистов, следует выделять несколько этапов модернизации традиционного китайского общества. Первый, основополагающий период начинается с победы Синьхайской революции и с провозглашения Китайской Республики, впервые в истории этой страны установившей республиканский строй. Второй этап датируется 1949 годом: победой национально-демократической революции и созданием КНР. Опыт модернизации китайского общества на основе марксистско-ленинской теории воплотился в первоначальной индустриализации страны на основе планово-распределительной экономики и в формировании партократического авторитарного государства. Третий этап модернизации Китая связывается с началом рыночных реформ и политики открытости страны внешнему миру, к которым в стране приступили в конце 1970 гг. В течение последнего тридцатилетия КНР стала второй после Соединенных Штатов экономикой в мире.

За последние годы социалистический Китай добился наиболее впечатляющих успехов на пути модернизации страны. Именно исторический опыт Китая обнаруживает реальную действенность общечеловеческого содержания современной культуры. Именно опора на общечеловеческое содержание культуры позволила в кратчайший срок обогатить жизнь такой огромной страны, как КНР. Эти успехи *«открыли всем развивающимся странам совершенно новый путь выхода из бедности и развития экономики»*¹. Для развивающихся стран необходимость следовать требованиям международных режимов и международных стандартов (скажем, качества) становится отправным пунктом модернизации социально-политической жизни общества и превращения их в конкурентоспособных партнеров на международной арене. *«Колоссальные успехи китайских реформ и политики открытости показали мировой общественности: Китай, находясь в условиях неразвитой сверхцентрализованной плановой экономики и напряженной международной обстановки, с самого начала успешно пошел путем реформ экономической системы и модернизации страны»*².

Красугольными пунктами обновления КНР стали, во-первых, критика автаркии (закрытости) и принятие государственной политики «открытости внешнему миру». Во-вторых, смелое привлечение всех достижений культуры, созданных общими усилиями всего человечества, включая капиталистическое общество, что позволило в полной мере использовать внешние и внутренние ресурсы, единство внешнего и внутреннего рынков.

Кафырин Евгений Александрович, кандидат философских наук, профессор Московского государственного университета инженерной экологии (МГУИЭ). Тел.: (499) 267-10-08.
E-mail: evqen3@yandex.ru.

В-третьих, осторожность и умеренность, научная обоснованность политики специальных экономических зон и поэтапный путь развития экономики. В-четвертых, правильно установленное соотношение принципов «привлечения достижений общечеловеческой культуры» и «опоры на собственные силы». В-пятых, использование всех предшествующих принципов в целях повышения благосостояния народа. Именно гуманистические интересы — качество жизни людей — становятся критерием правильности намеченных шагов в политике модернизации.

Социалистическая система может существовать как в «открытом», так и в «закрытом» варианте. Однако строительство социализма нельзя отделить от всего мира. Проведение политики «закрытых дверей», в конечном счете, неизбежно связано с поражением. Социалистические государства должны ускоренно развивать производительные силы, ускоренно преодолевать бедность и отсталость, непрерывно наращивать мощь и обязательно проводить политику открытости для привлечения всех достижений культуры, созданных общими усилиями всего человечества, включая капиталистическое общество. Поэтому вопрос открытости внешнему миру, по сути, является важнейшим стратегическим вопросом, непосредственно связанным с существованием и развитием социалистического государства. Это закономерный аспект политики государства, имеющий неизбежный и долговременный характер. Дэн Сяопин писал, что *«если политика открытости не будет изменена в течение 50 лет следующего столетия, то в течение последующих 50 лет наши контакты с мировой экономикой будут более частыми и многократными, усилится взаимозависимость и неотрывность Китая от мировых процессов, тогда нельзя будет изменить политику открытости. Политика открытости государства в нашей стране не подразумевает открытость в какой-то одной области или в какой-то одной сфере, а подразумевает полную, всестороннюю, многоуровневую, широкую открытость всему миру. Китай установил долговременные устойчивые экономические отношения с постоянно растущим числом государств и территорий мира, проводит в жизнь стратегию рыночной многополюсности, роль Китая в международном окружении все возрастает, возможностей для нашего развития также становится все больше и больше»*³.

Основной целью «открытия внешнему миру» для Китая было улучшение жизни народа на основе ускоренного развития производительных сил. Во имя этой цели, во-первых, во все возрастающем масштабе привлекались и использовались достижения культуры, созданной всем человечеством, включая западную передовую технику, передовое оборудование и передовой управленческий опыт, а также осуществлялось их переосмысление и приближение к китайской действительности. Во-вторых, осуществлялась увязка внешних и внутренних ресурсов, включая материально-технические, денежные, информационные и интеллектуальные. В-третьих, в больших масштабах практиковалась международная кооперация, а международная конкурентная борьба стала поводом для демонстрации преимущества экономической системы современного Китая.

Своеобразным полем апробации новых форм экономики стали специальные экономические зоны (СЭЗ). Дэн Сяопин отмечал, что СЭЗ — это новое явление при социализме, «окно» в сферу современной техники, «окно» для передового управленческого опыта, «окно» привлечения знаний, «окно» в вопросах внешней политики. В Китае в 1980 г. было создано четыре таких зоны (в городах Шэньчжэнь, Чжухае, Шаньтоу, Сямыне), а 8 лет спустя — еще и в провинции Хайнань). Эти СЭЗ не только добились больших экономических успехов. Они стали экспериментальными полигонами для проведения научных поисков и уточнения модели будущего развития. Они также играли важную роль в продвижении достижений мирового опыта развития экономики во внутренние районы Китая. Таков поэтапный подход к реализации общечеловеческого содержания современной культуры в условиях социализма.

Следующий шаг в обогащении культуры китайского народа достижениями общечеловеческой культуры связан со вступлением Китая в международную экономическую систему. Это потребовало регулирования соотношения между расширяющейся от-

крытостью миру и осуществлением опоры на собственные силы. Именно самостоятельность, независимость и суверенитет стали исходными точками обогащения национальной культуры. Опора на собственные силы — это ключевое звено развития современного Китая. Государственная политика открытости только усилила готовность Китая опираться на собственные силы, стимулировать развитие собственной национальной экономики. Здесь необходимо подчеркнуть взаимопроникновение общечеловеческого и национального, политики открытости достижениям общечеловеческой культуры и опоры на собственные силы. Один из «секретов» Китая заключается в мерах предосторожности как способе преодоления кризисных явлений в мировой экономике, и защиты экономической безопасности Родины.

Осторожность в политике государства требовала решать проблемы страны поэтапно, а не путем эффективной, но не эффективной «шоковой терапии». В истории модернизации китайского общества последний ее этап можно разбить на три стадии. Первая стадия (декабрь 1978 г. — сентябрь 1984 г.) была связана, прежде всего, с преобразованиями в деревне. Вместе с тем, в городе проводились эксперименты по расширению самостоятельности и по самоуправлению госпредприятий, создавались СЭЗ. Политический лозунг этого периода: «плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение».

Вторая стадия (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.) была посвящена преобразованиям в городе. Ключевым звеном модернизации становится реформа цен сначала в промышленности, а затем в области науки, техники, образования и других социальных сферах. Лозунг второй стадии развертывающейся модернизации страны: «плановая товарная экономика».

Третья стадия (январь 1992 г. — по настоящее время), сформировала новую систему управления предприятиями и заложила основы новой системы макрорегулирования экономикой со стороны государства. Эта стадия создания обновленного общества проходит под лозунгом «социалистической рыночной экономики».

Китайский путь развития — это путь от централизованной плановой экономики к социалистической рыночной экономике. Опыт Китая свидетельствует, что главное в социализме — простор развитию производительных сил, устранение эксплуатации человека и развитие социально-политической сферы на основе неуклонного роста качества жизни всего населения, а не государственная плановость экономики. Дэн Сяопин писал: *«Преобладание плана или рынка не являются сущностными критериями разграничения капитализма и социализма. Плановая экономика не тождественна социализму; при капитализме также имеется планирование; рыночная экономика не тождественна капитализму; при социализме также есть рынок. План и рынок — все это экономические меры»*⁴.

Без поступательного, здорового и быстрого развития человека как главной производительной силы, главного участника экономики невозможно говорить о социализме.

В Китае «канула в Лету» концепция социализма с одной формой собственности (общественной) в виде государственной и кооперативной. Модернизация китайского общества подтвердила, что при социализме может существовать многообразие форм собственности при наличии общественной собственности как основной. Введение понятия «формы реализации собственности» стало методологической основой внедрения акционерной системы управления предприятиями и создания системы корпораций. При этом контрольный пакет создаваемого акционерного предприятия, как правило, остается в руках государства, а само предприятие — под жестким государственным контролем как основы ответственности за успех дела.

В процессе модернизации в китайской деревне, во-первых, создана двухуровневая система хозяйствования, где основой стал семейный подряд. Во-вторых, создан рынок сельхозпродукции. В-третьих, осуществляется индустриализация и урбанизация села. В-четвертых, предпринимаются меры по модернизации сельскохозяйственного производства на основе специализации.

В результате введения права пользования на землю крестьянин получил полную хозяйственную самостоятельность, широко стал внедряться семейный подряд. Китайский крестьянин, не являясь собственником земли, стал собственником произведенного на земле продукта, что заметно повысило эффективность его труда. В сельском хозяйстве уничтожено директивное планирование, реализована система контрактных закупок, разрушившая систему фиксированных цен. Для поддержания цен была создана система резервных и страховых фондов, с помощью которых государство стало контролировать и регулировать оптовые и розничные цены на сельхозпродукцию.

Важный момент модернизации деревни — создание поселковых предприятий. Индустриализация, с одной стороны, подняла на новый качественный уровень переработку сельхозпродукции, а с другой — позволила трудоустроить большую массу избыточного населения деревни. Это способствовало внедрению курса на урбанизацию сельской местности.

Общим результатом этого процесса стала интеграция разных звеньев сельского хозяйства — производства, обработки и сбыта, что привело к появлению тенденции отраслевой специализации сельских районов, становления аграрно-промышленного комплекса в Китае, обеспечивающего крупные и средние промышленные предприятия различных форм собственности необходимыми сырьем, материалами.

Отличительная особенность модернизации сельхозпроизводства заключается здесь в использовании множественности форм собственности для обеспечения высоких результатов труда при сохранении коллективной собственности на землю. Свою «нишу» на социалистическом рынке занимают и госхозы, и единоличные хозяйства. Китайский опыт модернизации указывает на необходимость превращения трудовых коллективов не столько в собственника предприятий, сколько в собственника произведенной продукции.

В 1970-е гг. предприятия стали распоряжаться прибылью. В 1980-е гг. произошла замена отчислений (от прибыли в пользу государства) на налог в сочетании с введением подрядной системы. В 1990-е гг. потребовалось превратить предприятия в самостоятельные хозяйственные субъекты: самостоятельных производителей, самостоятельно несущих ответственность за прибыль и убытки, а также самостоятельно развивающих свое производство. На практике это выразилось в переходе экономики от системы ответственности директоров к внутреннему регулированию через корпоративное управление предприятиями посредством создания компаний, объединений, введения аренды, подряда, акционирования, продаж, банкротств и перелива капитала из убыточных предприятий в прибыльные. От управления товарными потоками государство перешло к управлению финансовыми потоками, от управления единственным инвестором к управлению группами инвесторов.

Важной чертой модернизации Китая является постепенность перехода от директивного управления предприятиями — к индикативному. Если раньше государство управляло общественным производством с помощью централизованного планирования и распределения продукции, то сегодня — посредством экономических рычагов: через закупки необходимой продукции предприятиями на товарном рынке, путем выделения государственных инвестиций и льготных банковских кредитов. В итоге поэтапного преобразования механизмов управления в современном Китае предприятия превращаются в самостоятельных товаропроизводителей, действующих на рынке в условиях конкуренции под государственным контролем.

Следующий аспект модернизации Китая связан со становлением планово-рыночной системы. Центральное звено этого процесса — создание современной системы ценообразования. Было признано наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие рынка факторов производства. А именно: рынки финансов, рабочей силы, техники и технологий, информации и т.п. В результате стали формироваться цены трех видов: фиксированные государством директивные цены, индикативные цены, (отклонявшиеся от директивных до 20% под воздействием спроса) и рыночные цены, устанавливаемые под воздействием рынка. Причем динамика между ними свидетельствует о постепенном расширении сферы рыночных цен (до 95% на про-

мышленную продукцию) и о сокращении директивных цен. Однако сохранение директивных цен на основное сырье и материалы позволяло государству снижать инфляцию издержек и не допускать ее выхода из-под контроля. Хотя полностью инфляции избежать не удалось, страна сохранила устойчивый курс юаня по отношению к доллару США, вопреки кризисной ситуации в мировой финансовой системе (1997 г.)

Новым моментом модернизации Китая стала система макроэкономического контроля. Ее становление включает в себя:

1) переход от административных методов управления к регулированию экономики с помощью финансовых рычагов;

2) создание скоординированной единой системы макроконтроля;

3) субординацию отношений между контролем на макроуровне и рыночным механизмом. Своеобразным методологическим ключом, лежащим в основе новой системы контроля, стал принцип разделения доходов и расходов, а также разделения ответственности по уровням управления.

В 1994 г. появилась новая налоговая система, разделенная на центральную и местную. Затем была создана система макрорегулирования и контроля под руководством Центрального Банка, который контролировал и направлял деятельность отраслевых, региональных и коммерческих банков, включая иностранные банки.

Современная система макроконтроля в Китае свидетельствует о важной роли социалистического государства в модернизации страны. Освобождая себя от административного контроля за деятельностью предприятий, государство постепенно усиливало контроль за основными отраслями экономики посредством проведения валютно-финансовой политики через бюджет, налоги, цены, учетную ставку, кредит и другие инструменты финансовой политики, а также посредством издаваемых законодательными и исполнительными органами правовых нормативных документов. Особое место в модернизации Китая заняла проблема распределения доходов. Решение этой проблемы включало четыре принципа:

- значительное повышение доходов для определенных социальных групп;
- оптимальную эффективность реформ с учетом равенства и справедливости;
- распределение доходов в зависимости от результатов участия людей в производстве при сохранении принципа распределения по труду;
- неуклонное возрастание социального обеспечения трудящихся на основе многоуровневой системы, сочетающей единое социальное планирование и личный вклад каждого человека.

Вначале прозвучал отказ от принципа уравнительного распределения доходов. Было разрешено выплачивать рабочим и служащим премии из прибыли предприятия, а крестьянам разрешалось продавать произведенные ими товары и услуги по рыночным ценам. Было разрешено богатеть людям в отдельных районах или в отдельных отраслях в результате честного труда и хозяйственной деятельности в соответствии с законом для ускорения экономического развития и «достижения всеобщей зажиточности».

На следующей стадии реформ стал преобладать рыночный метод распределения доходов. Регулирование доходов с учетом социальной справедливости потребовало использования налогов, государственных ставок минимальной заработной платы, установления прожиточного минимума. Принцип социальной справедливости воплощает идею развития человека как главной производительной силы. Социальная справедливость неизбежно базируется на развитии производства и росте эффективности, ибо невозможно добиться реализации принципа социальной справедливости на основе падения эффективности производства. Падение эффективности приводит к сужению материальной базы принципа социальной справедливости, а уравниловка неизбежно ведет к снижению эффективности.

Вместе с тем различия в уровне доходов разных социальных групп общества постепенно возрастали. Это возлагало на государство особую ответственность за организацию системы мер, препятствующих разрушению принципа социальной справедливости, а

также снижению эффективности социально-экономического и культурного развития страны. Взаимосвязь между экономической эффективностью и социальной справедливостью приобрела в Китае решающее значение для модернизации системы распределения. Здесь государство стало искать опору в гражданском обществе. С помощью различных организаций — профсоюзов, женских, молодежных и других общественных организаций — оно приступило к реализации различных социальных программ, добиваясь повышения жизненного уровня работников. Силами научно-исследовательских учреждений оно организует обследования и мониторинги, на основании которых стремится прогнозировать социальную обстановку как в целом по стране, так и в отдельных регионах.

В ходе модернизации за последние 25 лет ВВП КНР возрос в 109,8 раза (с 362,4 млрд юаней в 1978 г. до 39798 млрд юаней в 2010 г.). Средние темпы прироста ВВП составили около 10%. Средние годовые доходы за четверть века выросли более чем в 100 раз (со 184 юаней в 1978 г. до 19109 юаней в 2010 г.). Это сказалось на быстром росте внутреннего потребительского рынка, создавшего стимулы для расширения производства. Рост уровня жизни широких слоев населения стал результатом не только быстрого расширения производства, но и превратился в его исходное условие.

Таблица № 1

Основные показатели роста экономики КНР⁵

Сфера экономики	Ед. измер.	1985	2000	2005	2010 ⁶
Промышленность	млрд юаней	344,9	3957,0	8629,8	18 750
Земледелие	—	254,2	1421,2	2271,8	4053,4
Сфера услуг	—	255,6	2970,4	7339,5	17 100
Иноинвестиции	млрд \$	2,0	40,7	60,3	105,7
Среднегод. зарпл в гор.	юани	1148	9371	18405	19 109

В 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) среднегодовой прирост темпов развития экономики Китая составил, согласно отчетному докладу премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, 11,2%⁷. ВВП Китая на 2010 г. достиг 39,8 трлн юаней (\$6,058 трлн), а финансовые доходы выросли с 3,16 трлн юаней (\$481 млрд), до 8,31 трлн юаней (\$1,3 трлн).

Диаграмма свидетельствует, что базовой основой экономики Китая является промышленность, ибо кривая ее роста находится в прямой корреляции со шкалой роста заработной платы рабочих и служащих. Однако рост заработной платы отстает от темпов роста промышленности. Если в среднем зарплата китайцев за последнюю четверть века выросла в 16 раз, то показатели промышленности увеличились в 54 раза. Происходит это в силу более сдержанного роста объемов сельскохозяйственного производства, которое дало прирост почти в 16 раз. Самой динамичной сферой китайской экономики является сфера услуг, объемы которой увеличились почти в 67 раз за 25 лет. Это указывает на решающую роль промышленно-городских центров «китайского экономического чуда». Рост качества жизни китайского народа, несомненно, повлиял и на выбор Китая в качестве страны, принявшей Олимпийские игры 2008 г.

Относительный дисбаланс между сельской и городской экономикой потребовал от руководства КНР обратить особое внимание на финансирование отстающих сельскохозяйственных регионов. Огромные территории Западного Китая, отстающие в своем развитии от приморских и центральных районов, требуют серьезных капитальных вложений. В следующем пятилетнем плане развития страны на это будут выделены средства, специально высвобождающиеся из промышленной сферы, для смягчения этого дисбаланса. Потенциал Западного Китая ждет своей актуализации. Он характеризуется наличием огромных запасов самых разных природных богатств, в том числе нефти и газа. Сегодня освоение разведанных месторождений невозможно в силу неразвитости инфраструктуры. Но в XXI в. ожидается обеспечить сырьевыми ресурсами Западного Китая более 60% всех потребностей страны.

Динамика основных показателей роста экономики Китая

Прогресс экономики Китая стал базой для разработки концепции научного развития прав человека⁸. Ее основой служит новый девиз — «Человек — превыше всего». Вместе с тем она является следствием планомерной политики в этом направлении. Вехами политики государства в интересах человека можно считать следующие события:

На третьем пленуме ЦК РПР 11-го созыва 1978 г. принимается решение о проведении реформ во имя повышения уровня жизни людей, хотя и не упоминается о правах человека.

В 1982 г. в четвертой Конституции КНР были перечислены 28 гражданских прав, практически совпадающие с конституционными правами западных стран.

В 1991 г. впервые была издана «Белая книга по правам человека в Китае». Ее содержание фактически обновляется ежегодно, раскрывая динамику наполнения «прав человека» в современном Китае, которые характеризуются как «великое понятие».

На 2-й сессии ВСНП 10 созыва (март 2004 г.) была принята поправка к Конституции. Понятие «права человека» было впервые внесено в Конституцию КНР с четкой формулировкой: «Государство уважает и обеспечивает права человека».

Правительство Китая сосредоточило усилия на повышении качества жизни народа. Принятые меры рассматривались в качестве главных материальных средств обеспечения прав человека на жизнь и достойное существование. Основной постулат его политики: «Правительство отдаст приоритет защите прав народа на существование и развитие».

В 2007 г. была опубликована концепция научного развития прав человека, а XVII съезд КПК включил в Устав партии положения об уважении и обеспечении «прав человека».

В апреле 2009 г. был разработан «Национальный план действий в области прав человека на 2009–2010 гг.»⁹. Это первая государственная программа, специально посвященная правам человека в Китае. Она свидетельствовала о том, что правительство Китая взяло на себя обязательство в области прав человека не только перед китайским народом, но и перед мировым сообществом. В настоящее время правительство представило отчет о реализации этого плана и приступило к разработке нового соответствующего плана до 2015 г.

Сформулирована новая задача, которую предстоит решить в ближайшие годы: совершенствование системы социального обеспечения и, прежде всего, медобслуживания, содержания в старости и образования.

Общим итогом реализации «Плана действий»¹⁰ стало выполнение всех его показателей в намеченный срок при перевыполнении более 50% показателей благосостояния широких народных масс и 35% показателей социального характера. В 2010 г. доходы горожан увеличились на 11,3%, а доходы сельского населения — на 14,9%. Обязательное 9-летнее образование охватывает 100% детей школьного возраста. При этом коэффициент неграмотности снизился до 4,08% от общей численности населения. Население страны вырвалось из нищеты, о чем свидетельствует перевод Китая в разряд среднеразвитых стран из слаборазвитых по результатам последних исследований ООН. Все это позволяет подчеркнуть, что в рамках «Плана действий» всесторонне укрепилось право граждан на существование и развитие, а также сделан существенный вклад в обеспечение права человека в области экономики и образования.

В течение последних двух лет сформировалась социалистическая правовая система с китайской спецификой, которая призвана стать основой защиты прав человека в КНР. Вместе с тем она учитывает результаты диалога и консультаций по вопросам права человека со специалистами из ЕС, США, Великобритании и других стран. В марте 2010 г. на 3-й сессии ВСНП 11-го созыва была принята поправка к «Закону о выборах», которая предусматривает соблюдение принципа равенства избирательного права для всех граждан. В феврале 2011 г. Постоянный комитет ВСНП принял «Поправку к уголовному кодексу», которая отменила смертную казнь за 13 ненасильственных экономических преступлений и ограничила применение смертной казни по возрасту — не старше 75 лет. В результате число приговоренных к смертной казни сократилось на 20%. К концу 2010 г. в стране действовало 3592 учреждения по предоставлению юридической помощи инвалидам. Бесплатно пользуются юридическими услугами свыше 54 тыс. инвалидов. Все это указывает, что в стране *совершенствуется законодательство с целью расширения политических и гражданских прав человека.*

За последние два года правительство направило на финансовую помощь для нацменьшинств 2,78 млрд юаней. В местах компактного проживания нацменьшинств была сформирована модель двуязычного обучения.

Совершенствовалась система социального обеспечения: свыше 250 млн человек охвачено базовым пенсионным страхованием, увеличившись на 15,2%. При этом размер средних ежемесячных пенсий в 2011 г. увеличился на 140 юаней. Был введен в эксплуатацию ряд домов престарелых.

Во всех районных городах создавались организации, по защите прав детей и профилактике преступлений, связанных с приемом на работу несовершеннолетних, а также с похищением и продажей детей. Совершенствуется законодательство по охране прав несовершеннолетних.

Таким образом, осуществляется целенаправленная работа по расширению прав нацменьшинств, пожилых и несовершеннолетних. В стране создается система пропаганды «прав человека», развивается международное сотрудничество в этой области.

Одновременно с этим правительство КНР признает существование недостатков и трудностей в деле защиты прав человека и отмечает неизбежность долгого пути ради полноценного и всестороннего их обеспечения. Очевидно, что переход Китая в разряд развитых стран позволит социалистическому государству стать образцом соблюдения прав человека не на словах, а на деле. Неудивительно, что «Национальный доклад», представленный в соответствии с пунктом 15 А) приложения к резолюции 5/1 Совета по правам человека за 2009 г. констатировал: *«После 1978 г., когда Китай приступил к проведению реформ и политики «открытых дверей», народ Китая стал пользоваться всеми правами человека в значительно больших масштабах. Китайский народ, которому когда-то не хватало самого необходимого, в настоящее время живет в условиях относительного процветания. Наблюдается устойчивый прогресс в таких социальных облас-*

тях, как образование, культура и здравоохранение. Развиваются демократия и верховенство права. Неуклонно продвигается реформа в политической области, при этом расширяется участие граждан в политической жизни страны. Органы государственного управления всех уровней в настоящее время сознательно применяют научный подход к развитию, ставящий людей на первое место и предусматривающий обеспечение всеобщего, скоординированного и устойчивого развития, в целях создания гармоничного общества на основе принципов демократии, верховенства права, равенства и справедливости»¹¹.

1. Ли Теш. Великая практика и успешный опыт // Теория и практика экономических реформ в КНР. М., 2002. С. 11.
2. Ли Теш. Там же. С. 11.
3. Ли Теш. Большой прорыв в теории // Теория и практика экономических реформ в КНР. М., 2002. С. 79.
4. Дэн Сяопин вэньсюань [Избранные труды Дэн Сяопина]. Пекин, 2007. Т. 3. С. 373.
5. <http://lml.narod.ru/EconCh.htm>.
6. Подсчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо за 1986–2011 гг. [Краткий справочник Китая]. Пекин, 1986–2011.
7. russian.cntv.cn/special/2sessions_2011/Report_of.../index.shtml.
8. <http://russian.people.com.cn/95181/7450140.html>.
9. <http://www.kitaichina.com ›se/txt/2011-10/29/content>.
10. http://english.gov.cn/official/2009-04/13/content_1284128.htm.
11. http://www.ohchr.org/HRBodies/UPR/Documents/Session4/CN/A_HRC_WG6_4_CHN_%20China_R.pdf

Государство и общество

Китайская иммиграция в контексте национальной безопасности России: тенденции и перспективы

© 2012

А. Пономарева, С. Пономарев

Авторы анализируют структуру миграционного потока из Китая в РФ, цели иммигрантов и отношение к ним властей на исторической родине, особенности национального характера приезжих. Отмечается, что расхождения в статистических данных о китайском присутствии на территории РФ отчасти могут быть преодолены в результате исследования китайской иммиграции как компонента демографической и экономической политики КНР.

Ключевые слова: национальная безопасность России, иммиграционная политика, этническая принадлежность, трудовые мигранты, нелегальные мигранты, демографические тенденции.

В рамках существующих концепций государственной безопасности процессы миграции традиционно ассоциируются с потенциальными угрозами, которыми они могут быть чреваты. Это нашло свое отражение и в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.», где неконтролируемая и незаконная миграция отнесена к разряду угроз, сопоставимых с транснациональной организованной преступностью¹. Сегодня одним из главных предметов серьезной государственной озабоченности является тема неконтролируемой иммиграции из КНР в РФ. В последние годы «проблема китайской иммиграционной экспансии» периодически становится предметом обсуждения российских СМИ.

Полемика относительно опасности китайского присутствия в России сопровождается активным использованием статистических данных. Среди них «абсолютный рекорд» в определении количества китайцев в России — 8 млн чел. — установил почетный доктор Дипломатической академии мира при ЮНЕСКО Е.В. Гильбо, предсказавший, что при стабилизации режима миграции после 2010 г. и с учетом естественного прироста в китайской общине «число китайцев превысит число русских (в России) примерно к 2025 г.». Однако источник и методика подсчета, на основании которых автор пришел к

Пономарева Анастасия Михайловна, преподаватель Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lagutaa@mail.ru.

Пономарев Сергей Владимирович, сотрудник МИД РФ. E-mail: svpomam@gmail.com.

* Авторы выражают благодарность М.Л. Лагуте и С.А. Татуиц за помощь, оказанную в работе над статьей.

выводу о том, что «русским следует всерьез принимать перспективу жить в положении национального меньшинства в китайском государстве»², так и не были им раскрыты.

В экспертном сообществе оценки количества мигрантов из КНР в РФ за редким исключением колеблются в диапазоне 200–400 тыс. чел.³ Одним из первых эти данные указал В.Г. Гельбрас⁴. Оценку численности китайцев в 150–200 тыс. чел. привел в 2004 г. помощник Президента РФ С.Э. Приходько⁵. Автор одного из наиболее глубоких исследований по данной теме А.Г. Ларин в своей монографии «Китайские мигранты в России. История и современность» признает правомерность количественных выводов В.Г. Гельбраса, поскольку «достоинство этой оценки состоит в том, что она выведена в результате анализа как сумма оценок количества китайцев в различных городах и регионах страны»⁶. Указанная совокупность, по мнению А.Г. Ларина, включает в себя и нелегальных мигрантов из КНР⁷. Отметим, что детально проанализировав историю и современное состояние китайской иммиграции в России, автор не ставил задачу дать политологическую оценку проблемы в контексте обеспечения национальной безопасности РФ.

Существующий значительный разброс в оценках китайского присутствия в России и сложности с получением по-настоящему достоверной информации эксперты склонны объяснять наличием пробелов в правовом регулировании пребывания иностранцев на нашей территории и особенностями практической реализации визовой политики. В частности, по мнению Г. Витковской⁸, неправомерные и зачастую репрессивные формы контроля за регистрацией по месту пребывания, способствуют выталкиванию законопослушных мигрантов в тень, не подающуюся учету сферу занятости. Одним из побочных последствий сокращения квот на привлечение иностранной рабочей силы в контексте экономического кризиса 2008–2010 гг. стало увеличение потока нелегальных иммигрантов за счет тех, кто изначально нацеливался на заключение официальных контрактов, но не «вписался» в квоты.

Все это в совокупности затрудняет оценку влияния китайской иммиграции на состояние национальной безопасности РФ. И если по ряду причин рассчитывать на получение достоверной информации об истинном количестве китайцев в России затруднительно, то наиболее эффективным представляется обращение к изучению иммиграции из Китая в контексте демографической и экономической политики КНР⁹.

Понимание структуры миграционного потока из Китая в Россию, целей иммигрантов и отношения к ним властей на исторической родине, особенностей национального характера приезжих даже при отсутствии точных данных об их количестве позволяет выявить основные тенденции развития указанного процесса и оценить его выгоды и угрозы для России. Иммиграция может стать решением проблемы нехватки рабочих рук и демографического кризиса в РФ лишь в том случае, если большую часть приезжих составят люди, настроенные на профессиональную и социокультурную интеграцию в ее среде, а не на формирование замкнутых и обособленных сообществ, ориентированных на выкачивание средств и ресурсов принимающей стороны. Таким образом, с точки зрения интересов национальной безопасности России ответ на вопрос *кто и зачем?* значит не меньше, чем ответ на вопрос *сколько?*

В структуре *легальной* китайской иммиграции в РФ возможно выделить три основные категории граждан КНР, покидающих страну на длительный срок. Первую группу составляют выезжающие за рубеж на учебу или стажировку; вторую образуют временные трудовые иммигранты, осуществляющие переезд на основе официальных контрактов, и третья категория представлена китайцами, переезжающими в Россию на постоянное место жительства.

Существенный вклад в формирование мифа о «желтой угрозе» вносит увеличивающийся поток китайских туристов, которые не могут быть отнесены к категории иммигрантов. Однако обыденное сознание игнорирует подобные терминологические тонкости, к тому же значительный процент китайцев, приезжающих в РФ по туристическим

визам или в рамках безвизового обмена на приграничных территориях, использует эту возможность для осуществления коммерческих операций¹⁰.

В настоящее время в России обучается около 20 тыс. китайских студентов, подавляющее большинство — за свой счет. Свыше 500 молодых людей из Китая ежегодно принимаются в российские вузы за счет федерального бюджета для изучения русского языка, подготовки по специальностям экономического, технического и медицинского профилей¹¹. При этом, в отличие от начала 1990-х гг., когда студенческая виза служила многим китайцам прикрытием для занятий «челночной торговлей», современные китайские студенты и аспиранты действительно нацелены на получение высшего образования или ученой степени. Большинство своевременно возвращается в Китай по завершении учебы.

Помимо конъюнктурных соображений различных ведомств и экспертов, расхождения в оценках численности трудовых мигрантов из КНР в РФ также определяются точностью методик миграционного учета.

В общей структуре китайской иммиграции наибольший процент приходится на долю трудовых иммигрантов. Как отмечает заместитель директора Института Дальнего Востока РАН В.Я. Портяков со ссылкой на данные Федеральной миграционной службы Министерства внутренних дел РФ, за период 2001–2004 гг. количество китайцев, привлеченных к оказанию трудовых услуг в России, возросло в 3,6 раза. Если в 2000 г. по линии оказания трудовых услуг в России работали 26222 гражданина КНР, то в 2004 г. было зарегистрировано уже 94064 китайца, прибывших в РФ с целью устройства на работу¹². Большинство российских экспертов сходятся во мнении, что тенденция к увеличению контингента китайских рабочих в России сохранилась. Согласно данным китайских СМИ, российскую границу ежегодно пересекают от 2,5 млн до 5 млн китайцев, перманентно на территории РФ находятся около 500 тыс. китайцев, из них постоянно проживают 200 тыс. чел.¹³

Общепризнанно, что наиболее крупные контингенты трудовых мигрантов из КНР сосредоточены в южной части российского Дальнего Востока, Забайкалье, Прибайкалье, Восточной и Центральной Сибири, а также в Санкт-Петербурге и Москве.

Сегодня основной сферой занятости и источником доходов китайцев по-прежнему остается торговый бизнес. Китайское землячество обладает развитой инфраструктурой, включающей собственные СМИ, медицинские центры, увеселительные заведения (в том числе закрытые, исключительно для китайцев). В рамках землячества действует налаженная система организации приезда китайских мигрантов в Россию. Существуют фирмы, оперативно, но не всегда легально обеспечивающие иммигрантов необходимыми приглашениями, визовой поддержкой на любой срок, регистрацией в миграционных структурах, органах внутренних дел и т.п.

Как утверждала газета «Коммерсантъ», ссылаясь на данные Федеральной иммиграционной службы, только в Москве в 2009 г. проживало более 150 тыс. выходцев из Китая, включая въехавших в РФ нелегально¹⁴. Однако при этом члены китайской общины, даже стремящиеся объединиться и осесть в определенном районе столицы, такой возможности не имеют. Разрозненные небольшие анклав компактного проживания китайцев можно обнаружить разве что в ее окраинных районах. Приезжих привлекают там более низкие цены на жилье, значительное количество промышленных предприятий, а значит, подъездных путей, складов и, не в последнюю очередь, потенциальных покупателей их товара¹⁵. Таким образом, особенность Москвы заключается в дисперсном характере расселения китайских мигрантов по городу. И если проводить параллели с такими мегаполисами, как Нью-Йорк, где в одном китайском квартале компактно проживают от 70 до 150 тыс. чел.; Париж, Лондон или Сан-Франциско¹⁶, то следует признать, что говорить о появлении в Москве «чайна-тауна» в его классическом виде пока не приходится.

Известно, что на протяжении последних лет китайская община лоббировала вопрос о выделении ей определенной территории для организации собственного поселения. Однако положительное решение данного вопроса московскими властями было бы, как утверждает В.Г. Гельбрас «очень большой ошибкой, потому что в этом случае мы создадим условия для того, чтобы китайцы не были заинтересованы в том, чтобы вращаться в российское общество... условия для этнического, хозяйственного, политического, какого хогите, обособления этих людей»¹⁷.

Предоставление китайцам территории в Москве для формирования собственного компактного поселения станет дополнительным фактором обособления китайской диаспоры, изначально ориентированной на стратегию сегрегации в своем развитии. На современном этапе уже возможно говорить о наличии в Москве диверсифицированной и разветвленной инфраструктуры поддержки китайской диаспоры, которая в отличие от традиционных для столицы армянской, азербайджанской или грузинской диаспор стремится к сокрытию от широких слоев общества факта своего существования. Развитию связей внутри китайской диаспоры в России, а также поддержанию отношений эмигрировавших граждан КНР с родиной способствует интенсивное развитие «этнических» сетевых ресурсов на российских доменах. Среди подобных сайтов одним из крупнейших является www.baozhi.ru (Газета), на котором представители китайскоязычного сообщества активно обмениваются информацией об особенностях проживания, трудоустройства, заработной платы, налогообложения и миграционного законодательства в России¹⁸.

Уяснению перспектив развития китайской диаспоры в центральной части России способствует история ее становления на востоке нашей страны, где к настоящему времени она уже находится на качественно ином уровне. При этом главной особенностью дальневосточной китайской диаспоры также было стремление к ретушированию своей социальной, экономической и политической значимости в регионе до некоей «точки бифуркации», когда важнейшие сферы жизни Дальнего Востока оказались тесно связанными с китайским присутствием в бизнесе, инвестициях и производстве.

Предпосылками повышения миграционной активности китайцев в 90-е гг. XX в. стали перенаселенность Северо-Востока Китая в сочетании с усилением конкуренции на внутреннем рынке труда и возрастанием безработицы. Значительную роль сыграл кризис дальневосточной экономики, приведший к дефициту товаров первой необходимости.

Между соседними территориями КНР и СССР экономические связи были восстановлены после почти двадцатилетнего перерыва в 1983 г. Торговля велась преимущественно через бартер. С 1988 г. советско-китайская торговля приобрела характер децентрализованной и межрегиональной. В 1990-е гг. проявилась взаимосвязь между масштабами китайской миграции в Россию и динамикой приграничной торговли. После распада СССР и до конца 1990-х гг. «первую скрипку» в приграничной торговле играл «челночный» бизнес, восполнивший российский дефицит товаров первой необходимости. Вывозимые из Китая и сбываемые на рынках дальневосточных городов товары, как правило, были плохого качества, но отличались дешевизной. Правила бартерной торговли легко осваивались китайскими гражданами. С подписанием в 1992 г. двустороннего соглашения о безвизовом режиме количество китайских «челноков» заметно возросло. И хотя к 1994 г. проблемы учета мигрантов вынудили местные власти вернуться к визовому порядку въезда китайских работников в страну, безвизовый туризм сохранил широкие возможности взаимных поездок. В последующие годы китайская «челночная» торговля упорядочилась: появилось разделение между поставщиками, транспортировщиками и торговцами на российских рынках¹⁹.

В созданные в рамках свободных экономических зон (СЭЗ) КНР зоны свободной (беспощинной) торговли вошла часть городов Северо-Востока и Северо-Запада страны на приграничье с Россией²⁰. Так, помимо мелких торговцев, занятых преимущественно перепродажей товаров первой необходимости, в ЗСТ стали возникать китайские компа-

нии, ориентированные на крупные оптовые поставки. Постепенно эти компании вытеснили своих российских партнеров с рынка и открыли собственные филиалы уже на российской стороне.

Насыщение дальневосточного потребительского рынка товарами производства КНР в начале 2000-х гг. и относительный рост доходов российского населения в совокупности с усилением контроля за трудовой иммиграцией в Россию²¹ также способствовали сокращению числа мелких китайских торговых предприятий в приграничье.

Нехватка рабочей силы в секторах, где требуется выполнение ручной трудоемкой работы, ставшая ощутимой на Дальнем Востоке еще в 80-е гг. XX в., также явилась одной из важнейших причин интенсивной китайской иммиграции на территорию РФ.

Помимо торговли товарами народного потребления, популярными «китайскими» нишами на рынке труда в России были и остаются строительство, сельскохозяйственное производство и отчасти ресторанный бизнес.

Компании из КНР принимали участие в реализации крупных строительных проектов в Москве и Петербурге²². Многие дальневосточные строительные организации со 100-процентным российским капиталом предпочитают приглашать рабочих из КНР. Например, активно использует китайцев на своих стройках хабаровское предприятие «Дальспецстрой», которому принадлежит около 50% рынка жилищного строительства в Хабаровском крае. Китайский труд обходится дешевле, а квалификация китайских рабочих в последнее время заметно возросла. Кроме того, россияне неохотно идут работать на стройки²³.

Новый приток строителей из Китая ожидается в связи с приближающейся Олимпиадой в Сочи, где для возведения олимпийских объектов требуется до 200 тыс. чел. Велика вероятность того, что строительство олимпийских объектов в Сочи будет вестись преимущественно руками иностранных трудовых мигрантов.

Главное преимущество китайских компаний перед отечественными строителями состоит в низкой (на 30–40% дешевле) стоимости услуг. Китайские строительные компании, работающие за рубежом, получают серьезную поддержку своего правительства. Им предоставляются льготные кредиты и налоговые льготы, что способствует общему снижению затрат. Также компании из КНР экономят за счет собственной дешевой рабочей силы.

Что касается участия китайских крестьян в сельскохозяйственном производстве на территории России, в настоящее время только на Дальнем Востоке они обрабатывают более 6 тыс. га земли под тепличное хозяйство. Администрация провинции Хэйлуунцзян выражала готовность направить в ближайшие годы до 10 тыс. растениеводов и животноводов в Приморский и Хабаровский края, Еврейский автономный округ, Амурскую, Сахалинскую области для комплексного развития там сельского хозяйства. По мере обезлюдивания деревень районы потенциального притяжения крестьян из КНР возникают и в нечерноземных областях России²⁴. В ряде регионов РФ урожай, полученный трудом китайцев, уже вполне сопоставим с объемами производства местных сельхозпредприятий, а демпинговые цены на их продукцию способствуют вытеснению российских производителей с рынка.

Последние высказывают сомнения в том, что заметные успехи китайцев в аграрном секторе объясняются исключительно их прилежанием и трудолюбием. В этой связи показательна развернутая в 2007 г. в Челябинской области кампания по борьбе с мигрантами из Китая, которым вменялось в вину бесконтрольное выращивание овощей, строительство теплиц и использование местных водоемов для собственных нужд. При этом экономия в обход закона на разрешительных документах, налоговых и прочих обязательных платежах позволяла китайцам торговать по ценам на 40% ниже рыночных, что задевало интересы российских сельхозпроизводителей. Проверки выявили случаи использования китайскими предпринимателями семян сомнительного качества и бесконтрольного

употребления ядохимикатов, запрещенных к применению у нас в стране, а также ряд нарушений законодательства в сфере охраны природы и здоровья человека. Помимо этого было отмечено, что «овощеводы» из КНР «захламляют» земельные участки сельскохозяйственного назначения отходами, превращая наделы в непригодные для использования по их целевому назначению и выводя их тем самым из сельскохозяйственного оборота²⁵. Инициированная властями борьба с «недобросовестной» китайской конкуренцией широко освещалась в СМИ и активно обсуждалась в Интернете. В общем потоке антикитайских настроений процент людей, воспринимавших кампании властей «в поддержку национального производителя», как способ реализации их узкокорыстных интересов, а не ответ на «чаяния национального потребителя», был достаточно велик. Видимо, отчасти и поэтому борьба с незаконным китайским овощеводством на российской земле, как правило, сводится к устранению только низших звеньев, но не всей цепочки.

Китайцы приглашаются на работу в Россию по договорам, заключаемым между субъектами РФ и правительствами городов северо-восточного Китая. Администрации краев и областей ежегодно фиксируют количество рабочих, необходимых для восполнения нехватки рабочей силы в данном субъекте федерации. Тенденцией второй половины 1990-х гг. стало формирование в отдельных регионах постоянного контингента китайских трудовых мигрантов.

Исследования фиксируют определенные различия в уровне образования приезжих китайцев, занятых в различных отраслях производства: 75% занятых в торговле имеют законченное среднее образование, 5% из них — высшее. Работающие в сельском хозяйстве, строительстве и общественном питании, относятся преимущественно к низшим социальным слоям из уездных городов КНР. Уровень неграмотности среди них может достигать 30–35%. Причем, в России они с готовностью нанимаются на работу, которую им не приходилось выполнять на родине²⁶.

Наибольшие споры вызывает вопрос о численности находящихся в России нелегальных китайских иммигрантов. В настоящее время большая часть каналов возможного нелегального проникновения граждан Китая на территорию РФ контролируется российскими погранслужбами, а с введением миграционных карт для иностранцев и возможности для них «задержаться» в России после истечения срока действия визы резко сократились²⁷.

Главная особенность современной китайской иммиграции заключается в том, что она осуществляется под постоянным, хотя не всегда явным, патронажем государства. Для КНР расширение экспорта трудовых ресурсов служит не только источником пополнения государственного бюджета или средством сокращения безработицы внутри страны, но является важной составляющей стратегии выхода национального бизнеса вовне, выдвинутой в 2000 г. тогдашним лидером страны Цзян Цзэмином. Содержание этой внешнеэкономической стратегии определяется политикой экспорта капитала, нацеленного на освоение природных и технологических ресурсов зарубежных стран, расширение товарного экспорта и завоевание новых рынков сбыта²⁸. Поощрение и поддержка транснационализации деловой активности китайских предприятий является на сегодняшний день одной из наиболее приоритетных сфер государственной политики КНР. Характерно, что из числа китайских компаний, активно осуществляющих зарубежную инвестиционную деятельность, лишь 10% приходится на долю частных. На основании вышесказанного отдельные эксперты приходят к выводу о реализации широкомасштабной международной экспансии не столько отдельных китайских компаний, сколько (государственного сектора) экономики КНР в целом²⁹. КНР выступает за создание зон свободной торговли различной конфигурации со своим участием, которые предусматривали бы принцип свободного перемещения рабочей силы. В Китае исходят из того, что нынешняя доля страны в мировом рынке трудовых услуг (порядка 1%) не соответствует ее потенциальным возможностям и демографическому весу, и намерены прилагать последова-

тельные усилия по укреплению конкурентоспособности в данном сегменте мирового рынка. Этому, в частности, призвана способствовать введенная в 2002 г. упрощенная процедура выдачи загранпаспортов гражданам КНР и их выезда из страны.

Позиция Пекина по вопросу формирования эмиграционной политики страны поддерживается основными СМИ Китая. Тема эмиграции китайских граждан в Россию подается официальными СМИ в позитивном ракурсе развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, наращивания социально-культурных связей между странами. Зачастую пропагандируется образ успешного китайского эмигранта в России, указывается на широкие возможности трудоустройства, получения высокой заработной платы, доброжелательное отношение принимающего населения. Например, оценивая уровень толерантности российского общества, агентство Синьхуа приводит следующую статистику: «Из 100 опрошенных китайцев, проживающих в России, 47 заявили, что здесь совершенно безопасно»³⁰. Такой подход в корне отличается от освещения данного вопроса в российских СМИ. Осторожный оптимизм официальной прессы КНР не разделяют также китайские авторы частных блогов, акцентирующие внимание в основном на препятствиях и трудностях, с которыми сталкиваются граждане Поднебесной, приезжающие на заработки и постоянное жительство в Россию³¹. При этом главной проблемой блоггеры видят ксенофобию россиян по отношению к китайцам³².

На территории КНР официально действуют несколько тысяч компаний, организуемых трудовую эмиграцию за границу. Выходцы из Китая работают приблизительно в 180 странах, преимущественно в Азии, лишь незначительный процент уезжает в Европу. Одновременно власти КНР активно противодействуют нелегальной эмиграции и предпринимают значительные усилия по пресечению деятельности так называемых «измененных голов» — главарей подпольных сетей по переправке китайских граждан за рубеж.

С момента прихода к власти Ху Цзиньтао руководство КНР провозгласило стержнем своей внутренней и внешней политики принцип «человек — основа всего», что также нашло отражение в ужесточении позиции китайской дипломатии в области защиты интересов своих граждан за рубежом. В частности, 4 ноября 2004 г. в Пекине была создана «Объединенная конференция по безопасности находящихся за границей граждан и организаций КНР» в составе представителей ряда министерств и ведомств Госсовета Китая. Защита законных прав и интересов находящихся за рубежом граждан КНР была провозглашена одной из главных функций действующих за границей консульских учреждений Китая. При этом особое значение придается работе с лицами, выезжающими по линии экспорта Китая трудовых услуг³³.

Крайне значимым для понимания специфики китайской иммиграции является фактор *хуацяо*. К *хуацяо* относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают. В традиционном китайском сознании гражданство не имеет решающего значения, гораздо важнее происхождение. Поэтому традиция не отвергает *хуацяо*, а возвращение китайца на родину, пусть даже через несколько поколений, воспринимается как счастливое воссоединение с семьей. Среднестатистический китайский иммигрант подсознательно отождествляет себя с родиной и поддерживает с ней тесную связь. Этим и объясняется психологический феномен «чайна-тауна»: там, где есть китаец, есть и Китай. Эта особенность активно используется правительством КНР и учитывается при формулировании долгосрочной государственной стратегии. В ее задачи входит: создание китайских диаспор там, где они раньше отсутствовали (например, в постсоциалистических России, Венгрии, Румынии и т.д.); расширение уже сложившихся диаспор (только в 1990-х гг. китайские диаспоры в ведущих странах Западной Европы увеличились в полтора раза); усиление собственного политического влияния, в частности, путем формирования прокитайских лобби (особенно сильных в странах ЮВА, а также в США); проникновение представителей диаспор в государственный аппарат,

средства массовой информации, получение доступа к новейшим научно-техническим разработкам и технологиям³⁴.

Одновременно основными чертами эмиграционной политики КНР являются содействие укреплению своих позиций на мировом рынке трудовых услуг, борьба с нелегальной эмиграцией, активная защита прав китайских граждан за рубежом, поощрение осевших за границей ученых к возвращению на родину.

Существенное влияние на уровень эмиграции из Китая оказывает демографическая ситуация в стране и деятельность государственных органов в области регулирования процессов воспроизводства населения. По мнению китайских демографов, к ограничению рождаемости следовало приступить непосредственно после победы революции в 1949 г. Однако Мао Цзэдуи выступил решительным противником подобной «пораженческой» политики. Утверждая, что с каждым новым «ртом» к рабочей силе страны добавляются две «руки», Мао даже предлагал по советскому примеру учредить в Китае почетное звание «Мать-героиня». В результате проводимого им курса «многочисленное население — большая сила» с 1949 по 1960 гг. прирост населения в КНР составил около 40%. На период с 1966 по 1976 гг. приходится самый мощный в истории Китая демографический взрыв, когда на протяжении десяти лет население страны ежегодно увеличивалось в среднем на 19–20 млн чел.³⁵ Подобные темпы роста населения наряду с увеличением средней продолжительности жизни способствовали накоплению огромного трудового и военно-мобилизационного потенциала в КНР. Во многом благодаря этому стал возможен «большой рывок» бедной, отсталой страны до уровня регионального лидера — одного из потенциальных будущих полюсов формирующегося многополярного мира.

Однако в условиях недостаточно развитой экономики осуществлявшаяся под руководством Мао Цзэдуна демографическая политика стала причиной обострения многих социальных проблем. После смерти Мао Цзэдуна Пекин пошел на выработку долговременной политики регулирования размеров семьи и ограничения рождаемости. На современном этапе цель национальной демографической политики заключается в удержании численности населения страны в пределах 1,6 млрд чел., т.е. такого количества людей, проживание которых, по мнению китайских ученых, еще способен обеспечить ресурсный потенциал территории Китая. Власти ориентируются на достижение указанного предельного рубежа к 2050 г., когда жесткие меры контроля над рождаемостью позволят добиться нулевого или даже отрицательного прироста населения.

В контексте проводимой государством демографической политики острый характер принимает традиционная для Китая проблема дисбаланса полов, которая также оказывает существенное влияние на эмиграционную ситуацию в стране. По некоторым оценкам, к 2020 г. число потенциальных женихов в Китае будет на 30 млн превышать численность потенциальных невест. Согласно традиционным верованиям, лишь наличие потомства по мужской линии может принести успокоение душам умерших. Соответственно, в роли того самого «единственного» ребенка рядовые китайцы предпочитают видеть мальчика. И многие, вопреки официальным запретам, идут на прерывание беременности, узнав, что ожидается девочка³⁶.

Таким образом, сложившаяся ситуация и осуществляемая властями политика в области демографии входят в число важнейших побудительных мотивов массовой внутренней и внешней миграции мужского населения Китая. При этом очевидно, что при нехватке внутренних возможностей для снятия социального напряжения и демографического давления власти КНР будут вынуждены поощрять трудовую эмиграцию, служащую важным источником пополнения бюджета страны. С учетом вышесказанного можно прогнозировать нарастание миграционных потоков за пределы Китая.

Россия и ее дальневосточные территории расположены на пути этих потоков. В первой четверти XXI в. в пограничных с КНР российских регионах возможно усиление

тенденции замещения автохтонного населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего, из Китая.

Переливу населения с территории китайского Северо-Востока через российскую границу будет по-прежнему благоприятствовать значительная разница демографических потенциалов. Уже сегодня в примыкающих к ДФО трех провинциях КНР — Хэйлунцзяне, Цзилине, Ляонине — плотность населения, превысившего 104 млн чел., составляет 130 чел. на 1 кв. км. В четырех пограничных субъектах Российской Федерации — Еврейской автономной области, Амурской области, Приморском и Хабаровском краях — она едва достигает 4 чел. на 1 кв. км, т.е. в 30 раз меньше³⁷.

Активно муссируемые прозападными СМИ сообщения о лавинообразном росте числа китайцев, оседающих на российских территориях, опровергаются социологическими исследованиями. По мнению авторов, между осознанием китайской миграции в РФ как вызова безопасности и интерпретацией ее как «желтой угрозы» имеется существенное различие³⁸. В настоящее время китайская миграция в РФ является именно «вызовом», т.е. в случае принятия Россией комплекса адекватных регулирующих административно-политических мер китайские трудовые мигранты могут эффективно использоваться для решения многих социально-экономических задач. В противном случае — возникнет эффект «упущенной выгоды», или более того — вызов в перспективе превратится в угрозу³⁹.

Эффективное решение проблемы китайской иммиграции возможно в увязке со стратегией развития российско-китайских социально-экономических связей и определяется характером взаимовыгодного партнерства с государственными, административными и экономическими структурами КНР.

В частности, целесообразно использовать тему противодействия нелегальной миграции и регулирования потоков трудовых мигрантов в качестве одной из основ взаимодействия России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, поскольку стремление обеих стран устранить из своих экономических взаимоотношений влияние «теневого» сектора, в том числе фактора нелегальной миграции, представляется обоюдным.

Снижению уровня потенциальных угроз от китайской иммиграции должен способствовать контроль российских силовых ведомств над организованными неформальными структурами китайских землячеств. Усиливая контроль над миграцией из Китая российским властям следует руководствоваться принципом соответствия численности привлекаемой из-за границы рабочей силы потребностям социально-экономического развития страны. Помимо привлечения к ответственности нарушителей миграционного законодательства, соответствующие меры следует применять и по отношению к работодателям, принимающим на работу нелегалов.

Важно инициировать диалог между местными властями и руководством китайских землячеств, наделив последние ответственностью, подразумевающей не только права, но и обязанности. Необходимо следить за строгим соблюдением китайскими юридическими и физическими лицами трудового, налогового, природоохранного и других аспектов российского законодательства. Формированию замкнутых территориальных анклавов с китайским большинством необходимо противопоставить экономические методы рассеивания потенциальных скоплений мигрантов-китайцев.

Во избежание возможных рисков, связанных с дисбалансом населения в приграничных с КНР районах России, следует активно стимулировать приток россиян в дальневосточные регионы страны. Тем более, что задача формирования комфортной среды обитания на Дальнем Востоке и предотвращения оттока местного населения из региона была обозначена в качестве основной цели «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»⁴⁰. Хочется надеяться, что положения «Стратегии» о развитии транспортной, энергетической, инфор-

мационно-коммуникационной и социальной инфраструктур в регионе будут наполняться реальным содержанием, поскольку именно от этого зависит, сохраним ли мы Дальний Восток российским или он попадет под влияние и контроль иных внешних сил.

1. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
2. Гильбо Е. Перспективы китанизации России // Российская Федерация сегодня. 2004. № 13. С. 63.
3. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 149.
4. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С. 40.
5. Приходько С.Э. Мы не должны бояться Китая // Известия. 2004. 21 марта.
6. Ларин А.Г. Указ. соч. С. 149.
7. Там же. С. 152.
8. Витковская Г. Угрожает ли безопасности России китайская миграция? // Брифинги Фонда Карнеги. 1999. Т. 1. Вып. 08.
9. См. например: Ли Эрбин. 21 шиззи цянъци Чжунго дуйвай чжаньлюэ сюаньцзэ [Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале 21 века]. Пекин. 2004. 499 с.; Лу Ган. Цзюань цюйхуа чжундэ чжунго иньсу [Китайский фактор в процессах глобализации] // Хуаньцю шибао. 2006. 31 марта; Ван Хайсюнь. Чжунго фачжань сюй яо дини гоцзя вэйчжи [Развитие Китая требует определить статус государства] // Хуаньцю шибао. 2006. 24 февр.
10. Портяков В.Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 10–21.
11. А. Жуков высоко оценил развитие обменов между РФ и Китаем в области образования // Жэньмин жибао. 2009. 19 марта.
12. Портяков В.Я. Указ. соч.
13. Ю дошао чжунгожэнь цзай элосы? [Сколько есть китайцев в России?]. 07.07.2009. URL: <http://www.wenwen.soso.com/z/q140993577.htm>; Элосы лаобайсин жуцзы кань Чжунго [Российские обыватели таким образом смотрят на Китай] // Цзюньши [Военное дело] 2010. 9 июля. http://junshi.xilu.com/2010/0609/news_48_89450.html.
14. Дума о российско-китайских отношениях. Москва — Пекин: идут народы... // Коммерсантъ. 2009. 26 апр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=77072>.
15. Горбович К. Китайцы в Москве // Gazeta.ru. 1999. 28 февр.
16. Укалов Р. Первопрестольный China-град // Независимая газета. 2006. 31 марта. URL: http://www.ng.ru/inquiry/2006-03-31/1_chinograd.html.
17. Московские китайцы // Радио Свобода. 2002. 13 сент.
18. <http://www.baozhi.ru/thread-28244-1-1.html>.
19. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1. С. 252–277.
20. Тан Хайтин. Свободные экономические зоны в экономике КНР: Дис.... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 1998. 173 с.
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 681 "О порядке выдачи разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами временной трудовой деятельности в Российской Федерации"
22. Дружинин С. «Бигуйюань» построит жилье на Урале // ChinaPRO. 2009. 19 сент.
23. Кардулова О. Китайские девелоперы застраивают Россию // BFM.RU. 2009. 27 февр.
24. Портяков В. Указ.соч.
25. Надзорные органы Челябинской области обездрили законность работы китайских овощеводов. Сайт Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) по Челябинской области. URL: <http://www.rsn-chel.ru> 2009. 30 июня.
26. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1. С. 252–277. Указанные данные были получены в результате социологических опросов, проведенных Загребновым Е. в Благовещенске, Владивостоке, Уссурийске и Забайкальске с июня 2005 года по январь 2006 г. Социологический опрос проводился на китайских рынках, в китайских компаниях и общежитиях, где проживают граждане КНР.
27. Там же.

28. *Кокшаров А.* Внутреннее развитие через глобальную экспансию // Эксперт. 2006. № 46. 11 дек.
29. *Данильченко А., Калинин Д., Ху Цзуньжун.* Внешнеэкономическая стратегия государства в условиях глобализации мировой экономики: опыт Китайской Народной Республики // Журн. международ. права и международ. отношений. 2008. № 4.
30. Чжунго шанжэнь цзай Элосы юаньдундэ шэнцзунь цзинюй [Жизненная участь китайского торговца на российском Дальнем Востоке], Агентство «Синьхуа» 16.11.2004. URL: http://news.xinhuanet.com/overseas/2004-11/16/content_2223964.htm
31. Элосы жэнь яньчжундэ чжунгожэнь [Взгляд россиян на китайцев], 22.02.2009. http://sanbaimen.blog.hexun.com/29687224_d.html.
32. Элосы ю дошао жэнь? Тамэнь хэ чжунгожэнь гунхунь ма? [Сколько людей в России? Вступают ли они в брак с китайцами?], 04.11.2008. URL: <http://zhidao.baidu.com/questions/74388945.html>.
33. *Портяков В.* Указ. соч.
34. *Глизунов О.* Китайская разведка. М., 2008. С. 46–53.
35. *Титаренко М.Т.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия. Китай и другие страны Азии. М., 2008.
36. Китаю угрожает серьезный дисбаланс полов — мальчиков рождается больше // News.ru. 2007. 25 августа.
37. *Портяков В.* Указ. соч.
38. В данном контексте авторы считают целесообразным использовать определения «вызова» и «угрозы» данные в коллективной монографии «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию». Под ред. В.В. Михеева. М., 2005. С. 7.: «Угроза — то, что без адекватных защитных мер может нанести ущерб устойчивому развитию, внутривнутриполитической стабильности и международным позициям. Вызов — во-первых, то, что может принести выгоду, укрепить международную роль, однако только в случае принятия адекватных мер адаптации, а без них — создать эффект упущенной выгоды; во-вторых, то, что без адекватных мер адаптации может в перспективе превратиться в угрозу».
39. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 7.
40. Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/

Миграция в Республике Корея: современное состояние, проблемы, перспективы

© 2012

В. Самсонова, Е. Ким

Сложившаяся ситуация в области человеческих ресурсов подталкивает южнокорейское правительство к разработке новой стратегии миграционной политики, отвечающей вызовам глобального мира. Миграционные процессы в РК имеют разнонаправленный и неоднородный характер. Все более остро встает проблема нехватки как низкоквалифицированных рабочих, так и высококвалифицированных специалистов в ведущих отраслях экономики. В связи с этим приоритетом миграционной политики в южной Корее становится привлечение трудовых ресурсов из-за рубежа и удержание, отечественных специалистов.

Ключевые слова: внутренняя миграция, зарубежные соотечественники, интернациональные браки, высококвалифицированные работники, старение южнокорейского населения.

В условиях глобализации мировой экономики резко возросли масштабы общей миграции, а главенствующую роль приобрела трудовая миграция, или миграция рабочей силы. Вопросы регулирования трудовых процессов имеют важное значение, поскольку позитивные и негативные стороны этого явления оказывают свое воздействие на развитие любой страны, в том числе и Республики Корея.

Говоря об общей ситуации можно отметить, что миграционный «вихрь» вовлек в себя практически все страны мира и число индивидуумов, ищущих счастья в других странах постоянно растет. Это подтверждается данными Всемирного Банка: в 2010 г. количество мигрантов в мире составило 215,8 млн чел., или 3,2% населения (в то время как в 1990 г. число мигрантов составляло 150 млн чел.). Основными странами-реципиентами трудовых ресурсов являются США, Россия, Германия, Саудовская Аравия, Канада, странами-донорами — Мексика, Индия, Россия, Китай, Украина. Один из важных выводов справочника Всемирного Банка касается разницы в объемах миграции по линии Юг—Юг (из одних развивающихся стран в другие) и Юг—Север (из развивающихся — в страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)). В настоящий момент объемы миграции по линии Юг—Юг значительно превышают объемы миграции по линии Юг—Север¹.

Какие страны являются наиболее привлекательными для миграции?

Для ответа на этот вопрос обратимся к рейтингу, который ежегодно составляется ООН: Human Development Index (HDI) (индекс развития человеческого потенциала —

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. Тел.: (499) 129-00-77. E-mail: vikarak@yandex.ru.

Ким Екатерина Валериановна, сотрудник Центра исследования АТР университета Ханьян, соискатель Института археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН. E-mail: yx_0001@hotmail.com.

ИРЧП) — рейтинг стран мира в соответствии с качеством жизни их жителей на фоне общих экономических показателей. В 2010 г. рейтинг по ИРЧП охватывал 169 государств. В 2010 году в пятерку лучших стран вошли: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия. Особое внимание заслуживает Республика Корея, которая в рейтинге 2010 г. заняла 12 место, показав высокие темпы прироста показателя (1,8%), что отражает стремительный рост качественных составляющих экономики и образования в стране за последние два десятилетия². И несмотря на то, что активное вовлечение РК в миграционные процессы произошло сравнительно недавно, с каждым годом число мигрантов, выбирающих для себя РК как пункт назначения, неуклонно растет.

На первых порах, когда Южная Корея находилась на стадии экономического становления, предложение рабочей силы резко превышало спрос на нее. С 1960-х до конца 1980-х гг. десятки тысяч южнокорейских рабочих покидали страну, чтобы работать на шахтах Германии или на строительстве на Ближнем Востоке. Тогда речь шла о хотя бы незначительном рассасывании полной и скрытой безработицы за счет отправки граждан РК за ее пределы. Однако уже во второй половине 1980-х гг. ситуация меняется на прямо противоположную: резкий экономический подъем, рост производства, увеличение заработной платы привлекли в страну поток иностранных рабочих. Среди основных причин подобной трансформации специалисты выделяют следующие.

1. Снижение прироста рабочей силы, которое произошло из-за исчерпания экспорта трудовых ресурсов за счет внутренней миграции (деревня — город); увеличения количества престарелого населения и снижения показателей рождаемости.

2. Строительный бум в 80-х гг. стал причиной масштабного перехода низкооплачиваемых рабочих в более оплачиваемую сферу строительства, тем самым оставив низкооплачиваемые сферы без рабочей силы.

3. Рост сегментации рынка труда, характерный для начала 1990-х гг. привел к неравномерному распределению рабочей силы: крупные компании из-за растущей конкуренции передали некоторые линии трудоемкого производства мелким фирмам, что привело к резкому дисбалансу между спросом и предложением (превышение спроса над предложением) рабочей силы в сфере среднего и мелкого предпринимательства.

4. Наиболее важным фактором перехода от экспорта к импорту рабочей силы в РК специалистами отмечается недостаток низкооплачиваемых неквалифицированных трудящихся в сферах, непривлекательных для местных работников. Речь идет о сфере физического труда, так называемой 3D (difficult, dirty and dangerous — трудный, грязный и опасный)³.

5. Дефицит высококвалифицированных кадров в приоритетных отраслях экономики РК. Отметим, что начиная с 2000 гг. появляется новое направление в миграционной ситуации РК — экспорт высококвалифицированной рабочей силы.

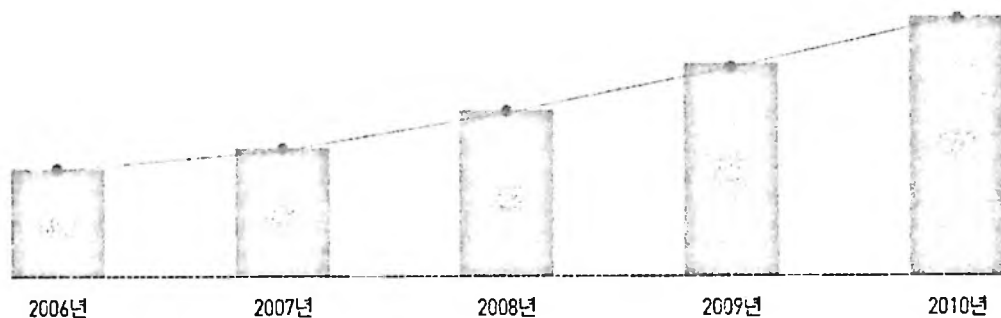
С каждым годом растет количество иностранных граждан, проживающих в РК. По данным Корейской иммиграционной службы РК, за десятилетие с 1997 по 2007 гг. количество всех проживающих в стране иностранцев увеличилось в 2,75 раза с 387 тыс. чел. до 1,066 млн. чел.⁴ А по данным Отдела миграции и миграционной политики РК на конец 2010 г. в стране проживало уже свыше 1,3 млн иностранных граждан.

В 2010 г. в страну въехало 8,77 млн иностранцев, что на 11% больше, чем в предыдущем 2009 г. И как видно из таблицы 1, рост въезжающих иностранцев стабильно растет.

Таблица 1.

Рост числа въезжающих в Республику Корея иностранных граждан.

(단위: 만명)

Источник: Ежегодный статистический отчет отдела миграции и миграционной политики. *Чхурингук вэгуин чончхэк тхонгэ ёнбо*. 2010. P. 12. (2010 출입국 외국인정책 통계_인보, 2010 http://immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/ListShowData.do?strNbodCd=noti0096&strWriNo=121&strAnsNo=A&strOrgGbnCd=104000&strRinURL=IMM_6050&strAllOrgYn=N&strThisPage=1&strFilePath=imm/)

Существуют различные типы виз, по которым въезжают иностранные граждане, представим основные из них:

A-1, A-2, A-3 — дипломатические и официальные лица;

B-1, B-2 — туризм и освобожденные от виз лица (граждане стран, с которыми есть договор о безвизовом въезде, часто въезжающие, транзитные пассажиры, повторный въезд);

C-2 — краткосрочный деловой визит;

C-3 — краткосрочный визит;

D-2, D-4 — учебные визы;

D-7, D-8, D-9 — инвесторы и предприниматели фирм, зарегистрированных в РК;

E-1, E-2, E-3, E-6 — деятели науки и искусства;

E-7 — высококвалифицированные сотрудники южнокорейских компаний;

E-9 — неквалифицированные работники;

F-4 — зарубежные соотечественники (квалифицированная рабочая сила);

F-2, F-5 — проживание и вид на жительство;

H-2 — зарубежные соотечественники (неквалифицированная рабочая сила).

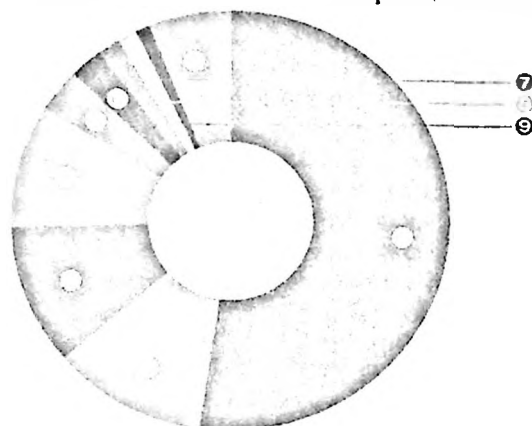
Распределение въезжающих иностранных граждан по визам показано на диаграмме 1.

Большинство иностранцев, приехавших в РК с целью трудоустройства, въезжают в страну по рабочим визам E-9 и H-2 (в 2010 г. в РК въехало соответственно 82 099 чел. по визе E-9 и 310 230 чел. по визе H-2).⁵

Существуют различные подходы к классификации групп мигрантов. Интересным, на наш взгляд, является представление некоторых южнокорейских ученых: говоря о структуре иммигрантов в РК, они выделяют следующие группы: мигранты из Северной Кореи, иностранные жены, неквалифицированные рабочие (этнические корейцы), неквалифицированные иностранные рабочие, беженцы⁶. Рассмотрим эти группы подробнее.

Рисунок 1.

Диаграмма въехавших в 2010 г. иностранцев по типам виз.

1. Туризм (B-2) — 52,5%
2. Экипаж транспорта — 11,3%
3. Общие краткосрочные визиты (C-3) — 10,9%
4. Освобождение от визы (B-1) — 9,2%
5. Неквалифицированные рабочие корейского происхождения (H-2) — 3,5%
6. Краткосрочный деловой визит (C-2) — 2,6%
7. Зарубежные соотечественники (F-4) — 1,5%
8. Проживание (F-2) — 1,4%
9. Учеба (D-2) — 1,2%
10. Прочие — 5,9%

1. Мигранты из Северной Кореи

Отметим, что мигранты из КНДР являются наиболее привилегированной группой среди остальных. Однако поскольку по конституции Республики Корея гражданам КНДР, въехавшим на территорию Республики Корея, автоматически предоставляется гражданство РК, и действуют программы помощи адаптации, то фактически они приравниваются к гражданам страны и рассматривать их как мигрантов, на наш взгляд, не совсем корректно.

Анализ статистических данных, представленных Министерством объединения, показал динамику роста прибывающих в Республику Корея северных соотечественников до 2009 г. и снижение в 2010 г., что может отчасти быть вызвано напряжением отношений между двумя странами за последние 2 года. В апреле 2010 г. общее количество прибывших в Республику Корея граждан КНДР составило 21 191 чел.

Министерство объединения РК также отмечает преобладающее большинство женщин среди мигрантов из Северной Кореи, что в целом подтверждает одну из глобальных тенденций миграции, отмеченных учеными С. Каслом и М. Миллером⁷, — феминизацию миграции.

Одной из главных проблем прибывающих из КНДР граждан является адаптация к новым условиям жизни. Отмечается, что многие из них испытывают психологические трудности и более 50% живут за чертой бедности⁸. В целях лучшей адаптации этой категории лиц южнокорейским правительством в июле 1997 г. был подписан закон о защите северокаорейских беженцев и поддержке в деле их адаптации. Также в 1999 г. открылся Центр реабилитации Ханавон, рассчитанный на 100 мест.

Таблица 2.

Численность въехавших граждан КНДР в Республику Корея

Год	1998	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	04.11	Итого
Муж.(чел.)	829	563	506	469	626	423	509	570	612	666	578	242	6593
Жен.(чел.)	118	480	632	812	1268	960	1509	1974	2197	2261	1798	589	14598
Всего (чел.)	947	1043	1138	1281	1894	1383	2018	2544	2809	2927	2376	831	21191
Процент женщины	12%	46%	56%	63%	67%	69%	75%	78%	78%	77%	76%	71%	69%

Источник: Министерство объединения Республики Корея. URL: <http://www.unikorea.go.kr/CmsWeb/viewPage.req?idx=PG0000000365> (20.10.2011)

Правительство Республики Корея в Ханавоне проводит программы по адаптации северокорейских мигрантов, в том числе образовательные программы по адаптации, консультации по жилищным вопросам, вопросам регистрации семейных отношений и выплат пособий, трудоустройства и проч. В Центре реабилитации проводится трехмесячный курс акклиматизации, включающий в себя 3 стадии. На первой стадии проводится анализ психологического состояния человека и оказывается психологическая помощь. На второй стадии проводятся ознакомительные занятия по вопросам южнокорейской культуры, экономики, языка и др. На третьей стадии даются знания по вопросам повседневной жизни: ведение бюджета, курсы вождения и др.⁹

2. Иностранные жены

Значительную долю иностранцев в РК составляют так называемые иностранные жены, число которых ежегодно растет (на март 2010 г. их число составило 135 000 чел.). К общей численности иностранных жен необходимо прибавить тех, кто уже получил гражданство РК, на 2009 г. их число составило 41 000 чел. По данным Министерства юстиции РК, количество интернациональных браков с каждым годом растет, в частности, к 2011 г. на их долю приходилось порядка 10% всех браков, заключаемых в стране¹⁰. Среди причин такого значительного процента иностранных браков и роста их числа по сравнению с прошлыми годами называется быстрая урбанизация среди женщин и нехватка женской рабочей силы в сельских регионах страны, а также дисбаланс в гендерном соотношении, вызванный предпочтением рождения сыновей в конце 1980-х гг. Это привело к росту международных браков чаще всего с гражданами Китая (в том числе корейского происхождения), Вьетнама, Филиппин, Узбекистана.

По законодательству РК иностранные жены могут получить визу постоянного проживания (F-2), а после двух лет брака могут рассчитывать на получение гражданства или вида на жительство. На помощь иностранным женам также направлено множество программ по изучению корейского языка и различных консультаций, доступных не только жителям столицы, но и регионов. В целом юридическое положение иностранных жен вполне привилегированно по сравнению с другими иностранцами. У них есть право на трудоустройство, право на медицинские выплаты, при наличии ребенка есть право на социальные услуги, при получении вида на жительство — право голоса на региональных выборах.

3. Иностранные рабочие (зарубежные соотечественники)

По данным Фонда зарубежных корейцев, в 2009 г. за пределами Корейского полуострова проживает почти 7 млн этнических корейцев, имеющих гражданство других стран¹¹.

Республика Корея проводит довольно активную политику для налаживания сотрудничества с зарубежной диаспорой. И одной из мер данной диаспоральной политики является облегчение процедуры получения виз, а также расширенные права пребывания

в РК по сравнению с другими иностранцами. Однако привилегии распространяются не на всех зарубежных соотечественников. Юридически этнические корейцы, въехавшие в РК, делятся на 2 группы: обладатели виз Н-2 (неквалифицированные рабочие корейского происхождения — 305 тыс. чел.) и F-4 (квалифицированные зарубежные соотечественники — 55 тыс. чел.). Главным различием между двумя группами является род деятельности. Виза Н-2 выдается на 3 года с правом ее продления еще на 2 года, в итоге держателям визы разрешается находиться в стране в течение 5 лет. Продление визы F-4 не ограничено¹².

4. Иностранцы неквалифицированные работники (на март 2010 г. 256 000 чел.)

Иностранцы граждане начали приезжать в РК для работы с конца 1980-х — начала 1990-х гг. по программе рабочих стажеров. После прекращения действия программы в связи с финансовым кризисом в 1997 г. иностранные стажеры были массово депортированы. С 2000 г. программа возобновилась, а с 2007 г. система стажеров была окончательно заменена системой трудового найма. Новая система найма была направлена на расширение прав иностранных рабочих, однако до сих пор на иностранных рабочих не распространяются социальные привилегии (дотации на слабозащищенные слои населения) и программы по адаптации.

По закону о найме иностранных рабочих предпочтение в найме отдается местным рабочим, только после того как нанимающая сторона докажет, что на рабочее место не претендует местный трудящийся, она имеет право нанять иностранца.

Рабочая виза E-9 также как и виза Н-2 дается на 3 года с правом продления еще на 2 года, однако неквалифицированные иностранные рабочие в отличие от неквалифицированных рабочих корейского происхождения (виза Н-2) не имеют права менять место работы и не могут получить визу для въезда в страну без заключения рабочего контракта.

Важным фактором регулирования миграционных процессов является политика государства. Министерство труда Республики Корея ежегодно определяет квоты для всех стран, экспортирующих рабочих в РК, согласно предпочтениям работодателей¹³, положению на рынке труда и др. Корейская федерация мелкой и средней промышленности выступает правительственным агентом осуществления программ технической и профессиональной стажировки иностранной рабочей силы и защищает ее импорт. По законодательству страны иностранцы могут быть наняты в 5 сферах: промышленность, строительство, сельское хозяйство, рыболовство, сфера услуг (гостиничный и ресторанный бизнес, медицинский персонал, социальная работа и др.).

В 2009 г. из-за проблем в экономике и с целью защиты безработных граждан страны Министерство труда РК решило сократить квоту для импорта иностранных рабочих до 34 тыс. чел. (в 2008 г. эта квота составляла 100 тыс. чел.) (табл. 3). Превалирующее количество квот предоставлено в промышленности, при этом для иностранцев она равна 13 тыс. чел., для этнических корейцев 10 тыс. чел., в строительстве квоты в размере 2 тыс. чел. получают только иностранные рабочие, а в сфере услуг почти все квоты закреплены за этническими корейцами (5,9 тыс. чел.). Правительство резко сократило количество квот на получение рабочих виз типа Н-2 для этнических корейцев с 62 тыс. чел. в 2008 г. до 17 тыс. чел. в 2009 г. и не предоставила ни одной квоты в строительстве, объяснив это высокой конкуренцией между гражданами РК и этническими корейцами за рабочее место в этой сфере.

Таблица 3

Количество мест, предоставляемых по квоте иностранным рабочим и их распределение по отраслям (2009 г.)

Статус	Количество по квоте	Промышленность	Строительство	Сфера услуг	Сельское хозяйство	Рыболовство
Иностранцы граждане	17000	13000	2000	100	1000	900
Этнические корейцы	17000	10000	0	5900	1000	100
Всего	34000	23000	2000	6000	2000	1000

Министерство труда РК определило следующие ключевые моменты в политике привлечения иностранной рабочей силы на ближайшее время.

1. С целью защиты граждан РК и уже работающих на территории страны иностранцев в условиях экономической рецессии и связанным с этим сокращением количества рабочих мест, экспорт новой иностранной рабочей силы в 2009 г. был существенно уменьшен. Объем квот на 2009 г. был определен после анализа количества предложений на рынке труда, плана приема на работу в южнокорейских компаниях и количества иностранных рабочих в листах ожидания на получение работы в РК.

2. Министерство труда планирует усилить контроль в сфере привлечения на работу этнических корейцев. В министерстве отметили, что с начала программы введения особых рабочих виз для этнических корейцев не осуществлялся должный контроль за количеством прибывших и их распределением по сферам производства, более того, эта программа вызвала негативную реакцию среди населения страны, которое считает, что в таких сферах, как строительство, ресторанный и гостиничный бизнес этнические корейцы вытесняют самих граждан РК.

3. С целью более легкой адаптации иностранцев к жизни в РК Министерство труда планирует увеличить количество общественных организаций, помогающих иностранцам преодолеть культурный, языковой и др. барьеры¹⁴.

В посткризисный период правительство РК оставило квоту на иностранных рабочих в 2010 г. равную 34 тыс., но позже добавило еще 10 тыс., доведя тем самым квоту до 44 тыс. чел.¹⁵

5. Беженцы (на 2009 г. из 2 492 заявок 175 чел. были признаны беженцами)

Республика Корея вступила в конвенцию по принятию беженцев в 1992 г., однако до принятия РК в члены Агентства ООН по делам беженцев в 2000 г. ни один человек не был признан беженцем. Но и после 2000 г., судя по численности беженцев и числу заявок, РК не является привлекательной для беженцев страной. Возможно, это связано со сложностью процедуры признания беженцами, а также с тем фактом, что право на работу беженец получает лишь спустя год после подачи заявки. Следовательно, в течение года беженцы вынуждены работать нелегально. На беженцев не распространяются привилегии мигрантов из Северной Кореи, однако в планах правительства расширить их права к 2012 г. предоставлением консультаций и курсов корейского языка, помощи размещения, получения медицинского обслуживания.

В зависимости от типа визы иностранцы имеют различные права и привилегии. В Таблице 4 резюмировано положение иностранцев в РК по группам.

Таблица 4.

Положение иностранцев в РК

		Иностранцы корейского происхождения			Иностранцы	
		Постоянное проживание	Постоянное проживание	Запрет на постоянное проживание	Запрет на постоянное проживание	Минимализация постоянного проживания
		Выходы из КНДР	Иностранцы-жены	Неквалифицированные рабочие корейского происхождения	Неквалифицированные рабочие	Беженцы
Право на ПМЖ		Получение гражданства	Вид на жительство, право получения гражданства	Трудность получения гражданства, запрет приглашать семью	Невозможность получения гражданства, запрет приглашать семью	Трудность признания беженцем, в случае признания вид на жительство
Право на труд		Без ограничений	Без ограничений	Ограничение физическим трудом	Ограничение в выборе места работы	Без ограничений
Социальные привилегии	Гарантии минимального уровня жизни	Да	Да в случае воспитания ребенка, гражданина РК	Нет	Нет	
	Медицинское пособие	Да	Да	Нет	Да	
Права голоса		Да	В случае получения вида на жительство право голосовать на региональных выборах	Нет	Нет	В случае получения вида на жительство право голосовать на региональных выборах
Особые меры		Да	Да	Нет	Нет	В процессе подготовки

Источник: Ли Бён Рёль, Ким Хи Чжа. Хангук ичжэу чэсончхеге сонггёкква чонман. [Характер и перспективы миграционной политики Республики Корея] // Кёнчжэва сахве. 2011 ёрымхо (тхонквон чжэс 90 хо). С. 349.

Следует заметить, что Ли Бён Рёль и Ким Хи Чжа в своей статье не берут во внимание высококвалифицированных иностранных работников и зарубежных корейцев, не занимающихся физическим трудом в связи с тем, что их положение несколько более привилегированно по сравнению с неквалифицированными рабочими. Однако не стоит полагать, что все из перечисленных групп могут быть причислены к так называемым «золотым воротничкам», и даже если так, то согласно Дж. Кэйси¹⁶, их бесконтрольное передвижение в мире на данный момент невозможно. Таким образом, к приведенному выше списку иностранцев, работающих в РК, следует добавить квалифицированных работников и квалифицированных работников корейского происхождения.

6. Квалифицированные иностранные работники (по данным на 2010 г. 42 781 чел.)

Е-1 — профессор — 2 266 чел.

Е-2 — преподаватель иностранного языка — 23 317 чел.

Е-3 — исследователь — 2 324 чел.

Е-6 — деятель искусства — 4 162 чел.

Е-7 — особая деятельность (основная виза для квалифицированных иностранных работников) — 10 712 чел.

В последнее время в связи с дефицитом кадров в приоритетных отраслях экономики РК уделяет особое внимание привлечению высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Можно отметить, что этот процесс находится на начальном этапе и количество иностранных специалистов, работающих в РК, невелико. Одной из главных причин сдерживания притока иностранных специалистов называется проблема адаптации этих работников к корейской культуре, системе трудового менеджмента, бытовые проблемы, связанные с проживанием, арендой квартиры, платежами, обучением детей в школах и др. По данным на конец 2007 г., в экономике Республики Корея были заняты 476 тыс. иностранных граждан, и всего лишь 6% из них составляли квалифицированные специалисты. Если исключить из общего списка преподавателей иностранных языков, то квалифицированные кадры составят всего лишь около 2,5% работающих в Республике Корея иностранцев¹⁷.

Крупные южнокорейские компании, такие как «Самсунг» или «Эл-Джи», могут себе позволить нанимать лучших южнокорейских ученых, а также открывать исследовательские центры для подготовки специалистов в других странах, например, в России. «Самсунг» ежегодно нанимает от 50 до 100 иностранных специалистов¹⁸. В то же время малые и средние южнокорейские предприятия испытывают острый дефицит кадров, поскольку последние предпочитают трудоустраиваться в крупные компании. В целом, правительство РК способствует трудовой миграции высококвалифицированных специалистов, выдавая малым и средним предприятиям гранты на приглашение иностранных ученых и инженеров в размере 10 млн вон за одного специалиста, которые распределяются через Корпорацию малого бизнеса, но этого недостаточно²⁸.

В целях увеличения притока иностранных специалистов, Правительство Республики Корея рассматривает возможность в исключительных случаях предоставлять иностранцам двойное гражданство. В данный момент института двойного гражданства в Корею не существует: становясь корейским гражданином, иностранец обязан отказаться от прежнего гражданства. Однако по новым правилам иностранцы, которые проявили выдающиеся способности в науках, экономике, искусстве и других областях, смогут рассчитывать на двойное гражданство. Более того, они будут освобождены от выполнения различных требований, предъявляемых при получении южнокорейского гражданства, включая пятилетний срок проживания в стране и сдачу экзамена¹⁹. С момента вступления в силу 1 января 2011 г. поправки к Закону о гражданстве и по сегодняшний день двойное гражданство получили 14 чел.²⁰

7. Квалифицированные работники корейского происхождения (по данным на 2010 г. 84 912 чел.) — виза F-4

Визу F-4 зарубежные корейцы могут получить после 6 месяцев проживания в стране по визам квалифицированных работников, журналистов, деятелей искусства и инвесторов, а также в случае наличия высшего образования, государственной стипендии или гражданства развитых стран. Держатели данной визы имеют более расширенные права по сравнению с другими иностранными гражданами, включая возможность проведения операций с недвижимостью, финансовых операций, привилегий в медицинском страховании, а также имеют права на все виды деятельности за исключением выполнения физического труда²¹. Таким образом, в отличие от рабочей визы виза F-4 позволяет находиться в стране независимо от трудоустройства.

Среди особенностей иммиграции в РК можно выделить побудительный характер иммиграции, рост гетерогенности общества, проблему мультикультурности общества. Побудительный характер миграции основан на факте нехватки рабочей силы в РК и ее привлекательности для рабочих из менее развитых стран региона. Как бы то ни было, многие южнокорейские исследователи прогнозируют и дальнейшую необходимость в импорте рабочей силы в связи с демографическим дисбалансом. При анализе демогра-

фической ситуации в РК, а конкретно, стремительного старения населения, снижения рождаемости, гендерного дисбаланса становится ясно, что при таком же развитии экономики РК будет вынуждена и далее импортировать рабочую силу из стран Юго-Восточной Азии. В РК, в соответствии с ежегодным отчетом Фонда ООН в области народонаселения «Мировое население-2009», суммарный коэффициент рождаемости в стране составляет 1,22. Таким образом, Республика Корея занимает предпоследнее место по данному показателю среди 185 учтенных стран мира. Рост средней продолжительности жизни на фоне низкой рождаемости ускорит процесс старения общества, что вызовет рост потребностей в дополнительных медицинских и социальных услугах. К 2050 г. доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше приблизится к 40%, а средний возраст корейца увеличится с нынешнего 37,3 года до 56,7 года, то есть, почти на 20 лет. Между тем, численность молодых людей, способных ухаживать за престарелыми будет сокращаться в результате низкой рождаемости. Очевидно, что сокращение внутреннего рынка, уровня потребления и нехватка рабочей силы приведут к снижению темпов экономического роста до 2,9% в 2020 г. Если в 2005 г. на каждого пенсионера приходилось в среднем по 7,9 работающих, то в 2050 г. этот показатель может сократиться до 1,4²².

Остальные особенности связаны с ростом числа иностранцев в стране и расширением географии их происхождения, что приводит к гетерогенности общества и проблемам мультикультурализма. ввиду того, что Республика Корея до начала импорта рабочей силы в целом отличалась гомогенностью. В связи с этим правительство Республики Корея и на национальном, и на региональном уровнях принимает меры по поддержке иностранцев и мультикультурных семей, а также меры по знакомству южнокорейской аудитории с культурами других стран.

Одной из наиболее крупных и успешных подобных организаций является Сеульский глобальный центр²³, открытый в 2008 г. при мэрии г. Сеула, целью которого является не только предоставление юридических, семейных, культурных консультаций, но и просвещение населения о культурах иностранных резидентов²⁴. В подразделения Центра входят 7 центров Seoul Global Village Centers и один Business Center. Центр работает по системе «одного окна», представляя комплексную поддержку иностранцам, включая юридические и бизнес-консультации и преподавание английского, корейского, других языков (в качестве изучения родного языка матери). Есть также бизнес-курсы, по окончании которых иностранцы могут открыть свое дело в РК. Подобные организации по поддержке иностранцев существуют и в других районах РК, например, Центры по поддержке мультикультурных семей по всей стране, но уникальность Seoul Global Center заключается в том, что он обслуживает иностранцев со всеми видами виз, включая нелегальных мигрантов. По словам представителей Seoul Global Center, среди русскоязычных иностранцев большинство — выходцы из Узбекистана и Кыргызстана, как этнические корейцы, так и нет. Им предоставляются юридические, бизнес-консультации, консультации по семейным, трудовым, налоговым, финансовым вопросам. Основные проблемы, с которыми обращаются иностранцы в Центр: бытовые проблемы (вопросы по уплате налогов, коммунальных платежей и др.), культурный и языковой барьер (вопросы по посещению курсов, посвященных корейской культуре, корейского языка), трудоустройство (вопросы минимальной заработной платы, невыплаты зарплаты, условий смены рабочего места, увольнения и др.), семейные проблемы (в основном по семейным проблемам обращаются иностранная жена (муж) по вопросам развода, раздела имущества и воспитания детей).

В настоящий момент можно согласиться с ведущими учеными, что ситуация с миграцией в РК соответствует общемировым тенденциям: глобализации миграции, акселерации миграции, дифференциация миграции, феминизация, политизация и увеличение миграционных транзитов²⁵. На протяжении последней декады РК испытывала нарастающие все эти тенденции и продолжала развивать иммиграционную политику по отношению к ним.

При рассмотрении особенностей положения иностранцев в РК можно сделать следующие выводы:

1. Рабочая иммиграция неквалифицированных кадров в РК является необходимым фактором экономического развития страны, но не ведет к большому проценту поселения иностранцев в стране. 5-летнее ограничение пребывания, запрет смены места работы и проч. свидетельствуют о ведении иммиграционной политики ограничительного типа. То же можно сказать о трудностях признания беженцев. Такая политика, возможно, оправдана гомогенностью южнокорейского общества и боязнью переполнить рынок труда неквалифицированной рабочей силой, что может стать причиной роста преступности среди иностранных рабочих, увеличения количества нелегальных мигрантов и безработных граждан и др. В частности, в настоящее время более 10% иностранцев, работающих в сельском хозяйстве, находятся в стране нелегально. Между тем, среди работников других отраслей экономики, доля нелегалов оставляет 5,2% (в РК количество нелегальных иностранных рабочих в 2008 г. было равно 220 тыс. чел.)²⁶. Наибольшее число нелегальных иммигрантов приезжает из Китая и стран Юго-Восточной Азии²⁷. На наш взгляд, осторожная политика РК по отношению к либерализации национального рынка труда оправдывает себя также в связи с обострившимися на мировой арене проблемами с иностранными мигрантами в развитых европейских странах, большинство из которых представляют собой безработных в нескольких поколениях, получающих дотации из государственного бюджета.

2. В связи с кризисными явлениями в мировой экономике и их отголосками в экономике РК, Правительство РК продолжает свою осторожную политику в области экспорта неквалифицированной рабочей силы, используя методы сокращения квотирования количества работников.

3. В РК существует особая иерархия среди иностранных мигрантов. Иерархия иностранных резидентов заключается не только в уровне образования и квалификации, как это происходит в других странах, но внутри каждой из традиционных групп (квалифицированная рабочая сила, неквалифицированная рабочая сила, беженцы) происходит выделение группы этнических корейцев. Так, например, из общего числа квалифицированных работников можно выделить держателей виз F-4, из числа неквалифицированных работников — держателей виз H-2, а выходцев из КНДР даже не причисляют к числу беженцев. Подобное выделение зарубежных соотечественников и их более привилегированное положение говорит о наличии развитой диаспоральной политики в стране. Взаимодействие с зарубежной диаспорой является отдельной задачей южнокорейского правительства.

4. Иммиграционная политика РК уделяет особое внимание помощи в адаптации иностранных граждан. Эту деятельность ведут Сеульский глобальный центр, региональные организации по поддержке мультикультурных семей, центры изучения корейского языка для иностранных жен при университетах и проч. Такое особое внимание, в первую очередь, имеет цель распространить корейскую культуру среди иностранцев, однако просвещает и местное население, что воспитывает толерантность и предотвращает конфликты.

5. В целях увеличения притока иностранных высококвалифицированных специалистов для РК было бы желательно и дальше развивать деятельность в этом направлении. Необходимо увеличить количество информационных ресурсов, посвященных жизни иностранца в РК на английском языке, количество школ, в которых могли бы обучаться дети иностранных работников и др.

Таким образом, можно отметить, что миграционная политика РК отвечает вызовам глобального мира, не закрывается от мировых миграционных процессов и получает от этого дивиденды в виде обеспечения притока молодых иностранных человеческих ресурсов в страну, но и проводит политику тщательного контроля за потоками с целью

уменьшения количества нелегальных мигрантов, сбалансированного спроса и предложения на рынке труда РК.

1. Статистический справочник «Миграция и денежные переводы» 2011 г. Всемирного Банка. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1110315015165/Factbook2011Russian.pdf> 13.10.2011.
2. <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>.
3. *Kim A. E.* Global migration and South Korea: Foreign workers, foreign brides and the making of a multicultural society // *Ethnic and Racial Studies*. 2009. Vol. 32 No. 1. P. 74.
4. The first basic plan for immigration policy 2008–2012. По данным Korea Immigration Service. URL: http://immigration.go.kr/HP/COM/bbs_03/ListShowData.do.
5. Ежегодный статистический отчет отдела миграции и миграционной политики. 2010. P. 14. [Чхурингук вгугин чончхэк тхонгэ ёнбо]. URL: http://immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/ListShowData.do?strNbodCd=noti0096&strWrtNo=121&strAnsNo=A&strOrgGbnCd=104000&strRtnURL=IMM_6050&strAllOrgYn=N&strThisPage=1&strFilePath=imm.
6. *Ли Бён Рёль, Ким Хи Чжа.* Хангук нчжу чжончхеге сонггёкква чонман [Характер и перспективы миграционной политики Республики Корея]. // *Кёнчжэва сахве*. 2011 ёрымхо (тхонквон чжэ 90 хо). С. 333.
7. *Castle S., Miller M.* The Age of Migration: International Population movements in the Modern World. 4thed.. New York: London. 2009. P. 10–12.
8. *Lee Sang Man.* Resettlement training for North Korean refugees // *Korea Focus*. Seoul. 2001. Vol. 9 № 1. P. 75–87. URL: <http://vestnik.tripod.com/library/26046578.pdf>.
9. Там же.
10. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=22918.
11. Брошюра Фонда зарубежных корейцев. URL: [http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318546&query=\(25.10.2010\)](http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318546&query=(25.10.2010)).
12. Сайт иммиграционной службы Республики Корея. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt (26.10.2011).
13. *Kim A.E.* Op. cit. P. 77.
14. По данным Министерства труда РК. URL: <http://www.molab.go.kr/english/Information/Publication>.
15. По данным Министерства труда РК. URL: http://www.moel.go.kr/local/yeongju/view.jsp?cate=2&sec=1&mode=view&bbs_cd=201&seq=1280376930969.
16. *Casey J.P.* Open borders: Absurd Chimera or inevitable future policy? // *International migration*, 2010, Vol. 48 (5). P. 14.
17. 02.05.08. kbs world radio.
18. Nikkei. March 11, 2009.
19. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=19906.
20. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=27347&id=Dm&page=1.
21. Сайт иммиграционной службы Республики Корея. URL: http://www.hikorea.go.kr/pt/InfoDetailR_en.pt (02.11.2011).
22. www.koilaf.org.kr.
23. Авторы выражают благодарность представителям Seoul Global Center за интервью, посвященное работе центра и основным проблемам, с которыми сталкиваются иностранцы в РК.
24. Сайт Сеульского глобального центра. URL: <http://global.seoul.go.kr/> (01.11.2011).
25. *Castle S., Miller M.* Op. cit. P. 10–12.
26. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=19094.
27. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=18892.

Теория и методология

К вопросу о «модели» социально — экономического развития КНР

© 2012

Э. Пивоварова

В статье показаны сущность «модели» социально-экономического развития КНР, официально названной «социализмом с китайской спецификой», ее отличия как от классического, так и от «нэповского» социализма, присущая ей практика реализации идеи «социального контроля над производством» на низовом и общегосударственном уровнях.

Ключевые слова: НЭП, социализм с китайской спецификой, решение проблем занятости, Вэнь Цзябао, XVI съезд КПК, конвергенция.

Успехи социально-экономического развития КНР в ходе рыночных преобразований очевидны. При этом многие ученые затрудняются определить характер сложившегося здесь общественного строя. Автор сопоставляет китайские реформы с ленинским НЭПОМ, обосновывает постулаты «социализма с китайской спецификой».

Официально в документах КПК этот общественный строй назван «социализмом с китайской спецификой». Однако среди исследователей нередко встречаются определения его как «капитализма с китайской спецификой», «нэповского социализма» и т.п.

В связи с довольно часто звучавшими в нашей стране, особенно по случаю 90-летия НЭПа в 2011 г., высказываниями по поводу того, что «социализм с китайской спецификой» является чем-то вроде «новой экономической политики» в России, коротко остановлюсь на этом вопросе.

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества.

В вытеснении несоциалистических форм хозяйствования, преобразовании их на основе повышения производительности труда и его организации на коллективных началах виделась В.И. Ленину экономическая стратегия государства в переходный период к социализму.

Школа НЭПа состояла в том, чтобы научиться вытеснять несоциалистические хозяйства не волевыми актами, а экономическими методами, а научившись, сделать хозяйственный расчет постоянным принципом социалистического хозяйствования. Что касается длительности этого наступления, то В.И. Ленин подчеркивал, что "существование экономической борьбы" неизбежно до тех пор, пока не закончена, хотя бы в основе электрифици-

кация промышленности и земледелия, пока не подрезаны этим все корни мелкого хозяйства и господства рынка"¹.

Интересны в этой связи те замечания В.И. Ленина, которые были сделаны им в заключительном слове по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г. по поводу намеченных (но часто неверно приписываемых ему) выводов о том, что НЭП — это "всерьез и надолго". Соглашаясь с тем, что в этом выводе. Осинский "совершенно прав", В.И. Ленин в то же время замечает: "Но когда тов. Осинский пошел дальше и насчет срока стал говорить, то тут бы я воздержался. "Всерьез и надолго" — 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять каков, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5–10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать"².

В.И. Ленин мало говорил о возможных сроках НЭПа, но в тех случаях, когда хоть как-то это затрагивал, то склонялся (что, видимо, свойственно мыслигелям революционной эпохи) к очевидной сжатости этих сроков. Так, понятие "целая историческая эпоха", (которая, по мнению В.И. Ленина, высказанному им в январе 1923 г. в работе "О кооперации", понадобится, "чтобы достигнуть через НЭП участия в кооперации поголовно всего населения") измерялась им в «одно—два десятилетия»³.

Относительно судьбы НЭПа В.И. Ленин высказался достаточно ясно: он нужен лишь до тех пор, пока социалистическиеклады наберут силу, и "Россия нэповская" превратится в "Россию социалистическую". В отличие от этого, «социализм с китайской спецификой» предполагает создание модели экономической системы по принципу "существования различных по формам собственности типов хозяйств при ведущем положении общественной собственности". Причем плюрализм форм собственности признается не только как неизбежная черта начального этапа социализма (продолжительность которого измеряется примерно столетием), но и как, по всей видимости, данность общества вообще, необходимая для удовлетворения многообразных потребностей человека. Т.е. не только общественные, но и традиционно как несоциалистические типы хозяйств вписываются в модель "социализма с китайской спецификой".

Говоря о заметном сокращении позиций общественной собственности в статистических показателях и в то же время подчеркивая необходимость сохранения за ними ведущего места в народном хозяйстве, экономисты КНР обращают внимание на то, что общественная собственность включает не только государственный и коллективный секторы, но и государственные и коллективные компоненты в хозяйствах смешанных форм собственности. А поскольку доли этих компонентов, например, в акционерных предприятиях, довольно велики (75–80%), ведущие позиции общественной собственности в экономике КНР выглядят внушительнее, чем в статистике сокращенного удельного веса госсектора в общих показателях производства.

Как показывает анализ на основе первоисточников, Китай с первых лет своих реформ, внимательно изучив свой и зарубежный опыт, пошел по пути использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик. Уже к середине 1980-х гг. «целевая модель хозяйственной реформы» КНР была определена учеными и руководителями страны как «органическое сочетание плана и рынка», в котором существенная роль отводилась государственному макрорегулированию и макроконтролю, что и обусловило на протяжении последующих лет реформы формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики. В реформировании экономической системы КНР преобразование отношений собственности стало по сути центральной проблемой. На главное место выдвинулась реформа госсобственности, причем одним из наиболее дискутируемых, но в то же время реальных направлений ее реформы стало акционирование.

В качестве субъектов акционерной деятельности были названы государство, юридические лица, физические лица, иностранные вкладчики. При этом важнейшим принципом, который закладывался в принимаемые нормативные акты по акционированию, стала защита государственных и коллективных интересов перед индивидуальными. Указывалось на недопустимость порою возникавшей под предлогом реализации паев

практики фактического дележа государственного имущества, превращения его сначала в коллективное, затем в личное. Величина государственного пая варьировалась чуть ли не в каждом конкретном случае, но предполагалось, что вкупе с коллективными паями она неизменно будет обеспечивать приоритет общественной собственности.

Важным выводом по акционированию в КНР уже в 1980-х гг. стало: если мобилизовать свободные средства можно любыми, даже фиктивными формами акционерных компаний, то для действительного достижения эффективности госпредприятий требуется обеспеченное правовыми нормами преобразование госсобственности через превращение в пайщиков рабочих и служащих самих предприятий.

В разные периоды реформы от 80 до 90% акционерных предприятий КНР создавалось по типу закрытых (таких, где держателями акций являлись лишь работники предприятия). Это было признано лучшим путем повышения их заинтересованности в результатах деятельности своих предприятий и одновременно гарантией сохранности созданного предшествующим трудом имущества. Как правило, акции рабочим и служащим продавались по самой низкой или льготной цене, при учете качества работы. Практически на всех акционируемых предприятиях сохранялась система собраний представителей рабочих и служащих, их деятельности придавалось особое значение при охране социальных интересов трудящихся. Как правило, сохранялись и парткомы, руководители которых нередко становились заместителями председателей правления компании. Это способствовало урегулированию конфликтных ситуаций. В деле акционирования, как и в целом в китайской экономической реформе, предписывалось быстрое (по мере подготовки необходимых условий) продвижение вперед. Практически каждое принципиальное нововведение реформы проходило предварительно экспериментальную проверку: китайские реформаторы применяли принцип — «переходить реку, нащупывая камни». Такой подход позволил теоретикам и практикам КНР сформулировать стратегию: «обеспечивать всемерное развитие сектора смешанной формы собственности, постепенно превращая акционерную систему в главную форму реализации общественной собственности».

Фактически за годы реформ в КНР сформировалась «смешанная экономика», которую и называют «социализмом с китайской спецификой», ибо ни в классический, ни в «инповский социализм» эта экономика не вписывается: в ней присутствует в качестве необходимой составляющей идея «социального контроля над производством». Реализация этой идеи на низовом уровне наиболее наглядна, как отмечено выше, в деятельности преобразованных на акционерных началах госпредприятий. Характерно и то, что многие китайские ученые и практики пристальное внимание уделяют вопросам распределения — в частности, взаимосвязи доли оплаты по труду с прибылью предприятия, предлагая, в частности, держать под постоянным контролем долю первоначального распределения (т.е. распределения по труду) с мотивировкой, чтобы «не допускать роста эксплуатации трудящихся» за счет снижения доли зарплаты в угоду рентабельности предприятия.

Реализация идеи «социального контроля над производством» на общегосударственном уровне находит отражение в динамике расходов госбюджета — в частности, в приоритетном росте вложений в наиболее слабые звенья экономики, в трудоустройство, в социальное обеспечение самых обездоленных групп населения, в решение нарастающих социальных противоречий между городом и деревней, между регионами КНР и между разными слоями населения. На первоочередное решение этих проблем направлены постановления пленумов и съездов ЦПК все последнее десятилетие. Так, 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (2003 г.) прямо указал в своем постановлении на необходимость уделять пристальное внимание разрешению проблемы существенного роста разрыва между уровнем доходов различных социальных групп и, взяв в качестве стратегической цели достижение всеобщей зажиточности и увеличение доли населения со средними доходами, поднять их уровень у социально слабых слоев, регулируя сверхвысокие и устраняя незаконные доходы. Практическая реализация этих установок стала подтверждаться следующими показателями: дотации на обеспечение прожиточного минимума городского населения возросли с 2002 г. по 2003 г. вдвое: с 4,6 млрд юаней до 9,2 млрд юаней, бла-

годаря чему прожиточный минимум был обеспечен для 22,35 млн горожан. Более чем на 13% выросли дотации из центрального бюджета на выплату средств пенсионерам и сокращаемому персоналу госпредприятий, увеличились дотации центральным и западным регионам и районам центрального подчинения по освоению целины.

В целях стимулирования ускоренного развития социальной сферы центральные финансовые органы в 2003 г. отпустили на нужды образования, здравоохранения, науки и техники, культуры, физкультуры и спорта 85,5 млрд юаней (на 12,4% выше показателя предшествующего года, а госзаймовое инвестирование в пользу развития социальной сферы возросло почти втрое, составив 16,3 млрд юаней. В целом в госзаймовом инвестировании был сделан крен в сторону села, социального обеспечения, освоения западных регионов, поддержки северо-восточной и других старых промышленных баз — т.е. в те сферы, которые ранее были объявлены отстающими на пути общего прогресса⁴.

Показательно, что Вэнь Цзябао в докладе на второй сессии ВСНП 10-го созыва (2004 г.) отметил необходимость «оказывать больше внимания той части городского и сельского населения, которой живется особенно тяжело, на деле помогать крайне нуждающимся семьям в реальных затруднениях с лечением болезней, школьным обучением детей, жильем, зимним отоплением и т. д.», а также важность «повышения потребительских возможностей населения среднего и малого достатка» (что призвано способствовать продолжительному и относительно быстрому росту народного хозяйства, его доброкачественному кругообороту)⁵. Подчеркивая важность активизации работы по трудоустройству, он рекомендовал «с особой тщательностью проводить политику финансово-кредитной поддержки, частичного либо полного освобождения от налогов», указав тем самым на один из действенных способов самостоятельного создания рабочих мест.

В то время уже осуществлялся эксперимент по реформированию налогов и денежных сборов на селе. На поддержку этой реформы центральный бюджет выделил 30,5 млрд юаней, бюджеты провинций, городов и уездов, имеющих на то условия, также выделили на это средства. Сфера эксперимента расширилась с 20 провинций до масштаба всей страны, уменьшение средней нагрузки на крестьян превысило 30%. Уже на четвертой сессии ВСНП в 2006 г. сообщалось, что в результате успешного продвижения эксперимента с комплексной реформой на селе был отменен налог на скотоводство, количество единиц провинциального уровня, где полностью ликвидирован сельхозналог, увеличилось до 28; в скором времени сельхозналог был полностью отменен⁶.

Можно сказать, что и на исходе трех десятилетий рыночных реформ главной социальной проблемой для КНР остается трудоустройство — именно с этим в первую очередь связаны перспективы улучшения жизни китайского народа и постепенная ликвидация бедности. Именно поэтому в расходной части центрального бюджета на 2009 г. специально оговаривается выделение субсидий на трудоустройство в размере более 42 млрд юаней (почти на 67% больше предшествующего года), а также стимулирование правительственных инвестиций на крупные строительные объекты для обеспечения крестьян работой в городах⁷. Одновременно правительства различных уровней прилагают много усилий для профессиональной переподготовки лиц, потерявших работу, и рабочих из крестьянской среды, поощряют предприятия к организации обучения без отрыва от производства и т.п.

Как свидетельствуют документы 5-ой сессии ВСНП одиннадцатого созыва, в 2011 г. работа в области трудоустройства велась наиболее активно: по многим каналам наращивалось число рабочих мест, всемерно стимулировалось трудоустройство за счет предпринимательства, усиливалась профессионально-квалификационная подготовка, возросла динамика бюджетной, налоговой и финансовой поддержки трудоустройства выпускников вузов, рабочих из числа крестьян и прочих слабо защищенных групп населения.

При отлаживании отношений распределения доходов акцент ставился на повышении доходов низкооплачиваемого населения. Реальный рост среднедушевых чистых доходов крестьян стал самым высоким с 1985 г. (как подчеркивалось на сессии, он уже два года подряд превышал темпы роста доходов у горожан). Повсюду в весьма значи-

тельной мере была повышена ставка минимальной зарплаты, седьмой год продолжала повышаться основная часть пенсии у пенсионеров предприятий, продолжали расти пособия, гарантирующие прожиточный минимум в городе и на селе, единовременные денежные пособия были выданы 86 с лишним миллионам нуждающихся по всей стране, возросла доля населения со средними доходами; минимум годовичного дохода, не облагаемый личным подоходным налогом, поднялся с 2 000 до 3 500 юаней⁸.

В 2011 г. на нужды тех сфер, что напрямую связаны с жизнью народа, включая образование, здравоохранение, социальное обеспечение, трудоустройство, жилищное обеспечение, культуру, из госбюджета было выделено в общей сложности 3 810,8 млрд юаней (прирост составил 30,3%)⁹.

В 2012 г. здесь вновь поставлена задача на основе единого и всестороннего планирования сосредоточить финансовые средства на улучшении жизни народа. Практически на всех официальных форумах страны после XVI съезда КПК (2002 г.) и до настоящего времени обсуждаются вопросы нарастающих социальных противоречий между городом и деревней, различными регионами страны и слоями населения, все больший акцент ставится на необходимость в любой деятельности следовать принципу «человек превыше всего». Т.е., путь к экономическому прогрессу в ходе рыночных преобразований сопровождается в КНР «социальным контролем над производством», с обязательным учетом интересов трудового народа.

Еще в дореформенный период в КНР внимательно изучался опыт организации социальной защиты трудящихся, в том числе в развитых государствах (с особым интересом к Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии). При этом признавалось, что в упомянутых странах жизнь народа оказалась защищена намного лучше, чем за 30 лет дореформенного социалистического строительства в КНР. В конечном счете на новом этапе развития руководство страны избрало собственные способы решения социальных проблем, отвечающие особенностям Китая.

Как показывает осуществленный автором анализ (автор провела исследование современной «модели» социально-экономической системы КНР по трем монографиям: Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути. М.: Наука. 1992; Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска». М.: Изд. фирма «Химия и бизнес», 1999; Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011) уже к началу XXI в. в КНР сложилась конвергентная по своему наполнению «смешанная экономика» с разнообразными по уровню развития производительными силами, где сосуществуют различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ. Благодаря принятию принципа «трех представительств», расширившего «социальную опору» руководства страны, политическая надстройка приведена в определенное соответствие с «многоцветным» базисом.

В первое десятилетие XXI в. и все последние годы усилия страны направлены на улучшение качественных параметров сложившейся «модели» и выправление тех социально-экономических перекосов, которые могли бы подорвать социальную стабильность в китайском обществе.

1. *Летин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 343.
2. Там же. Т. 43. С. 329–330.
3. Там же. Т. 45. С. 372.
4. Жэньминь жибао. 2004. 19 марта.
5. Там же.
6. Там же. 2006. 7 марта.
7. Там же. 2009. 16 марта.
8. Там же.
9. Там же.

Национальная мощь по-китайски

© 2012

В. Самарцев

Современные компьютерные стратегии вполне достоверно воспроизводят условия сосуществования различных цивилизаций. Чрезмерное увлечение одним направлением развития в ущерб другим или случившийся конфликт с альянсом соседних стран ведет к пустой трате ресурсов, росту конфронтации и скорому краху. Напротив, достижение баланса при выборе политик позволяет расширить зоны влияния и претендовать на статус супердержавы.

Ключевые слова: Китай, качественный и количественный анализ, экономическая мощь, военный потенциал, публичная дипломатия.

Понятие национальной мощи. Процессы глобализации способствуют не только интеграции государств в мировую экономику, но и усилению международной конкуренции. Несмотря на все более тесные связи и рост взаимозависимости, страны, как и прежде, вступают в конфликты, обусловленные их неравномерным развитием. Акторы, более успешные в повышении доходов населения, предоставлении благоприятных условий бизнесу, проведении насущных реформ, переживают расцвет. Тот, кто неспособен сохранить темп технологической модернизации в ведущих отраслях, теряет былое могущество, и ему на смену приходит новый лидер (см. таблицу 1)¹.

Таблица 1

Гегемоны в истории мировой экономики

Государство	Дата	Источники преуспевания
Генуя	1190, 1250	ярмарки в Шампани, черноморская торговля
Венеция	1300, 1360	галерный флот, торговля перцем
Португалия	1430, 1492	золото Гвинен, индийские пряности
Голландская республика	1540, 1580	торговля в Балтийском море, Атлантике, Азии
Британия I	1640, 1688	американо-азиатские плантации, торговля
Британия II	1740, 1792	текстиль, железо, паровой двигатель, железные дороги
США I	1850, 1914	электричество, сталь, химия, автопром, авиация
США II	1972 —	электроника, информационные технологии

Такие изменения редко проходят безболезненно. Стремясь предотвратить или, по крайней мере, смягчить кризисные проявления, правительства реализуют долгосрочные программы развития. Центральное место в них занимает изучение «комплексной мощи государств» (КМГ). Суть понятия в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяются совокупностью экономиче-

ского, военного и научно-технического потенциала, а также взвешенным внешнеполитическим курсом. Другими словами, КМГ показывает способность страны развиваться, сопротивляться трудностям, внешнему давлению, дезинтеграционным процессам, отстаивать свою систему ценностей и т.п.

Краткая ретроспектива методов измерения КМГ. Необходимость всесторонней оценки национального могущества была известна еще в древности, но практические исследования в этой области начались в середине XX в. Долгие годы главным пособием по выстраиванию стратегии являлся труд «Политики наций» Ганса Моргентау, впервые опубликованный в 1948 г. и выдержавший более двадцати переизданий. К важным элементам силы страны автор относил ее географическое положение, природные ресурсы (особенно сырье и продовольствие), промышленную базу, армию (в том числе технологии и лидерский дух), демографические тенденции, характер и моральные ценности народа, эффективность дипломатии и правительства. Столь систематизированный подход затруднял количественный анализ. Некоторые ученые — из соображений удобства или доступности данных — предпочитали фокусироваться на каком-то одном показателе, который служил для них ключевым признаком КМГ. Инис Клод и Карл Дойч выделяли значимость военных возможностей в целом, Джордж Модельски и Вильям Томпсон — непосредственно военно-морского флота, Кингсли Дэвис — национального дохода, Чарльз Хитч и Роланд Маккин — валового продукта, Брюс Рассетт — общего потребления топлива и электроэнергии².

Математическая обоснованность подобных взглядов вызывала сомнения, поэтому большинство теорий строились с учетом нескольких величин. Эволюция научных идей показывает, какие изменения в мире произошли за это время.

Современник Второй мировой войны Клаус Кнорр (1956) считал, что перспективы государства зависят от его экономического потенциала, административной конкурентоспособности и возможностей военной мобилизации. В модели Клиффорда Германа (1960) важнейшую роль играло обладание ядерным арсеналом, что характерно для периода «холодной войны» и гонки вооружений. В эру индустриализации, по мнению Вильгельма Фукса (1965), основой развития являлся прирост населения и производство энергии и стали. Позже широкое признание получил сводный индекс, разработанный в рамках проекта «Корреляция войн» Давида Сингера (1972). В нем различались категории краткосрочного (армия), среднесрочного (промышленность) и долгосрочного (демография) проецирования силы. Возрастающее «мягкое»³ давление одних стран на другие отразилось в расчетном уравнении Рея Клайна (1975), состоявшего из двух частей. Объективную мощь, выраженную физическими показателями, дополняли субъективные, а потому труднорасчетливые факторы: коэффициент национальной стратегии, степень единства нации, соответствие принятой стратегии государственным интересам. Главным упущением прежних индексов, согласно Абрамо Органски и Джейснгу Кутлеру (1980), была недооценка эффективности работы правительства. В их формулу, помимо измерения ВВП, введены переменные налоговых поступлений и международной помощи. В постиндустриальную эпоху традиционные подходы утрачивают актуальность, поскольку игнорируют относительность используемых индикаторов и не отражают реальные разрывы между державами. В концепции Эшли Теллиса и группы исследователей из центра RAND (2000) на первый план выходит информатизация, автоматизация и инновационность общества⁴.

Таблица 2 способствует визуализации практических разработок в области КМГ⁵.

Китайский взгляд на проблему. В Китае считают, что нынешняя тенденция к многополярности удивительным образом напоминает «эпоху сражающихся царств» 2 500 лет назад. Тогда в Поднебесной соперничали шесть крупных княжеств, при этом сдерживая натиск могущественного государства Цинь. Создав коалицию, княжествам

удавалось несколько десятилетий сохранять свою независимость. Щедрыми посулами и интригами Цинь разрушил военный союз против себя, посеял вражду между его участниками и осуществил планомерный захват их территорий. Бросается в глаза аналогия с борьбой за сферы влияния региональных лидеров — Китая, России, Германии, Японии и возможно Англии с Францией — и мирового гегемона США.

Таблица 2

Оценка национальной мощи

Источник	Расчетное уравнение	Элементы формулы
К. Герман	$G = N \times (L + P + I + M)$	G — КМГ, N — наличие ядерного оружия (2 — если оно есть, 1 — в случае отсутствия), L — территория, P — население, I — промышленная база, M — размер армии
В. Фуке	$M = (p^2) \times z,$ $M = (p^{3/2}) \times z \cdot l$	M — КМГ, p — население, z — производство энергии, z l — выпуск стали
Д. Сингер	$P = (t_{pop} + u_{pop} + s_p + f_c + m_b + s_{af}) / 6$	P — КМГ, t _{pop} — общее население, u _{pop} — городское население, s _p — выпуск стали, f _c — выпуск топлива/угля, m _b — военный бюджет, s _{af} — численность армии
Р. Клайн	$P = (C + E + M) \times (S + W)$	C — критическая масса (территория + население), E — уровень экономического развития, M — милитаризация, S — стратегическая цель, W — национальная воля
А. Ф. К. Органски, Дж. Куглер	$P = (GNP \times \text{Tax effort}) + \text{foreign aid of recipient}$	GNP — валовой национальный продукт, Tax effort — налоговая нагрузка, foreign aid of recipient — международная помощь
Хуан Шуофен	$P = H \times S \times K$	H — жесткие (физические) факторы, S — мягкие (нематериальные) факторы, K — способность лидеров направлять и объединять этнос
Ху Аньган	$P_t = \sum (a_i \times R_i(t))$	a _i — средневзвешенная определенность ресурса, R _i — процентная доля определенного ресурса от общемирового показателя, t — переменная времени

Ключевыми аспектами безопасности того времени было верное ранжирование соседей согласно их силы и слабости и умение просчитать будущее. Известно, что титул первого министра звучал как «универсальный счетовод», философ-легист Фэй-цзы требовал строить планы на основе анализа «издержки-выгоды», а стратег Мо-цзы убеждал вражеского генерала сдаться, демонстрируя на макете, каким будет исход предстоящей битвы. Попытки установить вероятность события были не просто интуицией или догадкой предсказателя. Придворный советник Шан Ян говорил, что пренебрежение количественным подсчетом приводит даже благополучные земли к запустению: «Прежние правители полагались не на веру, а на цифры»⁶.

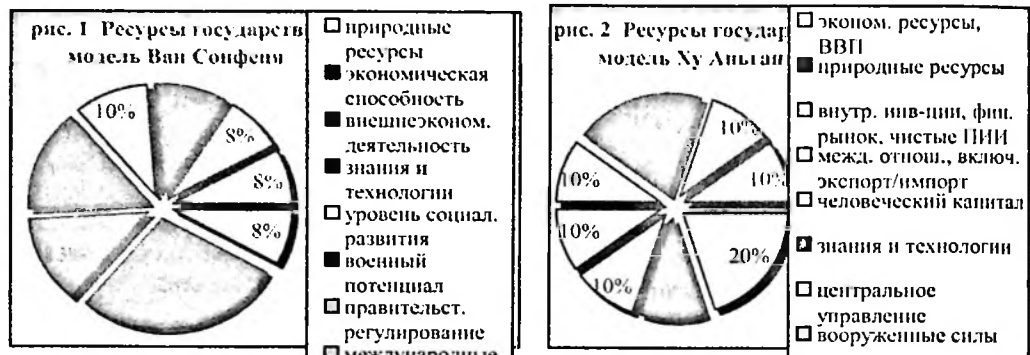
Китайская концепция КМГ (Zonghe Guoli) уходит корнями в древнюю военную философию. Автор трактата «Искусство войны» Сунь-цзы выделял «пять явлений» и «семь стратегем», которые управляют результатом противоборства⁷. Взвесив особенности географического расположения и состояние дел в политике, армии, экономике, административном правлении, он мог заранее предвидеть победу или поражение. В другом

трактате о воинском искусстве — «У-цзы» — описаны «восемь правил, когда можно вступать в бой без всяких гаданий» и «шесть условий», при которых, если противник сильнее, следует уклониться от открытого столкновения⁸. В их число входили факторы территории, населения, внутренней власти, юридической системы, домашних слуг, количества и качества войск, а также международной помощи. Подчеркивалось, как дорого обходится любая, даже самая блестящая победа, одержанная с оружием в руках на поле боя: «Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране — в домах пусто; имущество народа уменьшается... Погибшее государство снова не возродится, мертвые снова не живут»⁹. Как следствие, философы учили выбирать косвенное влияние, а не диктат, долгосрочные процессы, а не импульсивные решения, точно дозированное воздействие на ключевые точки, нежели прямолинейный натиск. Идеал победы — с помощью дипломатии, шпионажа, торговли, охоты за иностранными талантами и т.п. добиться столь благоприятного соотношения сил, что на деле и не придется участвовать в битвах: «Самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска»¹⁰.

Адаптация теории КМГ к современным условиям ведется в КНР с 1980-х гг. и связана с именем Дэн Сяопина. В Поднебесной велика роль «духовного учителя», который формально может и не занимать руководящий пост, но своим авторитетом и харизмой влияет на принятие важнейших государственных решений. С 1940-х до середины 1970-х гг. такой фигурой был Мао Цзэдун, считавший новую мировую войну неизбежной. В стране проводились идеологические кампании; армия готовилась к ведению боевых действий; заводы и фабрики рассредоточивались, чтобы обеспечить функционирование промышленности при вторжении врага; на тихоокеанском побережье, уязвимом для морского десанта, не строились крупные предприятия. Его преемник Дэн Сяопин возражал: «Если... Китай достигнет относительно высокого уровня благосостояния..., пройдет через тридцать-сорок лет строительства и приблизится к уровню передовых государств, будет намного труднее развязать войну»¹¹. К отстаиванию национальных интересов он подходил рационально: «Ключевым является экономический рост. Сейчас некоторые соседи опережают нас. Если наше развитие пойдет слишком медленно, люди будут сравнивать, и у них появятся вопросы»¹². Начались масштабные перемены: приход к власти реформаторов-технократов, ревизия партийной линии, программа «четырёх модернизаций», политика открытости внешнему миру. В этих условиях численность армии уже не могла служить главным показателем силы страны. Требовался новый метод измерения национальной мощи, способный определить приоритетные направления реформ.

Изучив зарубежный опыт, ведущие научные учреждения Китая предложили свои варианты количественной оценки КМГ. В Академии общественных наук работу вела команда аналитиков под началом Ван Сунфэня (1996), в Военной Академии — Хуан Шофэн (1996), в пекинском университете Цинхуа — Ху Аньган (2002). Расчет индекса, содержащего десятки переменных, авторы разбили на два этапа. Сначала шел сбор стандартной информации, доступной публично, и обрабатывались экспертные оценки по нематериальным факторам. Затем полученные результаты корректировались методом взвешивания. Одни неточности были вызваны переоценкой роли развитых, но небольших государств, например, Швейцарии или Сингапура, в мировом сообществе благодаря высоким подушевым показателям. Другие объяснялись динамическим характером КМГ. В мирное время общество нацелено на решение социально-экономических проблем; в случае войны главной задачей становится улучшение армейской боеготовности. Кроме того, ход истории меняет вес расчетных индикаторов. Если на предыдущих стадиях развития акцент делался на расширении территории, росте потребления энергии, стали или зерновых, то сейчас залог прогресса — информация, технологии, знания. Для своих вычислений группа Ван Сунфэня частично заимствовала оценочные способы Клайна и японских планировщиков, а вот Хуан Шофэн и Ху Аньган разработали собственные модели

(см. табл. 2). Отметим, что доля экономики — глобальная экономическая деятельность плюс природные ресурсы — в китайских формулах по КМГ приближена к 50% (см. рис. 1, 2)¹³.

Китайские ученые провели и качественный анализ национальной мощи. Большинство согласны с тем, что именно развитие экономики определяет военно-политические возможности государства («богатая страна, сильная армия»), но расходятся в том, является ли это конечной целью или средством для решения других задач.

Полковник Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Ли Циншань предсказуемо сделал упор на военный аспект¹⁴. Развивая идеи древних философов о комплексной оценке предвоенной ситуации, он предупреждает, что промышленная конверсия оппонента, рост международной обеспокоенности, трансформации в восприятии конфликта населением могут изменить КМГ сторон. Доказательством служит тот факт, что армии, превосходящие противника накануне войны численно и технологически, выходили победителями менее чем в половине случаев¹⁵.

Тун Фуцун и Лю Ичан из Института мировой экономики и политики связали рейтинг государства с его экономическим ростом¹⁶. Исключением они считают Японию, чье политическое и военное влияние на международной арене не соответствует ее объемам ВВП и внешней торговли, достижениям в сфере инноваций.

Специалисты Военной академии призывали при анализе КМГ не пренебрегать значением стратегин. Для Си Жунчана важно понимать, есть ли у правительства программа участия в международной конкуренции, как эффективно она реализуется и в какие условия поставлены отрасли, выходящие на внешний рынок¹⁷.

Соединить различные точки зрения попробовал У Чунцю: «В мирный период... экономика является основой; наука и технологии ведут за собой; образование — вектор развития; армия — поддерживающая сила; национальная политика — ключевой фактор, объединяющий и координирующий»¹⁸.

КНР глазами международных экспертов. Общепризнанным исследованием по глобальному балансу сил, одним из немногих, не вызывающих критики и в Китае, является ежегодный доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ). Респектабельность и объективность данного издания подчеркивают его более чем тридцатилетняя история и сотрудничество с крупнейшими национальными и международными организациями. В докладе сравнивается конкурентоспособность большинства стран мира по двенадцати основным критериям, без учета военного потенциала. В табл. 3 сведены данные для КНР, США, Японии и России¹⁹.

Таблица 3

Мировой рейтинг конкурентоспособности, 2011

Ключевые показатели	КНР		США		Япония		Россия		
	Место	Баллы	Место	Баллы	Место	Баллы	Место	Баллы	
Население, млн	1 354.1		317.6		127.0		140.4		
ВВП, \$ млрд	5 878.3		14 657.8		5 458.9		1 465.1		
ВВП на душу населения, \$	4 382		47 284		42 820		10 437		
ВВП по ППС, % к мировому итогу ²⁰	13.61		19.74		5.82		3.00		
Индексные индикаторы	Место	Баллы	Место	Баллы	Место	Баллы	Место	Баллы	
<i>Базовые категории</i>	30	5.3 ²¹	36	5.2	28	5.4	63	4.6	
1. качество институтов	48	4.3	39	4.6	24	5.2	128	3.1	
2. инфраструктура	44	4.6	16	5.7	15	5.7	48	4.5	
3. макроэкономическая стабильность	10	6.2	90	4.5	113	4.2	44	5.2	
4. здоровье и начальное образование	32	6.2	42	6.1	9	6.5	68	5.7	
<i>Категории эффективности</i>	26	4.7	3	5.5	11	5.2	55	4.2	
5. высшее образование и профессиональная подготовка	58	4.3	13	5.6	19	5.3	52	4.5	
6. рынок товаров и услуг	45	4.4	24	4.8	18	5.0	128	3.6	
7. рынок труда	36	4.7	4	5.6	12	5.0	65	4.4	
8. финансовый рынок	48	4.4	22	4.9	32	4.6	127	3.2	
9. технологический уровень	77	3.6	20	5.2	25	5.1	68	3.7	
10. размер внутреннего рынка	2	6.8	1	6.9	4	6.1	8	5.7	
<i>Категории развития</i>	31	4.1	6	5.5	3	5.7	97	3.2	
11. развитие бизнеса	37	4.4	10	5.4	1	5.9	114	3.3	
12. инновационность	29	3.9	5	5.6	4	5.6	71	3.1	
Сводный индекс	2009 (133 страны)	29	4.7	2	5.6	8	5.4	63	4.2
	2010 (139 стран)	27	4.8	4	5.4	6	5.4	63	4.2
	2011 (142 страны)	26	4.9	5	5.4	9	5.4	66	4.2

Анализируя состояние дел в Китае, эксперты ВЭФ отмечают следующее:

– Постепенно, шаг за шагом страна поднимается в глобальном рейтинге (↑1 место, итоговая позиция 26 — *здесь и далее*) в авангарде стран-членов БРИК. Внутри группы движение разнонаправленное: на фоне роста Южной Африки (↑4, 50) и Бразилии (↑5, 53), ухудшили свое положение Индия (↓5, 56) и Россия (↓3, 66). США с Японией да-

леко впереди, и добиться схожих относительных показателей Китаю с его обширной и густонаселенной территорией трудная задача.

– Экономика КНР прошла базовый этап развития (< \$ 2 000 ВВП на душу населения), на котором акторы соперничают, продавая, главным образом, сырье и товары первичной обработки по низкой цене, и вступила в среднюю стадию (\$ 3 000 — \$ 9 000). В стране растет оплата труда, и для сохранения конкурентоспособности на мировых рынках предприятиям необходимо повышать качество продукции и внедрять более эффективные производственные процессы. До периода инноваций (> \$ 17 000), когда заработная плата настолько велика, что поддержание ее уровня и высоких стандартов жизни зависит от создания сложных, уникальных товаров, пока далеко.

– Усилия Пекина по *стимулированию экономики* привели к образованию дефицита госбюджета (2,6% ВВП, 50) и способствовали росту инфляции (3,3%, 63), зато позволили справиться с последствиями мирового кризиса: сглажены циклические колебания; уровень сбережений традиционно высокий (54%, 2); объемы экспорта (29,7% ВВП) и импорта (27% ВВП) свидетельствуют об интеграции в мировую экономику.

– Серьезное внимание требуется *государственным механизмам*, включая борьбу с организованной преступностью (88); защиту интересов инвесторов (77); устранение практики коррупционного подкупа (63); совершенствование финансовой отчетности (61); повышение качества общей инфраструктуры (69), особенно воздушных (72) и морских (56) транспортных сооружений.

На *товарных рынках* велика интенсивность конкуренции (22), подстегиваемая политикой поощрения прямых иностранных инвестиций (22) и продуманным налогообложением (29); весьма эффективна господдержка аграрного сектора (9).

Рынок труда, несмотря на прогрессивную, с точки зрения принципа производительность — вознаграждение, систему заработной платы (13), характеризуют отсутствие гибкости (82) и излишнее кадровое регулирование (44).

Слабым местом остается *финансовый сектор*. Предприниматели могут рассчитывать на венчурный капитал (22), однако взять банковскую ссуду без поручителя (45) или изыскать средства на рынке ценных бумаг (46) достаточно трудно. Уровень юридической защиты должников и кредиторов невысок (60); фондовые биржи только начинают развиваться (53); предложение финансовых услуг низкое (60); существуют серьезные ограничения для международного движения капитала (123)²².

В *бизнесе* вопреки известному закону количество местных поставщиков (19) пока не перешло в качество их работы (59). К приоритетным задачам относятся усложнение производства (52); повышение доли добавленной стоимости, включая разработку дизайна, логистику, послепродажное обслуживание (45); налаживание контроля над международной дистрибуцией товаров (37).

– *Технологическое развитие* — еще один критерий, по которому КНР исторически недооценивают, хотя только в 2009 г. число обладателей мобильных телефонов в стране выросло на 100 млн, интернет пользователей — на 86 млн. По статистике каждый второй китаец имеет сотовую связь, каждый четвертый регулярно выходит во всемирную паутину. Проблема в том, что китайские компании предпочитают перенимать или имитировать чужие бренды, получая выгоды от организации трудоемких сборочных производств. Для сравнения, на миллион жителей материкового Китая регистрируются два изобретения (46), тогда как на Тайване (1) — 355 патентов. Переломить ситуацию должны правительственные меры, направленные на продвижение высокотехнологичных производств на уровне государства (16), рост затрат компаний на исследовательские разработки (23), укрепление партнерских связей между вузами и предприятиями (29), поддержку инженерных факультетов и научных центров (33).

Представление о КНР как державе, развивающей реальные сектора экономики, но остающейся слабой в других отношениях, отвечает намерению Пекина снизить накал

дискуссий о «китайской угрозе». Еще в начале 1990-х гг. Дэн Сяопин рекомендовал придерживаться стратегии «24 иероглифов» во внешней политике: спокойно наблюдать, обезопасить свое положение, вести себя тихо, *скрывать свои возможности и ждать подходящего момента*, не высовываться, никогда не требовать лидерства. Позднее к высказыванию была добавлена фраза «быть готовым кое-что совершить»²³. Хотя трактовка двух последних пунктов вызывает споры, в целом совет направлен на принижение международных амбиций в текущем периоде и постепенное, не привлекающее внимание, усиление государства в будущем. В таком поведении прослеживается четкая логика. Во-первых, в Китае опасаются, что сиюминутное лидерство вынудит страну пойти на жертвы (речь идет о демократических преобразованиях, пенсионном реформировании, поддержке санкций против авторитарных режимов и т.п.), которые снизят потенциал ее роста. Статус развивающегося государства, напротив, дает возможность прагматично отстаивать свои интересы, избегая излишних международных обязательств. Во-вторых, неподготовленная попытка бросить вызов США и их партнерам вызовет нервную реакцию со стороны «грандов» с введением торговых санкций и ограничением доступа на рынки капитала и технологий. В-третьих, как показывает пример бывшего СССР, открытая конфронтация грозит истощением ресурсов в ходе гонки вооружений и саморазрушением государства. На данном этапе сравнительное преимущество китайцев лежит в применении «мягкой силы» через торговлю и инвестиции, но так или иначе, для защиты национального суверенитета, поддержания внутренней стабильности, достижения дипломатических преимуществ, а в некоторых случаях и решения проблем спорных территорий, требуется военная сила.

Военный потенциал КНР. Непрозрачность НОАК и других организаций, обеспечивающих безопасность, не позволяет точно оценить расходы государства на оборону, вполне вероятно, что официальные цифры существенно занижены. В марте прошлого года Пекин объявил о повышении военного бюджета на 12,7% до \$ 91,5 млрд, однако, по мнению американских аналитиков, уже в 2010 г. реальные затраты на армию в КНР превышали \$ 160 млрд²⁴. Из независимых источников наибольшее доверие вызывает оценка Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), который использует материалы различных — в том числе китайских — средств информации. СИПРИ отмечает, что финансирование НОАК идет по многим каналам. К ним относятся фундаментальные оборонные исследования, осуществляемые научными институтами; субсидии предприятиям военно-промышленного комплекса (ВПК); ассигнования на импорт армейской техники; доходы от экспорта оружия; пособия демобилизованным военнослужащим и их семьям. С учетом необходимости модернизации китайской армии, основы которой формировались еще в 1950–1960-е гг., численности населения и площади страны, выделяемые средства можно признать соответствующими принципу оборонной достаточности (см. табл. 4)²⁵.

В самом Китае считают, что боеготовность НОАК пока не отвечает требованиям, предъявляемым нынешней эпохой. Тщательный анализ действий НАТО в Ираке (с 1991 г.), бывшей Югославии (1999 г.), Афганистане (2001 г.) показал, что в военном деле произошла революция, вызванная прорывом в сфере высоких технологий, распадом bipolarной структуры взаимоотношений после окончания «холодной войны», возросшим числом локальных конфликтов. В этих условиях назрело преобразование НОАК из многочисленной армии, нацеленной на затяжное противостояние до полного истощения живой силы врага, в компактные, многофункциональные подразделения, построенные по модульному принципу и способные реагировать оперативно. Выдвинутый Цзян Цзэминем план реформирования вооруженных сил КНР включал три этапа: создание базы для дальнейшей модернизации (до 2000 г.), выход в азиатские лидеры (до 2020 г.) и наконец, милитаризация на уровне передовых держав (до 2049 г.)²⁶. Реализация программы идет сразу по нескольким направлениям:

Таблица 4.

Военная мощь передовых держав²⁷

Показатели	КНР	США	Россия	Франция	Велико-британия	Япония
Численность армии, тыс чел (2003 г.)	2 241	1 496	863	356	214	236
Занятость в ВПК, тыс чел (2003 г.)	2 100	2 700	780	240	200	80
Военные расходы, \$ млрд (2011 г.)	143	711	72	63	63	59
Доля военных расходов в ВВП, % (2010 г.)	2.1	4.8	3.9	2.3	2.6	1.0
Военные расходы на душу населения, \$ (2009 г.)	87	2 159	416	1 039	964	427
Ядерные испытания до объявления моратория	45	1 032	716	210	45	-
Наличие ядерных боеголовок (2011 г.)	240	8 500	10 000	300	225	-

– оптимизируется структура НОАК, причем приоритет отдается военно-морскому флоту, авиации и ракетным частям, чья доля увеличилась на 3.8%. Масштабные сокращения в сухопутных войсках в 1985 г., 1997 г. и 2003 г. достигли в сумме 1,7 млн чел.²⁸

– по примеру развитых стран Китай перешел от централизации ВПК к корпоративной системе, в которую входят одиннадцать предприятий, действующих в авиа- и кораблестроении, электронной, атомной и космической отраслях²⁹.

– с 2003 г. разрабатывается концепция «трех войн» (San Zhong Zhanfa), предусматривающая наряду с войсковыми операциями, информационное и психологическое давление на врага, а также юридическое обоснование своих действий в глазах мирового сообщества³⁰.

– снижается зависимость от импортных поставок: с \$ 3,5 млрд в 2005 г. до \$ 0,6 млрд в 2009 г. Вследствие эмбарго США и ЕС на продажу технологий двойного назначения в КНР, передовые системы вооружений за этот период приобретались в основном в России и Украине — на \$ 9 647 млн и \$ 351 млн соответственно³¹.

– ежемесячно проводятся совместные учения различных родов войск для отработки оперативного взаимодействия. В тренировочных миссиях регулярно участвуют международные силы, например в 2010 г. это был контингент из Пакистана, Новой Зе-

ландии, Австралии, Турции, стран Шанхайской организации сотрудничества, Румынии, Таиланда³².

Факты свидетельствуют, что хотя Китай не несет прямой угрозы, отрыв НОАК от ведущих армий мира сокращается. Как отмечает Я.М. Бергер, во многих китайских публикациях последнего времени декларируется стремление к мировому лидерству, а наличие мощных вооруженных сил называется гарантией того, что страна не будет втянута в большую войну³³.

В этой связи интересна дискуссия, развернувшаяся в Китае, после публикации Институтом мировой политики и экономики Академии общественных наук КНР «Доклада о глобальной политике и безопасности, 2010». Второе место в военном рейтинге авторы неожиданно присвоили НОАК, вследствие высокой численности армии и количества вооружений. По мнению Чжан Чжаочжуна, одного из ведущих китайских военных стратегов, доклад льет воду на мельницу сторонников тезиса о «китайской угрозе» на Западе. Он считает, что: 1. рост ассигнований на оборону в КНР лишь восполняет их недостаточность в предшествующие годы; 2. высокая численность личного состава вооруженных сил скорее свидетельствует об отсталости вооружений, низком уровне автоматизации и невысокой эффективности затрат на армию; 3. важным фактором силы современных войск давно уже служат не количество вооружений, а наличие С4ISR (систем управления, контроля, связи, вычисления, сбора информации, наблюдения и разведки), способность вести информационные войны, использовать оружие точечного удара и новые концепции ведения боя. Если исходить из этих критериев, то Китай, по убеждению Чжан Чжаочжуна, вплоть до 2020 г. будет уступать по совокупной мощи вооруженных сил США, России, Англии и Франции, занимая в таком списке пятое место, и только к 2049 г. возможно поднимется выше³⁴.

Публичная дипломатия³⁵. Области, в которых Поднебесная наступает уже сейчас, — культура, спорт, просвещение, развлечения. На партийном съезде 2007 г. Ху Цзиньтао высказался прямо: «Культура становится все более важным средством воздействия наций... и значительным фактором в конкуренции КМГ»³⁶. Дважды за последние годы к Китаю было приковано внимание всего мира, и оба раза страна пользовалась шансом показать себя с лучшей стороны. Олимпийские игры-2008 в Пекине запомнились высоким уровнем организации соревнований, рекордным выступлением китайской команды, впервые первенствовавшей в медальном зачете (КНР — 51 золото, США — 36, Россия — 23), привлекательным обликом современных городов, радушием местного населения³⁷. Не меньший успех ждал и ЭКСПО-2010 в Шанхае: на протяжении полугода 246 государств презентовали свои достижения, 73 млн чел. посетили выставочные павильоны и приняли участие почти в 23 тыс. праздничных мероприятий³⁸.

А вот отношение к экспансии институтов Конфуция, работающих по принципу Альянс Франсез, Британского совета или Японского фонда, не столь однозначно. Первые открывшись в Сеуле в 2004 г., подобные центры стали возникать повсюду, и сейчас их насчитывается уже более 320 в 96 странах мира³⁹. Проектом руководит Государственный департамент КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) с бюджетом \$ 145 млн в 2009 г.⁴⁰ Обучение доступно и студентам и школьникам: в 2009 г. учебные курсы посетили 260 тыс. чел., и более 3 млн участвовали в программах по культурному обмену. Аудиторными занятиями и проведением мероприятий, связанных с восточной культурой и традициями, Ханьбань не ограничивается. В настоящее время появились одноименные он-лайн-, радио- и телестудии, что добавит проекту популярности и облегчит доступ к его ресурсам.

Быстрое развитие институтов Конфуция вызывает недовольство, как в Китае, так и в других странах. Открытие языковых центров поощряется грантом в размере \$ 100 тыс., и многие китайцы убеждены, что деньги, инвестируемые в чужую систему образования, пригодились бы для решения внутренних проблем. Иностранские критики

любят цитировать одного из лидеров КНР Ли Чанчуня, назвавшего деятельность Ханьбань «частью стратегии по пропаганде Китая за рубежом»⁴¹. Они считают, что институты Конфуция намеренно обосновываются на территории университетских кампусов, где есть возможность влиять на самую активную часть общества — молодежь, и опасаются, что такие учреждения могут стать рупором Пекина в изложении событий в выгодном для него свете⁴².

Другим направлением публичной дипломатии Китая является активное продвижение национальной развлекательной индустрии (кино, видеоигры, печатные и цифровые издания и т.п.) на внешний рынок. Так, соотношение экспорта/импорта печатной продукции изменилось с 1:7.2 в 2005 г. до 1:3 в 2010 г. за счет роста экспорта на 177%⁴³. Еще более значимые перемены произошли в отрасли кинопроизводства. В последнее десятилетие китайские студии, совместно с партнерами из Гонконга, Тайваня, Голливуда, с завидным постоянством выпускают блокбастеры, завоевывающие престижные международные награды: «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000 г.), «Герой» (2002 г.), «Дом летающих кинжалов» (2004 г.), «Проклятие золотого цветка» (2006 г.), «Битва у красной скалы» (2008 г.), «Землетрясение» (2010 г.). Солидный бюджет, великолепная работа съемочной группы, захватывающий историко-приключенческий сюжет, восторженные отзывы публики вызвали волну интереса к китайскому творчеству. В 2010 г. кассовые сборы от международного проката фильмов из Поднебесной составили \$ 532 млн⁴⁴.

Страны с большими амбициями всегда использовали публичную дипломатию для усиления своего влияния в мире, ведь принуждение и денежные подачки разделяют народы, а положительный пример и добрососедское отношение делают их ближе друг другу. Более того, «мягкими методами» можно добиться тех же целей, что и с помощью «жесткой силы», только за меньшую цену. Ставка на грубую силу в эпоху ядерного оружия и международного партнерства бесперспективна и крайне опасна, поэтому соперничество между державами переходит в плоскость информационных технологий, спорт, искусство, космос, продвижение социальных ценностей. Китай планомерно наращивает свой экономический, научно-технический и военный потенциал, но особое внимание в ближайшие годы будет уделено позитивному восприятию КНР во всем мире. Как удачно выразился индийский политик Шаши Тарур, в современном мире выигрывает не размер армии, а умение себя преподнести⁴⁵.

-
1. *Modelski G.* Evolution of the world economy, table 7, 2000. URL: <http://faculty.washington.edu/modelski/Evoweconomy.html>.
  2. *Tellis A.J.* Measuring National Power in the Postindustrial Age // RAND Corporation. 2000. P. 25–30. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1110/MR1110.ch3.pdf. Первоначальные источники: *Morgenthau H.* Politics Among Nations. 4th ed. New York, 1967. P. 106–158., *Claude I.L.* Power and International Relations. New York, 1962; *Deutsch K.W.* The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, 1968), *Modelski G., Thompson W.R.* Seapower in Global Politics, 1494–1983. Seattle, 1987; *Kingsley D.* “The Demographic Foundations of National Power,” in Morrow Berger et al. (eds.), Freedom and Control in Modern Society. New York, 1954. P. 206–242; *Hitch Ch., McKean R.* The Economics of Defense in the Nuclear Age. Cambridge, 1960; *Russell B.M.* Is There a Long-Run Trend Towards Concentration in the International System? // Comparative Political Studies. 1968. Vol. 1. P. 103–122/
  3. Страны осуществляют «мягкое» давление, проводя выгодную для себя политику в экономике, торговле, дипломатии, культуре.
  4. *Ibid.* P. 4–5. Первоначальные источники: *Knorr K.* The War Potential of Nations. Princeton, 1956; *Clifford G.F.* A Tentative Evaluation of World Power //: Journal of Conflict Resolution. 1960. Vol. 4. P. 138–144; *Fucks W.* Formeln zur Macht: Prognosen über Völker, Wirtschaft, Potentiale. Stuttgart, 1965; *Singer J. D.* The Correlates of War. Testing some Realpolitik Models. New York, 1980; *Organski A.F.K., Kugler J.* The War Ledger. Chicago, 1980; *Hu Angang, Men Honghua.* The Rising of

- Modern China: Comprehensive National Power and Grand Strategy. P. 17–19. URL: <http://www.irchina.org/en/pdf/hag.pdf>.
5. Ibid. P. 17–20; *Chin Lung Chang*. A measure of national power // Conference Paper. Fo-guang university Taiwan. P. 6. URL: <http://www.analytickeccentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf>.
  6. Pillsbury M. China debates the future security environment. Prologue // National Defense University Press. Washington, DC, 2000. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ndu/chindebate/pills2.htm>. Первоначальный источник: Goldhamer H. The Adviser. New York, 1978. P. 130–132, 135–136.
  7. Сунь-цзы. Искусство войны. Гл. 1. Предварительные расчеты / пер. Н. Конрада. URL: <http://lib.rus.ec/b/80462/read>.
  8. У-цзы. Об искусстве ведения войны. Гл. 2. Оценка противника. ч. 2 / пер. Сидоренко Е.И.). URL: <http://lib.rus.ec/b/252889/read>.
  9. Сунь-цзы. Искусство войны. Гл. 2. Ведение войны. URL: <http://lib.rus.ec/b/80462/read>.
  10. Там же. Гл. 3. Стратегическое нападение. URL: <http://lib.rus.ec/b/80462/read>.
  11. Pillsbury M. China debates the future security environment. Гл. 5. Geopolitical power calculations. Origins. Modern Beginnings // National Defense University Press. Washington, DC, 2000. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ndu/chindebate/pills2.htm>. Первоначальный источник: Zhu Liangyin, Meng Renzhong. Deng Xiaoping zonghe guoli sixiang yanjiu (A study on Deng Xiaoping's Comprehensive National Power thought) // Xin shiqi junshi jingji lilun yanjiu (Studies of new period military economic theory). Beijing, 1995. P. 42, 44.
  12. Следующие поколения руководителей — Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао — продолжили курс на первостепенное развитие экономики, хотя выражали уже согласованное мнение Госсовета КНР. (Tianbiao Zhu. Nationalism and Chinese Foreign Policy // The China Review. 2001. Vol. 1, No. 1. 11–27. P. 19. URL: <http://www.chineseupress.com/promotion/China%20Review/1-Zhu.pdf> Первоначальный источник: Deng Xiaoping. Deng Xiaoping wenxuan (A Selection of Deng Xiaoping's Writings). Beijing, 1993. Vol. 3. P. 375.
  13. Pillsbury M. Op. cit. Первоначальный источник: Wang Songfen, ed. Shijie zhuyao guojia zonghe guoli bijiao yanjiu (Comparative studies of the comprehensive national power of the world's major nations). Changsha, 1996. P. 169; Hu Angang, Men Honghua. The Rising of Modern China: Comprehensive National Power and Grand Strategy. P. 21. URL: <http://www.irchina.org/en/pdf/hag.pdf>.
  14. Pillsbury M. Op. cit. Первоначальный источник: Li Qingshan. Xin junshi geming yu gao jishu zhanzheng (The new revolution in military affairs and high-technology warfare). Beijing, 1995). P. 191–193.
  15. Ashley J. Tellis. Measuring National Power in the Postindustrial Age // RAND Corporation. 2000. P. 16–17. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR1110/MR1110.ch2.pdf. Первоначальный источник: Wayman F., Singer J. D., Goertz G. "Capabilities, Allocations, and Success in Militarized Disputes and Wars, 1816–1976 // International Studies Quarterly. 1983. Vol. 27. P. 497–515.
  16. Pillsbury M. Op. cit. Первоначальный источник: Tong Fuquan, Liu Yichang. Shijie quanfangwei jingji zhan (The world's all directional economic war). Beijing, 1991. P. 232.
  17. Pillsbury M. Op. cit. Первоначальный источник: Xi Runchang. "Shijie xin geju zhanwang" (Prospects for the new world structure") // Shijie zhengzhi xin geju yu guoji anquan (The new world political structure and international security). Beijing, 1996. P. 44–46.
  18. Pillsbury M. Op. cit. Первоначальный источник: Wu Chunqiu. Guangyi da zhanlue (Grand strategy). Beijing, 1995. P. 94, 102–103.
  19. Schwab K., Xavier Sala-i-Martin. The Global Competitiveness Report 2011–2012 // World Economic Forum, P. 10–11, 15–22, 29, 148–149, 520. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf.
  20. ВВП по ППС — ВВП по паритету покупательной способности.
  21. баллы — минимум 1, максимум 7.
  22. данные за 2009 год.
  23. Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China 2006 // Office of the Secretary of Defense, p. 9. URL: <http://www.defense.gov/pubs/pdfs/China%20Report%202006.pdf>.
  24. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2011. Ch. 4: Resources for force modernization. Estimating China's Actual Military Expendi-

- tures. P. 43 // Office of the Secretary of Defense. URL: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2011_cmpr_final.pdf.
25. Facts on International Relations and Security Trends // SIPRI. URL: <http://first.sipri.org/search?>; Sam Perlo-Freeman. Military expenditure. Overview // SIPRI Yearbook 2012. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2012/04>; *Kile Sh.N.* World nuclear forces. Overview // SIPRI Yearbook 2012. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2012/07>.
26. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., С. 154. 2005. 647 с.
27. компиляция данных *SIPRI*.
28. Completing the Reduction of 200,000 Troops // Ministry of National Defense of the People's Republic of China, 15 Jan 2007. URL: http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2007-01/15:content_4004362.htm.
29. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., С. 154. 2005. 647 с.
30. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010 // Office of the Secretary of Defense, p. 26. URL: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2010_CMPR_Final.pdf.
31. *Ajai Shukla.* India's arms import doubles in five years // Business Standard, 18 Mar 2010. URL: <http://www.business-standard.com/india/news/india/s-arms-import-doubles-in-five-years/388991/>
32. Military exercises // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. URL: <http://eng.mod.gov.cn/MilitaryExercises>.
33. *Бергер Я.М.* О стремлении к глобальному лидерству и сравнительных оценках совокупной национальной мощи Китая. // Доклады ИДВ РАН. 2010.
34. Там же. С. 60–63.
35. публичная дипломатия — спонсируемые государством культурно-образовательные и информационно-развлекательные программы с целью обеспечения национальных интересов, усиления воздействия на общественное мнение за рубежом, установление взаимопонимания между народами.
36. Another U.S. deficit — China and America — public diplomacy in the age of internet // A minority staff report for the use of the Committee on foreign relations US Senate. P. 3. URL: <http://foreign.senate.gov/download/?id=208AEC06-D0CF-4EBD-9FCB-BB3CF4AA9181>.
37. Китай впервые выиграл Олимпиаду // Eurosport, 24.08.2008. URL: http://www.eurosport.ru/olympic-games/olympics/2008/story_sto1679273.shtml.
38. Официальный сайт Expo 2010 Shanghai China. URL: <http://en.expo2010.cn/>
39. Confucius Institutes in the World // Confucius Institute online. URL: http://college.chinese.cn/en/node_1979.htm.
40. *Maria Wey Shen Stow.* China's Confucius Institutes: crossing the river by feeling the stones // Asia Pacific Bulletin, 6 Jan 2011. URL: <http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb091.pdf>.
41. Another U.S. deficit — China and America — public diplomacy in the age of internet // A minority staff report for the use of the Committee on foreign relations US Senate. P. 5–6. URL: <http://foreign.senate.gov/download/?id=208AEC06-D0CF-4EBD-9FCB-BB3CF4AA9181>.
42. *Schmidt P.* At U.S. colleges Chinese-financed centers prompt worries about academic freedom // The chronicle of higher education, 22 Oct 2010. URL: <http://chronicle.texterity.com/chronicle/20101022a?pg=8#pg8>.
43. China's Exports of Cultural Products Accelerating // Xinhua, 28 Feb 2011. URL: <http://english.cri.cn/6826/2011/02/28/1821s623193.htm>.
44. Там же.
45. *Shobhan Saxena.* How to be a cultural superpower // The Times of India. 22 Nov 2009. URL: http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2009-11-22/special-report/28091436_1_cultural-diplomacy-iccr-cultural-centres.

Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии

© 2012

В. Балакин

Наметилась тенденция беспорядочного употребления термина «интеграция» по отношению к любым формам сближения государств, включая те из них, которые правильнее называть сотрудничеством или даже союзом. В данной статье отмечается, что экономические проекты интеграционного типа реализуются не только на европейском континенте, но и за его пределами, в частности, в Восточной Азии — в формах, весьма отличающихся от модели Старого света, причем постулаты Евросоюза для нее выглядят неприемлемыми.

Ключевые слова: Восточная Азия, региональная интеграция, Евросоюз, европейский опыт, наднациональность.

В современной системе международных отношений последовательно набирают силу объективные процессы геополитического значения, которые в обозримой перспективе будут определять новое мироустройство: глобализация и интеграция. Оба процесса многозначны, многоаспектны, затрагивают все сферы жизни и отношений, включая формирующуюся новую международную экономическую систему. И глобализация, и интеграция совершенно очевидно не просто проявляются в международных экономических отношениях и правовой надстройке над ними, но и оказывают серьезное влияние на образование из разрозненных государств и групп государств единой общественной системы. Исследованием данной проблематики активно занимаются японские эксперты с акцентом на региональную интеграцию, которая принимает, по их мнению, конкретную форму интернационализации хозяйственной жизни, переплетения национальных хозяйств, объединения их в единое экономическое пространство в рамках замкнутой территории, проведения согласованной межгосударственной экономической политики, создания региональных интеграционных объединений, представляющих собой примеры институциональной организации интеграционных процессов¹.

Опираясь, главным образом, на материалы европейских исследователей, формально регистрирующих факты якобы нарастания интеграционных процессов в Евросоюзе, японские специалисты отмечают наличие экономических проектов интеграционного типа за пределами европейского континента, — в частности, в Восточной Азии. Здесь мы имеем дело со сложными проблемами как экономического, так и политического толка, порождающими и даже стимулирующими острые противоречия, но дающие при том адекватные в целом вполне результаты².

С точки зрения японских экспертов, в ходе реализации интеграционных программ в различных регионах мира продолжает накапливаться по-своему уникальный опыт, осмысление которого в сопоставимом ключе позволяет существенно обогатить

представление о закономерностях интеграции и возможностях построения логических схем управления интеграционными процессами. Главным для Восточной Азии, по их мнению, — достичь понимания, что при осуществлении интеграции в восточноазиатском регионе вовсе необязательно копировать «европейский» тип как единственно возможный, расценивая остальные версии как «недостойные внимания». В противном случае «давление» европейского опыта в данном вопросе низвело бы все прочие реализуемые интеграционные проекты до уровня некой «самодетельности» или «кустарщины». Относясь с уважением к европейскому формату интеграции, японские эксперты, тем не менее, увлеченно разрабатывают альтернативную гипотезу, настаивая на отсутствии «нормативной интеграции» как универсального образца для подражания и, предвидя, напротив, возможность множественных вариантов интеграционного взаимодействия.

Каждая региональная версия интеграции должна соответствовать конкретным условиям региона, строго с ними соотносясь, прежде всего, в том, что касается форм интеграционного взаимодействия, его этапности, условий, темпов, конечных целей сближения. По мнению японцев, именно последнее представляет собой ключ к обоснованию логики сопоставлений.

Европейский вариант формально ставит вопрос о создании национального «сверхгосударства», в то время как в рамках еще только формирующегося восточноазиатского варианта речь о надгосударственном объединении никогда не заходила и вряд ли когда-нибудь зайдет. Теоретически анализ вариантов способен повлечь за собой эмпирическую проверку, что очень полезно, поскольку только при сопоставлении интеграционных моделей, а также стратегий их поиска рано или поздно возникает реальная возможность принять научно проработанное решение относительно интеграционных явлений, то есть либо отказаться от экспериментов, либо продолжить линию параллельного движения, одновременно выстраивая систему преференциальных отношений с отдельными близкими по духу государствами³.

Выработка оптимального варианта сотрудничества в восточноазиатском регионе позволит присутствующим здесь странам сделать осознанный выбор на примере того же Евросоюза в отношении того, допускать ли перерастание чисто экономического взаимодействия в нечто большее, а именно, в формирование единого государственного образования с полностью, и главное, формально унифицированными властными институтами.

Сегодня даже беглого взгляда на евроцентричный вариант интеграции достаточно, чтобы обнаружить крайнюю ограниченность и одновременно тяжеловесность системы управления Евросоюзом. По мнению японских экспертов, сегодня практика опережает теорию — чем дальше от Европы, тем выше концентрация местных вариантов интеграции и интеграционных взаимодействий. Уже имеющийся опыт Восточной Азии свидетельствует о наличии обоснованных сомнений в отношении европейских претензий на универсальную эффективность интеграционного формата Евросоюза.

Объективная заслуга европейской модели интеграции состоит в том, что сложившийся опыт позволяет выделить главные типологические черты интеграции как таковой, по которым тот же восточноазиатский вариант окажется способным избежать очевидных ошибок, а главное — нащупать оптимальный логический ряд политических шагов при развитии интеграционных процессов, основанных на безусловных универсальных чертах, но ставящих во главу угла региональные особенности, опора на которые сделает конкретный восточноазиатский интеграционный проект максимально эффективным и «долгоиграющим». Но сегодня лишь европейский вариант интеграции дает реальную возможность назвать так называемые «обязательные признаки» развития любого интеграционного процесса⁴.

Выделение главных типологических черт европейской модели интеграции может эффективно содействовать построению типологических особенностей для восточноазиатского варианта интеграционного процесса. Японские эксперты считают наиболее

важным — найти действительно универсальные черты как европейской, так и восточноазиатской интеграции, одновременно нащупывая специфику каждой модели с тем, чтобы не повторять уже совершенных ошибок. Анализ трудов европейских специалистов позволяет выделить несколько «обязательных» признаков интеграции, которые признаются таковыми и азиатскими учеными. Подобные признаки должны так или иначе присутствовать в любых интеграционных процессах во всех частях мира. Таковых немного, но они отличаются определенной строгостью. В частности, речь идет о наличии национальных институтов интеграции, которые демонстрируют ее комплексную природу, то есть начавшись с экономики, интеграция должна последовательно переходить на социальную и политическую сферы, чтобы постепенно стимулировать формирование единого демоса с общими социокультурными, нормативными, ценностными и политическими ориентирами.

Главным критерием Евросоюза изначально была провозглашена «наднациональность», ставшая чуть ли не основной характеристикой европейской интеграции³. В условиях Восточной Азии подобный подход абсолютно невозможен, поскольку для китайцев, японцев и корейцев конфуцианские и легистские традиции национальной государственности остаются неизменными и осязаемыми на грани сокровенного бытия. По данному параметру между западноевропейским и восточноазиатским мышлением наличие своего рода «зияющий разрыв». Восточноазиатский механизм принятия ключевых решений работает в режиме исключительного согласования уже одобренных национальными правительствами стратегий развития.

В Восточной Азии, в отличие от Западной Европы в Восточной Азии саммиты глав государств и правительств решают практически все главные вопросы политического и экономического взаимодействия, не допуская какой-либо наднациональной компетенции. Наднациональные институты в Евросоюзе охватывают сферой своей деятельности практически все «технократические» проблемы, хотя и здесь делегирование реального суверенитета по-прежнему решается путем межправительственных согласований. Что касается восточноазиатских государств, то они вообще неохотно следуют наднациональной процедуре принятия решений. Основной метод принятия решений — это 100%-й консенсус, не признающий ни простого, ни квалифицированного большинства. Можно констатировать, что в Восточной Азии господствует институциональная структура элитной политики, не допускающая непредсказуемого развития⁶.

Восточноазиатские страны весьма осторожно интегрируют и в социальной сфере. Для них, сделанная Западной Европой несколько десятилетий назад заявка на социальную интеграцию выглядит сегодня весьма настораживающей. Европейское стремление сформировать «единый этнос», увенчавшееся бурным ростом межэтнических трений в последние годы, сегодня уже не представляется обязательным, базовым параметром в понимании руководства восточноазиатских государств. В лучшем случае, это трактуется как «забегание вперед», реально же расценивается как неприемлемый, негативный опыт, чреватый утратой качества экономического развития. Усиление бесконтрольных миграционных тенденций без тщательного учета этнодемографического состава населения восточноазиатских стран способно в короткие сроки подорвать относительную устойчивость и сложившийся баланс сил на азиатском континенте.

Нежелание стран Восточной Азии форсировать интеграцию в социальной сфере выглядит явным антиподом европейского подхода. Восточноазиатские государства прежде всего исходят не из фундаментальной теории, а из повседневной практики. Совершенно очевидно, что ни в ближайшем, ни в самом отдаленном будущем не удастся создать «интегрированного азиата», как до сих пор не удалось сформировать такого же «интегрированного европейца». Отсюда, модель интеграции, развивающаяся в Евросоюзе, не кажется достойной подражания в Восточной Азии, не говоря уже о возможности ее воспроизведения в полном виде. Об этом свидетельствует принципиальное отсутствие

ориентации на «наднациональность» в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), что среди экспертов воспринимается как серьезный аргумент против какой-либо адаптации европейского опыта интеграции⁷.

Восточноазиатские интеграционные процессы, как считают некоторые специалисты, вызревают уже достаточно долго — автономно от аналогичных процессов в других частях света. В Восточной Азии совсем иной интеграционный потенциал, который мало соответствует европейскому, представляя собой свой собственный прототип интеграции, специфическая черта которого — не воплощение элементов наднациональности в будущем, а позитивистская концепция «вбирания в себя» полезных черт становления каждого из восточноазиатских государств в XXI веке. Иными словами, специфика развития каждой страны привносит в общий процесс интеграции собственный алгоритм. Именно это делает восточноазиатскую интеграцию, по сути, самодостаточной и не нуждающейся в чуждых процедурных решениях, заимствованных на Западе⁸.

Типологические различия между интеграционными процессами в Западной Европе и Восточной Азии предопределяют особенности процедуры принятия в каждом из регионов стратегических интеграционных решений. В обоих случаях налицо стремление стран-участниц к формированию институциональной основы интеграции. И там, и там налицо систематическая направленность действий государств, ориентированных на нахождение эффективных механизмов управления хозяйственной жизнью региона. Вряд ли такие действия заслужат высокую оценку, если не будут активно способствовать преодолению экономических барьеров в конкретных региональных условиях. Следовательно, для получения аутентичных результатов при сравнении западноевропейской и восточноазиатской моделей региональной интеграции необходимо сопоставлять не только и не столько формы воплощения интеграционных устремлений, сколько конкретное содержание этих устремлений, меру их устойчивости во времени и пространстве, а главное — результативность.

Что касается результативности, то она внутри всех известных вариантов интеграционных сближений абсолютно неодинакова, ибо строго коррелируется с местными условиями. Это важнейшая типологическая общая черта любых интеграционных вариантов. В Восточной Азии названный алгоритм имеет безусловный характер, поскольку ярко выраженная уникальность региональной специфики не покрывается, как в Западной Европе, избыточно универсальными нормами, процедурами и правовыми институтами, дающими европейской версии интеграции изначально строго заданные исторические рамки. Именно уникальность ярко выраженной конкретности условий, не воплощенной в строгих нормах, процедурах и институтах, дает прекрасную перспективу для интеграции в Восточной Азии. Показательно, что активно предпринимавшиеся примерно с 1998 г. попытки найти некую формулу восточноазиатской интеграционной конкретности не просто оживили общую ситуацию, но и стимулировали консолидацию всех региональных сил, выступающих за формирование надгосударственных интеграционных структур в регионе⁹.

В межкризисный период 1998–2008 гг. эта консолидация несколько замедлилась, она перестала быть специфически восточноазиатской, перейдя к развитию в сторону большей «классичности» (имея ввиду ее содержательную часть). Кроме того, стал изучаться слой аналитики, относившийся к другим неевропейским вариантам интеграции, что, кстати, побудило восточноазиатских исследователей дополнить список классических признаков интеграции рассуждениями о некой «объективной воле» к многостороннему сотрудничеству, нацеленному на решение общих проблем формирования надгосударственных структур¹⁰.

Пример формирования интеграционной матрицы в странах Юго-Восточной Азии, как представляется, не только не уступал в межкризисный период 1998–2008 гг. европейскому варианту, но и в чем-то его превосходил. Так, после Второй мировой вой-

ны странам Западной Европы потребовалось около шести лет, чтобы сделать первый крупный шаг к экономической интеграции региона, а именно: создать Европейское объединение угля и стали. Отдельные малые и средние страны Восточной Азии потратили на подготовку условий для конкретных интеграционных шагов (в частности, чтобы подписать соответствующие соглашения в рамках АСЕАН) почти тридцать лет — с начала 1960-х и до середины 1990-х гг. Казалось бы, указанный срок представляется более, чем достаточным для полного разочарования в самой идее интеграции. На деле же, идея АСЕАН продолжает и сегодня медленно претворяться в жизнь, демонстрируя значительно большую устойчивость по сравнению с ее европейским аналогом.

Интеграционный «очаг» в Западной Европе весьма компактен и в целом однороден с точки зрения культурологической компоненты¹¹. Западная ветвь христианства сгладила практически все принципиальные этнические различия на европейском континенте. В отличие от Западной Европы Восточная Азия лишена европейской компактности и крайне разнородна в культурном отношении — даже вопреки широко доминирующим конфуцианским устоям государственности в регионе. Особый диссонанс вносит фактор политической разобщенности восточноазиатских государств. И тем не менее, сразу после окончания войны во Вьетнаме (1973 г.) Восточная Азия на практике доказала свою приверженность идее выведения регионального сотрудничества далеко за рамки традиционного межгосударственного взаимодействия.

Исходя из этого, вполне уместно уточнить концептуальные понятия восточноазиатской интеграции. Прежде всего, стоит назвать признаки регионального интеграционного процесса, главным из которых можно считать не меру реализованности некоего наднационального формата, а устойчивую ориентацию участников интеграции на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии. Именно такое понимание интеграции постепенно начинает складываться в Восточной Азии, оно не всегда соответствует классическим воззрениям, но накопленный европейский опыт, в том числе негативный, свидетельствует, что интеграционные процессы по иному развиваться и не могут.

Формирующуюся региональную интеграцию в Восточной Азии стоит рассмотреть с точки зрения реальных экономических и политических процессов проходящих в Азии. Профессор Токийского государственного университета Дзюнити Гото в одной из своих работ о восточноазиатском регионализме дал довольно подробный перечень «достаточных признаков» интеграции, причислив к таковым:

- высокий уровень сотрудничества в культурной, политической, экономической и, в меньшей степени, правовой областях;
- наличие эффективных институтов принятия решений;
- наличие институтов, занимающихся обеспечением региональной безопасности и обязательно связанных с институтами экономического профиля;
- частичное и выборочное применение наднациональных методов принятия решений, особенно во внешнеэкономической сфере;
- способность региональной структуры выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего легитимностью в глазах других участников мировой политики.

Японский исследователь отмечает: судя по упоминанию в политических документах, относящихся к развитию профессиональных групповых отношений в Восточной Азии, многие местные политические деятели пока что предпочитают избегать употребления термина «интеграция» (по крайней мере в официальном дискурсе)¹².

Руководству восточноазиатских государств термин «интеграция» представляется слишком европейским, дезориентирующим, пугающим неприятными ассоциациями с «надгосударственностью», которая имела в XX в. весьма негативный контекст с истори-

ческой и политико-психологической точек зрения. Две мировые войны двадцатого столетия столь сильно повлияли на восточноазиатские государства, что сегодня там не просто не могут построить наднациональную федерацию, но и решительно ее не хотят. Вековые борения за национальный суверенитет, сама идея независимости глубоко укоренена в странах Восточной Азии, а идея какого-либо ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень всегда ассоциируется у общественности восточноазиатских государств с реанимацией колониализма. Идеалом для Восточной Азии является не обязательная, а избирательная, скорее даже дозированная интеграция: прежде всего, в экономике и под жестким контролем суверенных национальных правительств. Они способны понемногу делегировать наднациональным международным органам отдельные свои экономические полномочия, но никогда не проявят готовности поступиться политической властью¹³.

В мышлении восточноазиатских сообществ идея тесного регионального сотрудничества вполне совмещается с концепцией сильного централизованного государства. Следует констатировать, что названный подход явно контрастирует с логикой постепенного распространения интеграции из экономики в социальную сферу и уже совсем не распространяется на политику. В связи с этим, можно зафиксировать отчетливое несоответствие восточноазиатской логики «воинствующего суверенитета» западноевропейской логике «сплошной», «тоталитарной» интеграции на наднациональном уровне. Однако, в теоретическом плане важно не это, а упорное стремление восточноазиатских государств к взаимному экономическому сближению на региональном уровне. Не употребляя термина «интеграция», руководство стран Восточной Азии формулирует экономический интеграционный тренд как преференциальное сближение для достижения общих целей.

В то же время, нельзя не заметить, как разнятся потолок или вектор целей развития. Это объясняется различиями политико-институционального опыта. В Западной Европе национальная консолидация завершилась в середине XX в., а в Восточной Азии названный процесс только-только стал просматриваться после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Можно отметить, что после двух мировых войн западноевропейцы «пресытились» суверенитетом, почувствовав его политическую ограниченность и экономическую ущербность. Что касается Восточной Азии, то она до сих пор возводит суверенитет в ранг высочайшей ценности, — тем более, что приоритет государственной независимости полностью совпадает с социально-культурными традициями восточноазиатского региона¹⁴.

В Западной Европе всегда имели место относительная зрелость сложившейся политической культуры, тесное сотрудничество разных социальных групп, формализованные механизмы улавливания и формулирования национальных интересов. В Восточной Азии до настоящего времени преобладают вертикальные связи, отсутствует ясная дифференциация интересов. На этом фоне весьма заметна приверженность восточноазиатских государств идее экономического сближения, что никогда не обозначается термином «интеграция», поскольку в контексте отсутствует наднациональный фактор. Экономическое сближение выступит ни больше, ни меньше как стимул для укрепления политической независимости, ускорения хозяйственного и культурного развития, элементарного выживания в условиях глобальной конкуренции через построение групповых защитных механизмов, в том числе коллективного протекционизма.

Ряд японских ученых считает, что в качестве основного направления европейской интеграции сформировался постепенный переход от так называемой секторальной интеграции к комплексной, от «негативной» к «позитивной», от поверхностной к углубленной. Европейская интеграция, таким образом, эволюционирует в рамках модернистской компоненты, когда варианты построения единого сообщества представляют собой стремящиеся к достижению синергетической гармонии системы, представляющие в идеале централизованные матрицы. Пожалуй, если проанализировать историю станов-

ления Европейского сообщества в 1970-е гг., можно согласиться с японскими учеными, давшими данному периоду достаточно убийственную характеристику под названием «евросклероз». Также можно предположить, что в 2000-е гг. скорее всего наступил период «конституционного кризиса», рассмотрение которого позволяет сделать некоторые выводы, существенные для типологизации и непосредственного сопоставления интеграционных тенденций не только в Западной Европе, но и в Восточной Азии. Вместе с тем, системные кризисы на отдельных отрезках эволюции становления Евросоюза скорее всего сформировались в умах сторонних наблюдателей и были порождены обострениями синдрома завышенных ожиданий, а не объективной реальностью¹⁵.

Европейские интеграционные процессы, как представляется, основаны прежде всего на объективных механизмах саморегулирования, что свойственно принципиально открытым системам. Данный алгоритм развития сложных социальных явлений предполагает высокий уровень самоорганизации и возможное функционирование в рамках постоянно нарастающей синергии. Применительно к Восточной Азии динамика экономического сближения, скорость и интервалы перехода к новым ступеням взаимодействия практически всегда определяются политическим руководством государств данного региона. Отчасти политические решения по интеграционным вопросам представляют собой самостоятельные факторы действия, причем их своевременный ввод в процесс неизменно позволял избегать форсирования интеграционной деятельности на просторах Восточной Азии. Диктат политической конъюнктуры никогда не был стимулом для восточноазиатских руководителей, хотя объективное совпадение экономических интересов часто побуждал их рассматривать некие варианты создания наднациональных органов и неформальных структур.

Противовесом данному тренду и одновременно объективным инструментом реализации сложного механизма саморегулирования всегда выступала система ограничителей в лице отдельных государств, население которых в определенный момент оказывалось не готовым взять очередной интеграционный рубеж. Некоторые международные эксперты считают, что экономические кризисы предстают не как признаки слабости той же евроинтеграции, а как средство обеспечения более медленного, но зато и более плавного поступательного развития¹⁶. Такое прочтение европейского интеграционного опыта даст возможность по-другому взглянуть на интеграционные процессы, происходящие в ЕС. В Восточной Азии полагают невозможным слепо копировать европейский интеграционный опыт ЕС представлял собой активное забегание вперед, когда напор интеграционной волны нередко наталкивался на жесткое сопротивление либо национальных правительств, либо местного электората.

Восточноазиатские государства предпочитали наблюдать со стороны за срабатывавшими в Европе компенсационными механизмами экстренного торможения интеграционных процессов, когда в сложный межкризисный период 1998–2008 гг. происходили своеобразные откаты, как признаки естественной адаптации старого содержания к новым интеграционным формам. Первый урок торможения преподала Франция, «утопив» на референдуме принятие общеевропейской конституции, разработанной бывшим президентом этой страны Валери Жискар д'Эстеном. Французы отказали в легитимности торопливому формированию наднациональных органов общеевропейской власти. Руководство восточноазиатских государств резонно посчитало, что «злоупотребление наднациональностью» способно подорвать сферы компетенции правительств национального уровня и, как следствие, резко ограничить их возможности по усовершенствованию традиционных обществ применительно к современным условиям. Принцип самолегитимизации в послевоенный период абсолютно не способствовал принятию странами Восточной Азии европейских интеграционных концепций, поскольку восточноазиатской государственности была всегда чужда идея наднациональной конституции.

Интеграционный процесс в восточноазиатском варианте представляет собой полный контраст с западноевропейским аналогом. Ему присущи медлительность, выжидательность и осмотрительность. В Восточной Азии случались отступления от интеграционного динамизма, однако в низкой скорости интеграционного движения скрывались некие гарантии от кризисных явлений. Тем не менее, эти гарантии не всегда срабатывали, что показали, например, продолжительные кризисные события сразу после создания АСЕАН. Тот кризис длился с 1967 по 1976 год.

Асеановский кризис был продиктован некими страхами и какой-то непоколебимой уверенностью, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы обязательно попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, поставив их под свой жесткий контроль. В АСЕАН не любили коммунизм, но еще больше там не любили любое политическое противостояние и принуждение. С позиций сегодняшнего дня такой подход выглядит весьма разумным. Сравнение западноевропейского и восточноазиатского интеграционных вариантов позволяет сделать интересное обобщение, суть которого состоит в следующем: это не в Восточной Азии интеграция затягивается, а в Евросоюзе интеграционные процессы серьезно страдают от излишнего «забегания вперед»¹⁷. Реальный опыт АСЕАН показал, что, когда интеграция протекает спокойно, опираясь на объективную местную специфику, субъективно корректируемую благодаря готовности государств сближаться друг с другом, не ссорясь и не конфликтуя, можно вполне рассчитывать на некий изначальный успех, позволяющий далее строить конкретные планы более долгосрочного развития.

Вместе с тем, в восточноазиатской интеграции присутствует один элемент, который существенно отличает ее от интеграции западноевропейской. Последняя, в своей основе, представляет собой осмысленное сближение стран-лидеров, самых мощных государств Европы, которые всегда «тащили» и до сих пор «тащат» за собой всех остальных. Конечно, слабым даются «поблажки», но сильные неизменно, в конце концов понуждают слабых следовать своей воле. В Восточной же Азии дело обстоит прямо противоположным образом. Здесь экономическое сотрудничество вызревало и двигалось группой средних и даже малых стран и что показательно, за последние сорок с лишним лет ни одна попытка «развалить» АСЕАН, нарушить его единство не оказалась успешной.

Ситуация складывается весьма парадоксально: такие региональные лидеры как Китай и Япония вынуждены не просто прислушиваться к мнению АСЕАН, но и принимать его как некую достаточно приемлемую основу для практических дискуссий с целью выработки действенных решений по вопросам региональной интеграции. Более того, по мнению некоторых международных экспертов, сегодня по инициативам АСЕАН, а иногда и под его непосредственной эгидой, ведется интеграционное строительство в восточноазиатском регионе. И хотя считается, что понятие интеграции так или иначе связано с общим представлением о гомогенности (*однородности по своему составу и происхождению*), однако для Восточной Азии подобный интеграционный характер пока не проявлен. Отдельные эксперты предполагают наличие и принципиальную важность политической однородности для успешной интеграции, но существующая восточноазиатская практика однозначно не подтверждает названный фактор. Конечно, вряд ли можно сомневаться в том, что интеграция политически схожих стран скорее всего будет развиваться быстрее и носить более устойчивый характер, однако вполне допустима и иная трактовка, а именно: формирование политической однородности представляет собой не столько начальную стадию интеграции, сколько один из возможных ее результатов¹⁸.

При взгляде на Восточной Азии становится очевидно, что политические системы пытающихся интегрироваться здесь государств заметно менее однородны, чем в странах ЕС. Т.е., восточноазиатская реальность не дает возможности абсолютизировать преобладание принципа гомогенности в данном регионе, поскольку присутствуют ярко

выраженные отклонения от усредненной модели. Это прежде всего проявляется в ограниченности политического представительства и полном отсутствии концепции социального государства в европейском его понимании. В Восточной Азии заметна неравномерность соотношения политического устройства таких государств как Китай и Вьетнам, с одной стороны, с политическим устройством таких государств как Индонезия и Малайзия, с другой. И тем не менее, фактом остается то, что те и другие проявляют большую настойчивость следовать интеграционным курсом, невзирая на политические различия.

В Восточной Азии, как и в Западной Европе, экономическая политика стран «интеграционного ядра» не одинакова, но однородна. Названная политика характеризуется рыночным регулированием и иногда более или менее заметной степенью государственного контроля. Многие эксперты полагают, что отправной точкой восточноазиатской версии интеграции является не политическое сходство, а однотипность экономических политик¹⁹. В Западной Европе на сближение работает демократическая идея, а в Восточной Азии — экономический прагматизм. Философия подобного прагматизма вполне может быть основой интеграционной политики, и хотя ее иногда бывает недостаточно, в восточноазиатском варианте она зачастую уверенно подкрепляется поддержкой мощных тысячелетних факторов специфической социокультурной идентичности.

Итак, в Восточной Азии сегодня уже можно говорить о своеобразной региональной интеграционной идентичности, в которой вполне различима устоявшаяся макросоставляющая — именно она остается для всех государств региона главной. В ней заложены идеи, имеющие для местных народов мощнейший заряд эмоциональной привлекательности, а именно: идеи униженности, «обманутости» и даже необходимости взять исторический реванш. Они выглядят внешне достаточными, чтобы стать неким реальным стимулом для региональной интеграции, последовательно повышая темпы ее развития. Интеграция в Восточной Азии превращается в инструмент самовозвышения через реализацию идеи экономического взаимодействия, возвеличивания азиатского сакрального духа, поруганного в прошлые века Западом²⁰.

Резюмируя, можно сказать, что западноевропейская интеграционная модель в известном смысле всегда рассматривалась в качестве средства преодоления национализма. Восточноазиатский вариант интеграции, напротив, не избежал определенных издержек агрессивности, как в культурной, так и в экономической форме. Однако, вопрос не в том, какой из вариантов интеграции сегодня более эффективен, главное в том, что объединяющаяся Восточная Азия по своей политико-психологической мощи уже вполне сопоставима с объединенной Западной Европой.

1. Ёкота, Масакиса. EU to «Хигаси Адзиа Кёдогай» (*Евросоюз и «Восточноазиатское сообщество»*) // Кёто дайгаку кэнкюсэнта. 2011. С. 25.
2. Winer, Antje; Diez, Thomas. *The European Integration Theory* // Oxford University Press. 2005. P. 54–61.
3. Hettne, Bjorn. *Globalism and the New Regionalism* // Macmillan Press. London, 1999. P. 3–24.
4. Jones, David. *Toward Illiberal Democracy in Pacific Region* // Tokyo State University Press, 2003. P. 19.
5. McCormic, John. *The European Union: Politics and Policies* // Colorado: USA, Westview, 2009. P. 45.
6. Tran Van Hoa. *Regional Trade Agreements in Asia* // Asian Centre for Peace and Development Studies. Ryukoku University. Japan. 2010. P. 84.
7. Poole, Avery D.H. *The Evolution of ASEAN Norms* // University of British Columbia YCISS Working Paper No. 44. January 2007. P. 5.
8. Каваи, Масакиро. Хигаси Адзиа ни окүру тики кёйдзай кёрёку (*Региональное экономическое сотрудничество в Восточной Азии*) // Сякайгаку кэнкюсё. Токно дайгаку. 2004. С. 31.
9. Baldwin, Richard E. *The Causes of Regionalism* // World Economy. November 2007. P. 865–888.

10. *Benson, Mark*. Regionalism and Globalisation // New York Cambridge Press, 2011. P. 217.
11. *Такаги, Синобу*. Хигаси Адзиа но канона тики сэиряку (*Возможная региональная стратегия в Восточной Азии*) // Сэкай гинко но кэнкю сирё № 2502. Токио. 2011. С. 26.
12. *Goto, Junichi*. Macroeconomic Interdependence in East Asia // International conference of IMF & WB. Tokyo, 2011. P. 22–23.
13. *Фукусима, А.* Хигаси адзиа тикикисюги: Нихон дзэнтэй (*Восточноазиатский регионализм: путь Японии*) // CSIS WP. 2006. С.22.
14. *Zhang Xiaoming*. Zhongguo de gaozhang (*Подъем Китая*) // Yazhou de Qiantu. Vol. 30, No. 3.2006. P. 132.
15. *Christopher M. Dent & David W.F. Huang*. Northaest Asian Regionalism: Learning from the European Experience // London: Routledge-Curzon. 2002. P. 7.
16. *Kawai, M; Wignaraya, G* Asian FTA's: Trends and Challenges // ADBI Working Paper Series No. 144. August 2009. P. 4.
17. *Li Wen*. Dongya hezuo de wenhua chengyin (*Культурный фактор в восточноазиатском сотрудничестве*) // Beijing: World Affairs Press. 2005. P. 10–11.
18. *Chai Siow Yue*. Тоа тикикисюги но хассэй (*Возникновение восточноазиатского регионализма*) // Нихон кокусай кэрёку сэнта. Токио. 2004. С. 52.
19. *Morton Abramowitz & Stephen Bosworth*. Chasing the Sun: Rethinking East Asian Policy // The Century Foundation Press. New York. 2006. P. 13–14.
20. *Танака, Акаси*. Тоа но митоси (*Перспективы Восточной Азии*) // The Trilateral Commission. Tokyo Miing. April 2006. С.26.

История

Китайский вопрос на VII пленуме ИККИ: дискуссия в Китайской комиссии (декабрь 1926 г.)

© 2012

А. Картунова

Автор рассматривает ход дискуссии, состоявшейся на Китайской комиссии VII расширенного пленума ИККИ (декабрь 1926 г.). Перед комиссией стояла задача оценить текущий момент китайской революции и перспективы ее развития. На основании ранее не публиковавшейся стенограммы заседаний автор констатирует, что почти по всем обсуждавшимся вопросам у членов Комиссии и членов делегации КПК не было единства мнений, а задачи, которые ставились перед КПК, превышали возможности партии на тот момент.

Ключевые слова: Коминтерн, КПК, крестьянский вопрос, гегемония пролетариата, тактика, единый фронт, буржуазия, некапиталистический (социалистический) путь развития.

Как свидетельствуют документы и материалы, опубликованные в 1996 г. в т. 2 сборника документов под общим названием «ВКП (б). Коминтерн и Китай», принятая VII расширенным пленумом ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.), «Резолюция о положении в Китае» от 16 декабря¹ вызвала неоднозначную реакцию представителей Коминтерна в Китае. Содержащиеся в ней новые политические установки, а также положения о стратегии и тактике КПК на текущем этапе и на перспективу привели к разногласиям среди членов работавшего в Шанхае Дальбюро ИККИ (председатель Г.Н. Войгинский [Зархин]), а также между представителем Коминтерна в Китае и главным советником ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным (Грузенбергом), с одной стороны, и прибывшим в Китай в составе делегации ИККИ на V съезд КПК новым представителем Коминтерна М.Н. Роем, с другой. Расхождения во мнениях по поводу положений Резолюции возникли и между Дальбюро ИККИ и Бородиным, а также в делегации ИККИ в Китае².

Резолюция вызвала серьезные споры и в руководстве КПК. В феврале 1927 г., когда этот документ был переведен на китайский язык, о несогласии с ним заявил выступивший с докладом на Шанхайской областной партийной конференции член ЦИК КПК Пэн Шучжи. Безоговорочно принявший Резолюцию другой представитель высшего руководства партии, Цюй Цюбо, был фактически отстранен от работы³. Несмотря на то,

что ЦИК КПК в феврале 1927 г. принял «к сведению и исполнению» решения VII пленума ИККИ, о чем было заявлено в специальной объяснительной записке⁴, ЦИК решил развернуть в партии дискуссию по основным положениям Резолюции ИККИ, прежде чем приступить к ее пропаганде и претворению в жизнь. Это решение отражало негативное отношение генсека ЦИК Чэнь Дусю и его сторонников к Резолюции ИККИ.

Документы, опубликованные в т. 2 сборника «ВКП (б), Коминтерн и Китай», лишь отчасти проясняют вопрос о том, как разрабатывался этот столь неоднозначно воспринятый документ. Наиболее полное представление о данном процессе дает стенограмма заседаний Китайской комиссии пленума, работавшей 30 ноября – 2 декабря 1926 г. Это объемный материал в несколько сотен страниц, хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической информации (РГАСПИ). Ксерокопии выступлений ряда участников дискуссии имеются в Отделе комплектования документов Кабинета ЦК КПК по изучению истории партии. Отдельные выдержки из выступлений членов Комиссии приводились в литературе без ссылки на источник⁵.

VII расширенный пленум ИККИ известен в истории Коминтерна тем, что он разрабатывал «пути мировой революции». В этом контексте китайский вопрос занял одно из центральных мест в работе пленума. Китайская национальная революция, разворачивавшаяся с 1925 г., определялась в его документах как один из «наиболее важных и мощных факторов, нарушающих стабилизацию капитализма». Констатировалось, что в результате победоносного продвижения гоминьдановской Национально-революционной армии (НРА) в ходе Северного похода, начатого летом 1926 г. с целью политического объединения страны, «владычество империалистов было фактически подорвано на половине территории страны»⁶.

Подъем китайской национальной революции осенью-зимой 1926 г. требовал дальнейших теоретических разработок по вопросам политики, тактики и стратегии КПК на текущем этапе и в перспективе. При этом в арсенале ВКП (б) и международного коммунистического движения не имелось опыта разрешения проблем, возникавших накануне и в период подъема китайской революции на первом этапе Северного похода (ноль-декабрь 1926 г.). К тому же, в Москву из Китая поступала слишком противоречивая информация из разных источников – ЦИК КПК, представителей Коминтерна и других.

Созданной Президиумом пленума Китайской комиссии надлежало обсудить весь комплекс вставших перед КПК проблем, разработать обобщающий теоретический документ и директивы для компартии Китая в новых условиях. От КПК в работе пленума участвовали два члена ЦИК – Тань Пиншань, главный докладчик на пленарных заседаниях и на заседаниях Китайской комиссии, и Цай Хэсэнь, а также секретарь ЦК Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК) Жэнь Биши. С правом совещательного голоса от Гоминьдана (далее ГМД) присутствовал Шао Лицзы (выступил на пленарном заседании). От Дальбюро ИККИ в работе пленума и комиссии участвовал секретарь этого органа М.Г Рафес, прибывший с проектом тезисов, подготовленным Дальбюро совместно с ЦИК КПК. Чэнь Дусю и Г.Н. Войтинский приглашены не были.

Китайский вопрос обсуждался и на пленарных заседаниях (11-м, 12-м и частично в ходе 13-го)⁷ и особенно подробно на заседаниях Китайской комиссии. Мы сосредоточим внимание на не публиковавшихся ранее материалах стенограммы выступлений на Китайской комиссии, поскольку они во многом дополняют картину разногласий между участниками пленума, лишь отчасти известную из опубликованных ранее выступлений на пленарных заседаниях.

Тезисы по китайскому вопросу, которые предстояло обсуждать на заседаниях Китайской комиссии пленума, были предварительно представлены ей Политбюро ЦК ВКП (б). Они рассматривались на заседании Комиссии 26 ноября 1926 г. с участием председателя Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) К.Е. Ворошилова, зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахана, зав. Восточного отдела ИККИ Ф. Петрова

(Ф.Ф. Раскольников), начальника Политуправления РККА А.С. Бубнова и М.Г. Рафеса. Изучив и обсудив тезисы, представленные Ф.Ф. Петровым, П.А. Мифом (М. Фортусом, работником аппарата ИККИ) и Дальбюро ИККИ совместно с ЦИК КПК, Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) постановила принять за основу тезисы Ф. Петрова. При этом Петрову, Бубнову и Рафесу поручалось составить тезисы, приняв во внимание все поправки, внесенные в письменном виде (поправки в архивах обнаружить не удалось). Кроме того, было указано на необходимость включить в тезисы раздел о задачах партии в армии, дав при этом оценку фактора вооруженной силы в условиях китайской революции.

Петров, первым выступивший на Комиссии с докладом, заявил, что ему, Бубнову и Рафесу не удалось прийти к согласию по ряду вопросов. Поэтому на рассмотрение Комиссии были представлены три доработанных проекта тезисов: Петрова — Бубнова, Мифа — Кучумова⁸ и от Дальбюро ИККИ — Рафеса.

В дискуссии, развернувшейся на основе указанных трех проектов тезисов, а также же докладов Тань Линшаня, участвовали: Ф.Ф. Петров, М.Г. Рафес, П.А. Миф, И.В. Сталин и Цай Хэсэнь — на первом заседании 30 ноября; Чарли (Н.М. Насонов, представитель КИМ в Китае), японский коммунист Сэн Катаяма, Б.А. Васильев (зам. зав. Орготделом ИККИ, политсекретарь Восточного отдела ИККИ), А.С. Бубнов, М.Н. Рой, Н.М. Бухарин, Ферди Бекир (представитель Компартии Турции в ИККИ), Милютин⁹, Л.Н. Геллер (зав. Восточным отделом Профинтерна) — на втором заседании 1 декабря; Жэнь Биши, В.Д. Каспарова (зав. отделом Востока Международного женского секретариата), Мещеряков (член Президиума Крестинтерна), Тань Пиншань — на третьем заседании 2 декабря. Из материалов работы Китайской комиссии опубликованы выступления И.В. Сталина¹⁰ (на 10-й день после его выступления) и Н.И. Бухарина (в 1996 г.)¹¹.

Изложить все вопросы, которые поднимались в каждом из выступлений на китайской комиссии, невозможно в рамках одной статьи. Проследим главным образом оценки выступавшими текущего этапа революции, ее перспектив, движущих сил, возможностей китайского рабочего класса завоевать под руководством КПК положение гегемона революции, роли крестьянских масс в ней и способов решения аграрного вопроса, характера власти после победы революции и другие. Из стенограммы вырисовывается широкий разброс мнений участников дискуссии, главным образом по вопросам тактики КПК.

Почти все участники дискуссии стояли на той точке зрения, что на текущем этапе революции в Китае главным ее вопросом является крестьянский. Различия обнаружались в подходах к тактике его решения. Так, Ф. Петров увязывал этот вопрос с проблемой единого фронта национальных революционных сил, политическими представителями которых были ГМД и КПК. Он утверждал, что «главная генеральная линия размежевания (между союзниками по единому фронту. — А.К.) идет в отношении требований аграрной программы», отмечая, что его оппоненты — Петров и Миф — «исходили из того, что они составляют не аграрную программу на долгий период времени, а программу действий, формулирующую аграрные требования, на которой можно объединить крестьянство и подвести базис под аграрную революцию»¹². Миф стоял на крайне левых позициях, настаивал на создании в Китае крестьянских советов и на переходе всей власти в их руки, на выселении из деревень всех помещиков, джентри и т.д.¹³ Петров оценивал эти лозунги как преждевременные, предлагая выдвигать лозунги уничтожения арендной платы, максимального снижения налогового бремени, упразднения многообразных видов налогов на крестьян и замены их единым прогрессивным налогом, тогда как немедленной конфискации должны подлежать земли «только джентри и кулацеских элементов деревни, которые поддерживают Чжан Цзолиня»¹⁴ (маньчжурского милитариста, который тогда считался главным противником ГМД). В целом позицию Петрова и Бубнова, выражавших линию Коминтерна в аграрном вопросе, поддерживали делегаты КПК, Сэн

Катаяма, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин. Ф. Петров подверг критике как позицию Чэнь Дусю, который считал, что «Гоминьдан является партией, охватывающей все классы, и в корне не может базироваться на крестьянстве»¹⁵, так и вывод М. Рафеса о том, что компартия не может руководить крестьянством, так как «она ведет крестьянство не под своим знаменем, а под знаменем Гоминьдана или крестьянских союзов...» и потому крестьянским движением будет руководить некая «рабоче-крестьянская партия»: «Может быть, что этой партией и будет в дальнейшем Гоминьдан»¹⁶.

Петров и Миф расходились также в определении текущего этапа китайской революции. Миф говорил о перерастании «теперешней буржуазно-демократической революции в непосредственно социалистическую революцию», Петров находил, что национальная революция еще далеко не закончилась¹⁷.

Все выступавшие так или иначе исходили из того, что завоевание рабочим классом гегемонии в революции является центральной задачей КПК. Ф. Петров, выражая мнение Дальневосточного отдела ИККИ, заявлял, что те, кто преувеличивают буржуазную опасность внутри Гоминьдана, страдают неверием в силы пролетариата. Одну из основных задач, стоявших перед КПК, он видел в обеспечении гегемонии пролетариата в национально-революционном блоке. Он считал преувеличением утверждение, будто «уже сейчас китайский пролетариат является гегемоном национально-революционного движения», вместе с тем полагая, что «постепенно рабочий класс Китая начинает играть руководящую роль», а завоевание его гегемонии – исторический процесс, «который распространяется на *определенный отрезок времени*» (курсив мой. – А.К.). Задача компартии состоит в том, чтобы «лишь наметить общую генеральную линию, держать курс на эту гегемонию и всячески содействовать завоеванию пролетариатом руководящей роли в национально-освободительном движении»¹⁸.

М. Рафес в своем выступлении изложил существо споров Дальбюро ИККИ с руководителями КПК по вопросу о гегемонии пролетариата в китайской революции. Он заявил, что среди лидеров китайских коммунистов нет таких, кто бы не понимал, что без достижения гегемонии пролетариата завершить революцию невозможно. Однако некоторые из них рассматривают гегемонию пролетариата как идею международную, полагая, что «это будет гегемония мирового пролетариата» и уповая на руководство Коминтерна и СССР китайской революцией. По мнению Дальбюро ИККИ, такая трактовка умаляла роль китайского пролетариата. «Борьба за раскачивание пролетариата необходима, нужно готовить китайский (подчеркиваю: китайский) пролетариат к роли гегемона революции на следующем ее этапе»¹⁹. От имени Дальбюро ИККИ М. Рафес поддержал точку зрения тех, кто не считал, будто национальная революция окончилась, – «ибо мы ее понимаем как длительный процесс борьбы основных сил китайского общества против империализма...»²⁰.

П. Миф в своем выступлении утверждал, что «пролетариат выдвинулся на роль политического руководителя революционного движения современного Китая»²¹. Он не согласился с тезисом М. Рафеса о том, что «буржуазия сейчас выдвигается в большей мере на роль гегемона в движении»²².

Из других проблем наибольшее внимание выступавшие уделяли перспективам китайской революции, проблеме единого фронта в условиях процесса размежевания классовых сил. В связи с этим предлагались разные оценки революционных возможностей китайской буржуазии, предпринимались попытки определить соотношение сил и роли рабочего класса и буржуазии как главных претендентов на роль гегемона в революции. Высказывались также мнения о возможных путях развития революционного процесса в Китае.

30 ноября на первом заседании Китайской комиссии с известной речью «О перспективах революции в Китае» выступил И.В. Сталин. Она возымела большое влияние на формирование выводов Китайской комиссии и в целом VII пленума по китайскому

вопросу. Мы напомним лишь отдельные тезисы, касающиеся оценок характера, движущих сил и перспектив китайской революции.

Определяя перспективную роль китайского пролетариата, Сталин исходил из своего понимания особенностей китайской революции. Первую особенность он усматривал в том, что она, будучи буржуазно-демократической, являлась «вместе с тем национальной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае», вторую — в слабости китайской национальной буржуазии, а третью — в том, «что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае»²³. Из факта слабости национальной буржуазии в Китае он заключал, что «роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата и его партии»²⁴. Сталин полагал, что в представленных на рассмотрение Китайской комиссии тезисах недостаточно подчеркивались роль и значение рабочего класса Китая²⁵. Он расценил как большую ошибку мнение тех китайских коммунистов, которые полагали, что борьба рабочих за улучшение своего материального и правового положения на территориях, контролируемых ГМД, нежелательна, и отговаривали их от забастовок²⁶. В то же время он считал гегемонию пролетариата перспективной, к ее достижению подходил как к процессу и призывал коммунистов Китая больше внимания уделять рабочему классу.

Оценивая политический характер будущей власти в Китае, Сталин полагал, что это будет «что-нибудь вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу. Это будет власть переходная к некапиталистическому, точнее, к социалистическому развитию Китая»²⁷.

Отдельный раздел своей речи Сталин посвятил роли «революционной армии в Китае», имея в виду НРА. «В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции, — утверждал он. — В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае»²⁸. Данное положение не разделили ряд выступавших на Китайской комиссии, в том числе Тань Пиншань и Жэнь Биши, и оно не вошло в «Резолюцию о положении в Китае».

На Китайской комиссии и пленарном заседании прозвучало и другое понимание особенностей китайской революции. Ф. Раскольников заявил, что «в настоящий момент китайская революция развивается по двум основным путям. Первое русло, это — революционное движение общественных сил, это рост рабочего и крестьянского движения, рост национально-освободительного движения вообще. Второй путь — это непосредственное наступление кантонских войск и Народных революционных армий (действовавших на Севере Национальных армий под командованием Фэн Юйсяна. — *А.К.*). Таким образом, наряду с политическим массовым движением, национальная революция складывается себе путь непосредственно военной силой»²⁹. В выступлениях других участников дискуссии отмечалось, что успехи военных сил опережали рост рабочего и крестьянского движений, высказывалось мнение о необходимости «выравнивания» этих двух потоков развития революции.

Тань Пиншань, выступая на Китайской комиссии и на пленарном заседании, много внимания уделил вопросу о завоевании пролетариатом гегемонии в революции и текущей его роли. Доказывая, что «китайский пролетариат действительно способен завоевать гегемонию в национальной революции», он напомнил о роли, которую сыграл пролетариат после шанхайских событий 1925 г.³⁰, особенно в проведении забастовок в Шанхае, Сянгане и Гуанчжоу и в упорении положения гоминьдановского гуанчжоуского правительства. Вместе с тем, он указал на «попытки буржуазии вырвать гегемонию из

рук пролетариата», заявил, что *«гегемония пролетариата в китайской революции недостаточно обеспечена»*³¹ (курсив мой. — А.К.). Чтобы овладеть руководством в революции, китайский рабочий класс должен был, по его мнению, завоевать широкие крестьянские массы, заручиться поддержкой со стороны мелкой городской буржуазии и воспрепятствовать «поправлению» буржуазии; укреплять и расширять профессиональное движение, добиваясь, прежде всего, организации промышленных и сельских рабочих и ремесленников, а компартия должна повести эти элементы на революционную борьбу. Китайский пролетариат должен завоевать также поддержку со стороны международного пролетариата³².

По его мнению, «китайский пролетариат не только будет играть роль движущего фактора в грядущей пролетарской революции, — он является движущей силой и в нынешней национальной революции», выразил уверенность в том, что *«без мощного рабочего движения не сможет развиваться и национальная борьба»* (курсив мой. — А.К.). Упадок и подъем рабочего движения в Китае одновременно означают упадок и подъем всего национального движения³³.

В своем письменном докладе от 6 ноября 1926 г., представленном VII пленуму ИККИ и его Китайской комиссии. Тань Пиншань отметил прогресс китайского пролетариата за последние шесть-семь лет: под влиянием стачечного движения организация пролетариата усилилась настолько, что Всеобщее объединение профсоюзов Китая, союз железнодорожников и профсоюз моряков якобы охватили всю страну. «В каждой национальной битве стала обнаруживаться громадная мощь рабоче-крестьянских масс. Во всех таких боях пролетариат являлся главным фактором и главной силой движения»³⁴. В целом высоко оценив уровень профессионального движения, Тань Пиншань обратил внимание на такие его слабые стороны, как недостаточная прочность организаций и отсутствие целостной программы экономической борьбы³⁵.

Тань Пиншань отметил факт расширения и консолидации компартии Китая, которая только за последний год увеличила свои ряды в четыре раза, и объявил ее «стараном национальной революции»³⁶. В числе недостатков в работе КПК он отметил отсутствие охвата ею всей страны, слабость низовых кадров; организация «не совсем здорова», члены заводских ячеек не обладают необходимой подготовкой и опытом, ячейки недостаточно сильны; *«идеологическая подготовка партии мала, и партия не обладает международным опытом»*³⁷ (курсив мой. — А.К.).

С комплиментарными выводами Тань Пиншаня относительно состояния пролетариата и профсоюзного движения не согласились Цай Хэсэнь и Жао Шуши. Цай Хэсэнь сосредоточил внимание главным образом на недостатках и ошибках, которые КПК допустила в оценке социальных сил революции. Одну из ошибок он усмотрел в переоценке сил рабочего класса³⁸, другую — в недооценке значения и роли китайской буржуазии, особенно после подавления выступлений рабочих и студентов в Шанхае 30 мая 1925 г., когда «наши товарищи рассматривали почти всю буржуазию как контрреволюционную»³⁹. По вопросу о гегемонии пролетариата Цай Хэсэнь занял позицию, сходную с изложенной в докладе Ф. Петрова. Цай Хэсэнь, в частности, выразил уверенность в том, что пролетариат сумеет завоевать гегемонию в революции, «но это он сумеет сделать лишь при известных условиях. Наша задача заключается в том, чтобы создать эти условия»⁴⁰. Он не согласился с прозвучавшим в ходе дискуссии мнением о том, что главным вопросом китайской революции является только крестьянский вопрос. Таких вопросов он видел два: аграрный и о едином фронте⁴¹.

Сэн Катаяма на первое место выдвинул необходимость сформулировать лозунги, под которыми партия сможет удержать под своим руководством крестьянство⁴². В связи с этим он весьма критически оценил тезисы Мифа.

Выступая на том же заседании, Б. Васильев дал высокую оценку предложениям И.В. Сталина. Их Васильев предлагал положить в основу тех тезисов, «которые и долж-

ны быть тезисами нашей комиссии». Вместе с тем, он не согласился с утверждением Сталина о том, что состояние крестьянства в китайской деревне, в том числе в южнокитайской, не позволяет рассчитывать на массовое его вовлечение в ближайшее время в политическое движение. Васильев заявил, что южнокитайское крестьянство уже вовлечено «в большое политическое движение и борьбу»: в Северном походе НРА гуанчжоуские войска одержали победу не вследствие поддержки со стороны буржуазии, а потому, что войска были активнейшим образом поддержаны крестьянством. Он расценил постановку вопроса Центральным комитетом КПК «о разворачивании лозунгов крестьянских требований в целях подъема китайской революции на следующий этап» как совершенно неприемлемую «ультралевую линию», так как, с его точки зрения, основной вопрос заключался в том, чтобы «закрепиться на нынешнем этапе». Остановившись на положении внутри партии и профсоюзов в Гуандуне, Васильев предостерег от переоценки их сил⁴³.

А.С. Бубнов в своем выступлении также значительное место уделил рабочему вопросу. Он отметил, что против рабочего класса Китая «будет действовать не только прожженная китайская компрадорская буржуазия, но и самые ловкие пройдохи пломбированного по части надувательства китайского народа империализма»⁴⁴. В связи с этим он призвал вести такую политику, чтобы всемерно усиливать руководящее влияние рабочего класса на торгово-промышленную буржуазию и крестьянство. Он считал, как и Цай Хэсэнь, необходимым на том этапе «подготовить (курсив мой. — А.К.) рабочий класс в Китае к роли гегемона революции»⁴⁵. Признавая, что профессиональное движение «еще очень молодо», «еще не выработало устойчивости, не установило профессиональной дисциплины», Бубнов в то же время подчеркнул, что оно имеет «отличные перспективы», — судя по тому, что рабочие «в такой тягчайшей обстановке, как шанхайская» сумели прекрасно организовать работу. В отличие от Васильева, Тань Пиншаня и Цай Хэсэня Бубнов дал высокую оценку зрелости и боевых качеств КПК, считая, что партия имеет «боевую закалку», «своих вождей и свои кадры». В подтверждение он привел тот факт, что в ЦИК КПК «имеются уже несколько рабочих. В целом ряде партийных комитетов сидят настоящие пролетарии. Секретари парткомитетов представляют из себя хороших революционеров и отличных политиков...»⁴⁶

М.Н. Рой высказал критические замечания по всем трем тезисам. В частности, по поводу тезисов Петрова — Бубнова он заявил, что хотя там несколько раз и поднимается вопрос о гегемонии пролетариата, однако Петров в своем докладе определенно утверждал, будто «условия для гегемонии пролетариата не существуют в Китае. Как следствие этой концепции, — заключил Рой, — он отвел пролетариату второстепенное место в китайской революции»⁴⁷. Свою точку зрения Рой сформулировал так: «Я хочу сказать очень ясно, что пролетариат является доминирующим (господствующим) фактором революции»⁴⁸. Он выразил недовольство тем, что Сталин в своем выступлении, высказавшись относительно национализации некоторых предприятий, якобы обошел вопрос о земле⁴⁹. Между тем, в опубликованной речи Сталина по этому вопросу говорится следующее: «Каковы должны быть перспективы в этом отношении и до каких пределов можно и нужно пойти — это зависит от хода революции (курсив мой. — А.К.). Я думаю, что дело надо, в конце концов, вести к национализации земли. Во всяком случае, мы не можем зарекаться от такого лозунга...»⁵⁰. Таким образом, национализация земли в речи Сталина представляла в качестве перспективы. Содержался ли этот тезис в его выступлении на Китайской комиссии, выяснить не представляется возможным, поскольку в стенограмме его речь отсутствует. Можно предположить, что это положение было им сформулировано с учетом материалов дискуссии.

Поскольку выступление Н.И. Бухарина на Китайской комиссии уже было опубликовано⁵¹, здесь мы коснемся лишь главных положений его речи. Он затронул ряд узловых вопросов китайской революции: о ее перспективах, характере будущей власти в Китае, об этапах революции, аграрной революции и др. Бухарин солидаризировался с мне-

нием Сталина как о перспективах революции в Китае, имея в виду курс на некапиталистическое (социалистическое) развитие, так и о структуре власти, социально-экономической структуре государства с позиций этой перспективы, высказался за диктатуру пролетариата и крестьянства с антиимпериалистическим содержанием. Для выявления непосредственных задач, стоявших перед КПК на текущем этапе, он предпринял попытку определить этапы китайской революции. В отношении текущего момента Бухарин высказался следующим образом: «Теперь, на мой взгляд, мы находимся *на пороге третьего этапа* в развитии революционного процесса. Предстоит перегруппировка сил. Ближайший этап... ознаменуется *блокированием между пролетариатом, крестьянством и городской мелкой буржуазией* (оба фрагмента выделены в документе. – А.К.), при устранении крупной капиталистической буржуазии»⁵². Однако, по мнению Бухарина, вовсе не следует форсировать этот процесс. Как раз наоборот, считал он, нужно использовать все политические силы до последней возможности.

Бухарин заявил, что переход к третьему этапу развития китайской революции определяет «*проблема аграрной реформы или аграрной революции*»⁵³ (курсив мой. – А.К.); поскольку «мы теперь находимся на пороге перехода к третьей волне революции», то «острое значение приобретает аграрный вопрос». Свои рассуждения он заключил широким известным выводом: «Мы вынуждены выбирать между крестьянством и буржуазией. Мы, безусловно, выберем крестьянство»⁵⁴. По сути это означало выбор между единым фронтом и аграрной революцией. Пленум высказался за вторую перспективу.

Представитель Профинтерна Л. Геллер солидаризировался с Бухариным в оценке текущего момента как переходного к третьему этапу. Крупную буржуазию он считал «чрезвычайно соглашательской, половинчатой», стремившейся «к соглашению с империализмом»⁵⁵. Китайский пролетариат, по его мнению, вписал «самую блестящую страницу в истории национально-освободительной борьбы», являясь не только застрельщиком, но и «основным кадром» национально-освободительного движения. Крупная буржуазия поняла это еще в 1923 г. в связи с политической забастовкой железнодорожников и сначала боролась с рабочим и национальным движением «извне», а ныне начала бороться и с тем, и с другим движением «изнутри», т.е. в самом ГМД. И если часть крупной буржуазии идет в лагерь ГМД, пояснял он, то это «не потому, что произошел сдвиг в ее взглядах, а только потому, что она усвоила новую, более тонкую тактику». Геллер отметил, что «несмотря на ультралевый уклон некоторых товарищей и в Кантоне, и на Севере... *в рабочем вопросе мы видим все время довольно большой оппортунизм*»⁵⁶ (курсив мой. – А.К.). В доказательство он приводил примеры того, как в шанхайских и других забастовках «*экономические требования рабочих иногда слишком отнеслись на задний план. Рабочие используют в значительной степени, как главный таран для политических целей, но не всегда обращается достаточное внимание на экономические требования рабочих...*»⁵⁷ (выделено в документе. – А.К.).

Жэнь Биши, приняв участие в дискуссии, утверждал, что «китайская буржуазия не запугана рабочим движением, как сказано в тезисах т. Мифа, а совершенно наоборот, рост рабочего движения толкает буржуазию на усиление политической активности и борьбу за руководство национально-освободительным движением»⁵⁸. Жэнь Биши высказал опасение и в связи с усилением военного фактора в революции. Он заявил, что НРА «может быть вполне использована не нами, не пролетарским влиянием, а использована буржуазией»⁵⁹. Это его опасение, к сожалению, в 1927 г. оправдалось. Сопоставляя возможности завоевания гегемонии в революции буржуазией и пролетариатом, Жэнь Биши высказал убеждение, что у китайского пролетариата их все-таки больше, поскольку китайская национальная буржуазия пока малоактивна на арене политической борьбы. Жэнь Биши выступил против переоценки роли буржуазии в революции, которую, по его мнению, допустил Рафес. Последнее обстоятельство свидетельствует, что мнения представителя Дальбюро ИККИ и делегации КПК совпадали далеко не во всем.

Главными задачами пролетариата Китая на текущем этапе Жэнь Биши считал усиление влияния рабочих и крестьян внутри ГМД. При этом коммунисты должны через рабочих и крестьян, входящих в ГМД, «непосредственно влиять на политику Гоминьдана и влиять на политическую жизнь страны»⁶⁰. Отвечая тем, кто полагал, что КПК не может осуществлять политическое руководство внутри ГМД и поэтому ей нужно найти какие-то другие организационные формы для завоевания широких масс, Жэнь Биши такой организационной формой назвал левое крыло ГМД, которое КПК и должна была всемерно укреплять⁶¹.

Солидаризируясь с Л. Геллером, он привел примеры недостатков в рабочей политике КПК. Кроме того, его настораживало то обстоятельство, что рабочие Ухани, ставшей после прихода туда войск Северного похода резиденцией гоминьдановского Национального правительства, обрета возможность свободной организации профсоюзов и получив для них хорошее помещение, начинали считать это заслугой гуанчжоуского правительства, а не компартии. Жэнь Биши полагал, что если и дальше будет развиваться такая тенденция, то «это неизбежно будет иметь оппортунистический результат и ослабит влияние нашей партии среди рабочих»⁶². Он согласился с мнением тех выступавших, кто считал, что для завоевания пролетариатом гегемонии нужно «развивать работу среди крестьян» и добиваться влияния рабочего класса в их массах⁶³. Поэтому работа партии среди рабочего класса приобретает еще большую важность. В связи с этим он высказал убеждение, что «нужно объединить все 100% промышленных рабочих... организовать ремесленников», подчеркнув, что многие рабочие организованы лишь формально. В отличие от Тань Пиншаня он считал примером такой формальной организации и объединение рабочих-железнодорожников: «...сейчас на Севере этот союз не играет никакой роли. Точно так же и на Юге»⁶⁴. Жэнь Биши пришел к выводу, что главной задачей КПК является развитие крестьянского и рабочего движения, а второй задачей – усиление и расширение левого крыла ГМД за счет рабочих и крестьянских масс⁶⁵. Он сделал упор на необходимости вовлечения масс рабочих и крестьян в КПК, поскольку она, объединяя всего около 13 000 коммунистов, не в состоянии справиться со стоящими перед ней задачами⁶⁶.

Важное место в работе Китайской комиссии занял вопрос о роли армии в революции и военной работе КПК. В тезисах Петрова – Бубнова говорилось о том, что НРА «является крупнейшим фактором» развития китайской революции, поэтому КПК «должна приложить максимальную энергию в целях поднятия политработы в армии», укреплять там партийные ячейки, привлекать рабочие массы «к оказанию повсеместной помощи нацревармии», добиваться вооружения крестьянства⁶⁷. И.В. Сталин в своем выступлении назвал военное дело «важнейшим фактором китайской революции», подчеркивал, что «китайские революционеры, а значит и коммунисты, должны изучить военное дело для того, чтобы постепенно продвигаться вперед и занять в революционной армии те или иные руководящие посты... (отточие мое. – А.К.). Без этого шатания и колебания в армии могут стать неизбежностью»⁶⁸. Н.И. Бухарин в выступлении на Китайской комиссии заявил о своей полной поддержке этих высказываний Сталина. Он подчеркнул: «Наша политика есть перманентное стремление к завоеванию позиций в армии (курсив мой. – А.К.), в правительстве, в государственном аппарате, как в провинции, так и в центре»⁶⁹.

Однако в Резолюции VII пленума ИККИ по вопросу о положении в Китае от 16 декабря 1926 г. задачи КПК по работе в армии были заметно сужены: «Киткомпартия должна приложить максимальную энергию в целях поднятия политработы в армии и укрепления в военных ячейках левых течений Гоминьдана»⁷⁰. В Резолюции пленума сохранилась, по существу, директива Компартии Китая, предписывавшая в связи с неизбежным развитием «вооруженной борьбы в деревне» принять все меры к тому, чтобы побудить Национальное правительство «к оказанию реальной помощи военным инст-

руктажем, военным вооружением и боеприпасами крестьянским отрядам и крестьянским организациям, добиваясь этим путем влияния на революционное движение крестьянских масс»⁷¹. В этом проявилась завышенная оценка народного характера НРА и революционности «левого» Уханьского правительства.

Тань Пиншань, выступивший 2 декабря с заключительным словом, отверг предложения Мифа по аграрной программе и солидаризировался по этому вопросу с Петровым и Бухариным. Касаясь рабочей политики партии, Тань Пиншань указал на необходимость выдвижения требований об ограничении продолжительности рабочего времени и разработки программы экономической борьбы. Он подтвердил оценку состояния рабочего класса, которую дал Жэнь Биши⁷². Много внимания Тань Пиншань уделил условиям и причинам «событий 20 марта» 1926 г. (бескровный военный переворот Чан Кайши в Гуанчжоу. — А.К.), недостаткам и слабым сторонам КПК. В частности, он указал на то, что партия не смогла охватить своим руководством целый ряд стихийных крестьянских восстаний, отметил недостаточную организационную работу среди рабочих, а также в военной области, отсутствие в партии достаточной внутренней политической жизни, в том числе споров по принципиальным политическим вопросам, преобладание механического подчинения и механической дисциплины. Последнее он объяснял упущениями в политико-воспитательной работе⁷³.

Возможные перспективы развития Китая рассматривались и на Китайской комиссии, и на пленарных заседаниях. Ф.Ф. Раскольников, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин в выступлениях на Китайской комиссии выдвинули идею некапиталистического (социалистического) развития, причем Бухарин не исключал при определенных условиях второй перспективы — «прогрессивного» капиталистического развития страны⁷⁴. О возможности второй перспективы высказались только два участника Китайской комиссии: представитель турецких коммунистов Б. Ферди (на пленарном заседании) и Ф.Ф. Раскольников. Они оба не исключали возможности «турецкого», «кемалистского пути» развития китайской революции, т.е. продолжения борьбы ГМД против империализма без коммунистов и даже против них. Наиболее пространно представления о возможных путях китайской революции и условиях, при которых она может развиваться по первому или второму пути, изложил Ф. Петров. Он не исключал возможности победы Чжан Цзолиня (мукденской клики), что означало бы «победу империалистов, нанесло бы огромный ущерб, на некоторое время задержало бы дальнейшее развитие китайской революции»⁷⁵. Но если Чжан Цзолинь будет разбит, то возможны два пути развития китайской революции. Первый, аналогичный турецкому, возможен в том случае, если у власти станут правые гоминьдановцы, связанные с буржуазией, которая «заклучит соглашение с империалистами». Однако «больше вероятней, что Китай пойдет по некапиталистическому пути, при установлении господства блока рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии». Это не означает, что в Китае немедленно установится советская власть, но «если Китай пойдет по некапиталистическому пути развития, то в нем временно установится политический режим, занимающий среднее промежуточное положение между буржуазным парламентаризмом и советской демократией»⁷⁶. К числу благоприятных условий, облегчающих такое развитие событий, Ф. Петров относил кризис мирового капитализма, поддержку со стороны рабочего класса Запада, географическую близость Китая к Советскому Союзу и удаленность «от основных центров военно-политического могущества империалистов»⁷⁷. Таким образом, даже у зав. Восточным отделом ИККИ были расхождения со Сталиным и Бухариным по вопросу о некапиталистическом пути китайской революции.

Важно отметить, что члены делегации КПК как на Китайской комиссии, так и на пленарных заседаниях воздержались от высказываний по тезису о некапиталистическом развитии Китая. Можно предположить, что причиной этого явилось отсутствие на пленуме генсека ЦИК КПК Чэнь Дусю, без ведома которого делегаты не решились определиться с ответом на этот неожиданный для них вопрос. Что касается разработок ЦИК

КПК перспектив развития национально-революционного движения в Китае, то они были изложены в принятом III расширенным пленумом ЦИК КПК (Шанхай, 12–18 июля 1926 г.) Политическом отчете ЦИК КПК⁷⁹. Документ был принят еще в самом начале Северного похода, до начала подъема революции. В нем говорилось о двух возможных путях национального движения: «один из них – рабочие и крестьяне берут на себя руководство мелкой буржуазией, приводят в движение буржуазию и революционным путем добиваются построения национального капитализма; другой – компрадорская по своей сущности буржуазия, прибрав к рукам мелкую буржуазию и объединившись с компрадорами, идет на соглашательство с империализмом, душит революционное движение, что приводит к осуществлению капиталистической агрессии в соответствии с планом Дауэса»⁷⁹. Согласно этому документу, «долг» партии состоит в том, чтобы «всемерно умножать силы рабоче-крестьянских масс, взять на себя руководство мелкой буржуазией, поднять на борьбу буржуазию и на всех этапах укреплять единый фронт национального движения. При этих условиях национальное движение Китая получит возможность пойти по первому пути»⁸⁰.

О возможных двух путях развития китайской революции высказался на Китайской комиссии и на пленарном заседании Тань Пиншань. Он заявил: «Либо китайский пролетариат *сообща с мировым пролетариатом* (курсив мой. – А.К.) проведет последовательную революцию, либо же новая китайская буржуазия вырвет у пролетариата руководство революцией и при помощи империалистов создаст китайский капитализм или мало-помалу ликвидирует китайскую революцию путем компромиссов»⁸¹.

Из такой формулировки первого пути, на который ориентировался ЦИК КПК, неясно, что должен был дать «национальный капитализм» рабочим, крестьянам и вообще бедным слоям населения. Возникает также вопрос: если КПК планировала достичь успеха на этом пути развития революции силами китайского пролетариата «сообща с мировым пролетариатом», не означало ли это ожидание мировой пролетарской революции? Приведенная формулировка свидетельствует о том, что КПК тогда еще не определила путь китайской революции. В партийной печати шла дискуссия в том числе и по этому вопросу.

Высказывания участников дискуссии по наиболее важным из обсуждавшихся вопросов свидетельствуют о расхождении в оценке ими одних и тех же событий и явлений, особенно тактики решения возникших проблем.

По окончании дискуссии в Китайской комиссии была избрана редакционная комиссия, в которую вошли Тань Пиншань, Бухарин, Цай Хэсэнь, Жэнь Биши, Галлахер, Рой, Дункан, Пеппер, Бубнов, Рафес и Миф⁸². На основе проектов тезисов, главным образом проекта Петрова – Бубнова, выступлений Сталина и Бухарина и с учетом ряда положений из материалов дискуссии на Китайской комиссии и выступлений по китайскому вопросу на пленарных заседаниях редакционная комиссия выработала «Резолюцию о положении в Китае», принятую на 28-м заседании пленума ИККИ 16 декабря 1926 г.

Существенный вклад в редактирование тезисов внес Сталин⁸³. Его предложения были учтены и вошли в окончательный текст резолюции. Кроме того, Сталин предложил добавить раздел «Задачи коммунистических партий в империалистических странах», который вошел в тезисы как параграф 28. Он, как и параграфы 23–27 об армии в редакции Петрова — Бубнова, не был опубликован. Они стали известны по публикации архивного текста документа в 1986 г.⁸⁴

Принятая VII пленумом ИККИ «Резолюция по вопросу о положении в Китае» от 16 декабря 1926 г. хорошо известна историкам. Этот документ состоит из десяти разделов: I. Империализм и китайская революция. II. Общие перспективы китайской революции. III. Национальная революция и крестьянство. IV. Коммунистическая партия и Гоминьдан. V. Задачи китайской революции и характер революционного правительства. VI. Коммунистическая партия и пролетариат. VII. Организационные задачи китайской ком-

партии. VIII. Вооруженные силы национальной революции. IX. Задачи коммунистических партий в империалистических странах.

Нет необходимости излагать содержание всей резолюции, интересующиеся могут обратиться непосредственно к документу⁸⁵. Отметим лишь главные его положения. Китайская революция была охарактеризована как буржуазно-демократическая, но «она должна приобрести характер более широкого социального движения» и ее результатом станет не чисто буржуазно-демократическое государство, а такое государство, которое будет представлять демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов. Его правительство будет революционным антиимпериалистическим правительством периода перехода к некапиталистическому (социалистическому) развитию.

Резолюция содержала установку на завоевание гегемонии пролетариата, аграрную революцию и некапиталистическую (социалистическую) перспективу революции. От КПК требовалось приложить все усилия, чтобы реализовать в конечном счете перспективу перехода на некапиталистический путь. Коммунистам рекомендовалось оставаться в ГМД как можно дольше и войти в Национальное правительство. Надежды на решение этих задач связывались с ожиданием новой перегруппировки социальных сил в пользу сил революции.

Аграрный вопрос на текущей переходной стадии развития революции рассматривался как центральная насущная проблема. «В данной обстановке в Китае пролетариат является единственным классом, способным проводить аграрную политику, – говорилось в Резолюции, – являющуюся предпосылкой победоносной борьбы и дальнейшего развития революции»⁸⁶.

Следует обратить внимание на положение, касавшееся политики в аграрном вопросе и фактически носившее директивный характер: «Опасение, что обострение классово-борьбы в деревне ослабит единый антиимпериалистический фронт, неосновательно... (отточие мое. – А.К.). Коммунистическая партия должна быть свободна от таких ошибок»⁸⁷. Между тем, главной причиной того, что группировка Чан Кайши и поддерживавшие ее силы так быстро после переворота 12 апреля 1927 г. и согласованно выступили против революции, прежде всего против КПК, на наш взгляд, стала непримиримость позиций сторон единого фронта по вопросам аграрной политики. «Аграрная революция» задевала интересы не только помещиков, но и офицерского корпуса, представители которого, как правило, были землевладельцами.

Не касаясь разработанных VII пленумом ИККИ новых положений теории, стратегии и тактики КПК, освещенных в специальной литературе⁸⁸, обратим внимание лишь на отдельные наиболее трудные для реализации положения Резолюции. Пленум не мог предугадать все повороты в ходе революции, в известной степени, как отмечалось, возлагая надежды на предстоящую перегруппировку социальных сил. И КПК для решения поставленных перед ней задач должна была фактически сама определять тактику в меняющейся обстановке, не успевая советоваться с Москвой.

В Коминтерне осознавали, что ГМД будет препятствовать желательному для КПК сценарию развития событий. Так, Н.И. Бухарин, выступая на Китайской комиссии, видел трудность проблемы в том, что «мы не можем дезорганизовать» Национальное правительство, ГМД и НРА. Поэтому от компартии требовалось проведение «чрезвычайно осторожной политики», чтобы «скромно, умно и осторожно» добиться «перегруппировки» в ГМД⁸⁹.

Главная же трудность проведения в жизнь установок Резолюции состояла в том, что она была несовместима с доктриной национальной революции, которой придерживался ГМД. Неприемлемой для ГМД была и перспектива стать преимущественно рабоче-крестьянской партией.

Основная трудность осуществления аграрной программы, намеченной VII пленумом ИККИ, состояла в том, чтобы совместить развертывание крестьянского движения и аграрной революции с необходимостью как можно дольше сохранять единый национальный антиимпериалистический фронт. Поэтому пленум на текущем этапе революции утвердил «переходные меры» (максимальное снижение арендной платы; упразднение многообразных видов налогообложения крестьянства с заменой их единым сельскохозяйственным прогрессивным налогом и др.), оставляя национализацию земли в качестве перспективного, хотя и принципиального требования аграрной программы пролетариата.

Сопоставление задач, поставленных Резолюцией VII пленума ИККИ перед Компартией Китая, с оценками, которые члены делегации КПК давали состоянию партии, степени организованности рабочего и крестьянского движений, дает основание для вывода о том, что редакционная комиссия не вполне учла эти мнения. Она полагалась на несколько эмоциональную, завышенную оценку накопленного компартией опыта и политической подготовки ее кадров, что прозвучало в выступлении А.С. Бубнова, выразившем позицию Коминтерна. В результате в Резолюции пленума ИККИ были выдвинуты задачи, превышавшие реальные силы и возможности КПК⁴⁰.

1. Текст резолюции см.: Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1986. С. 89–105.
2. Более подробно об этом см.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II. Ч. 2. М., 1996. С. 530 (введение), а также в документах этого тома: № 137–140, 158, 162, 171, 176, 187, 188 и др.
3. Там же. С. 629.
4. Более подробно об этом см.: *Карпунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 189–190. Текст «Объяснительной записки ЦК КПК к резолюции по китайскому вопросу VII пленума ИККИ» см.: Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1990. Т. 3. С. 19–23.
5. Освещенные работы Китайской комиссии с некоторыми цитатами из выступлений ее участников без ссылок на источник см., напр.: *Глушин В.И.* Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.): в 2 кн. Кн. 2. КПК в период высшего подъема и поражения революции (1926–1927 гг.). М., 1975. С. 332–334.
6. Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 89.
7. Доклад Тань Пиншаня на пленарном заседании, его письменный доклад и выступления по его докладу на пленарных заседаниях см.: Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 22 ноября—16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 395–466.
8. В.Н. Кучумов — зав. иностранным курсом Коммунистического университета трудящихся Китая.
9. Пост и инициалы не выяснены.
10. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М., 1950. С. 357–374.
11. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. II. Ч. 2. С. 538–545.
12. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 8.
13. Там же. Л. 9.
14. Там же. Л. 21.
15. Там же. Л. 23.
16. Там же. Л. 24.
17. Там же. Л. 9, 12.
18. Там же. Л. 33–34.
19. Там же. Л. 44–45.
20. Там же. Л. 46.
21. Там же. Л. 72.
22. Там же. Л. 73.

23. *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 366, 371. В стенограмме Китайской комиссии VII пленума ИККИ текст речи Сталина отсутствует. Вероятно, Сталин вносил правку при подготовке речи к публикации с учетом высказываний некоторых участников работы комиссии.
24. Там же. С. 371.
25. Там же.
26. Там же. С. 372.
27. Там же. С. 366.
28. Там же. С. 363.
29. Пути мировой революции... Т. 1. С. 444.
30. Выступления рабочих и студентов 30 мая 1925 г., которые считаются началом национальной революции 1925–1927 гг.
31. Там же. С. 399.
32. Там же.
33. Там же. С. 400.
34. Там же. С. 403.
35. Там же. С. 413.
36. Там же. С. 400.
37. Там же.
38. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 112–113.
39. Там же. Л. 113.
40. Там же. Л. 114.
41. Там же. Л. 119.
42. Там же. Д. 269. Л. 11.
43. Там же. Л. 14, 17–18, 19, 20.
44. Там же. Л. 28.
45. Там же. Л. 29.
46. Там же.
47. Там же. Л. 30.
48. Там же. Л. 31.
49. Там же. Л. 34.
50. *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 369.
51. См. примеч. 10.
52. По стенограмме: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 269. Л. 48. По публикации: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 2. С. 541.
53. По публикации: Там же.
54. Там же. С. 544.
55. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 269. Л. 67.
56. Там же. Л. 67–68.
57. Там же. Л. 71.
58. Там же. Д. 271. Л. 6.
59. Там же. Л. 7.
60. Там же. Л. 14.
61. Там же. Л. 15.
62. Там же. Л. 17.
63. Там же. Л. 24.
64. Там же. Л. 25.
65. Там же. Л. 24.
66. Там же.
67. Цит. по: *Глушин В.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 233.
68. *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С. 364.
69. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 2. С. 543.
70. Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 104.
71. Там же. Следует отметить, что еще VI расширенный пленум ИККИ (17 февраля—15 марта 1926 г.) выдвинул такой лозунг для КПК: «Всемерное усиление военной работы партии и Гоминьдана по вооружению рабочих и крестьян». См.: Там же. С. 79. Но в то время не шла речь о такой работе на уровне Национального правительства.

72. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 271. Л. 50.
73. Там же. Л. 53–54.
74. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 2. С. 542.
75. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 36. Высказывание Б. Ферди см.: Пути мировой революции... Т. 1. С. 274.
76. Там же. Л. 37.
77. Там же. Л. 38.
78. Текст Политического отчета ЦИК КПК см.: Чжунгуи чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Т. 2 (1926 г.). Пекин. 1990. С. 170–171.
79. Видимо, имеется в виду репарационный план для Германии, разработанный в 1923–1924 гг. международным комитетом экспертов под руководством американского банкира Дауэса. План предусматривал ограничение экономического суверенитета Германии и проникновение в нее иностранного капитала.
80. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1949 гг.: в 4 т. Т. 1, кн. 2. М., 1977. С. 217.
81. Пути мировой революции... Т. 1. С. 399.
82. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 271. Л. 64. У. Галлахер – британский коммунист; Дункан (псевд.) — американский коммунист Роберт Минор; Джон Пеппер (Йозеф Погани) – венгерский коммунист, зав. Информотделом ИККИ.
83. Поправки Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 157. Л. 1а, 2, 3, 4; Коминтерн и Восток. М., 1969. С. 151.
84. См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 194–105.
85. См.: Там же. С. 89–105. В документе опечатка: вместо VIII и IX разделов значатся IX и X.
86. Там же. С. 95.
87. Там же. С. 96.
88. Развернутая характеристика решений VII расширенного пленума ИККИ по китайскому вопросу была дана в статье «Китайская революция и задачи коммунистической партии в журнале «Коммунистический Интернационал» (1926. № 13. С. 3–8), в статье А. Мартынова «К перегруппировке сил китайской революции» (Там же. 1927. № 8. С. 9–18), а также в книге: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 263–266. Все они отражают официальную точку зрения.
89. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 2. С. 543.
90. Об этом писал, напр., Г. Войтинский. «Вопрос об участии коммунистов в Национальном правительстве, как он поставлен в докладе тов. Сталина и в резолюции пленума, совершенно правлен». – осторожно отмечал он (Письмо Г.Н. Войтинского в русскую делегацию в ИККИ от 21 января 1927 г. // Там же. С. 601), указывая, однако, что проведение в жизнь «тактической и организационной части» этого документа «будет зависеть от тех возможностей, которыми партия располагает. Тут не следует забывать, что кадры нашей партии еще очень молоды». – Там же. С. 606.

Советско-японское противостояние и «буддийский фактор» (1927–1945 гг.)

© 2012

Ф. Синицын

В статье анализируется воздействие «буддийского фактора» на советско-японские отношения в период 1925–1945 гг., в частности, его роль в политическом и военном противостоянии СССР и Японии.

Ключевые слова: буддизм, религиозная политика СССР, советско-японские отношения, Дальний Восток, Бурятия, Калмыкия.

Проблемы взаимоотношений между СССР и Японией достаточно полно изучены в отечественной историографии. Исследованы такие аспекты, как дипломатические отношения между двумя странами и геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1920–1940-е гг.¹, ход военных действий во время советско-японской войны 1945 г.², а также обоюдное формирование «образа врага»³. В последние два десятилетия был опубликован ряд работ, раскрывающих отдельные аспекты положения буддийской конфессии в СССР в период 1920–1940-х гг.⁴ Однако тема сопряжения «буддийского фактора» и советско-японских отношений, в частности, роли этого фактора в политическом и военном противостоянии СССР и Японии в указанный исторический период, исследована недостаточно.

Как известно, военно-политическое противостояние Советского государства и Японии началось фактически сразу после Октябрьской революции. Во время Гражданской войны Япония приняла участие в антисоветской военной интервенции, оккупировав часть территории Дальневосточной республики (Северный Сахалин оставался под японской оккупацией вплоть до 1925 г.). Установление СССР и Японией дипломатических отношений 20 января 1925 г. в определенной мере ослабило напряженность в регионе. Тем не менее, на дальневосточных рубежах Советского Союза продолжала царить беспокойная обстановка, обусловленная в том числе деятельностью белоэмигрантских организаций в Маньчжурии, недружественной политикой по отношению к СССР с стороны правительств Чжан Цзолина и Чан Кайши, а также активностью тибетского религиозного и политического деятеля Панчен-ламы IX (Панчен-Богдо), бежавшего в Китай в 1923 г. Сохранялась опасность иностранного вмешательства, вплоть до военной интервенции, во внутренние дела дружественных СССР Монгольской и Тувинской Народных Республик.

После короткого «затишья» в советско-японских отношениях ситуация изменилась к худшему, когда в декабре 1926 г. к власти в Японии пришел император Хирохито, а в апреле 1927 г. премьер-министром этой страны был назначен Г. Танака. С этого времени советское руководство все чаще стало получать по разным каналам сообщения о разработке Японией планов военного нападения на СССР⁵, а также о том, что японское

правительство намечает новый курс «на объединение народов Азии... против СССР». Особо подчеркивалось, что это начинание «будет проводиться в большей степени через буддийское духовенство и религию»⁶.

К осени 1927 г. для властей СССР дальнейшее ухудшение обстановки на «буддийском Востоке» стало очевидным ввиду «частичного поражения китайской революции», «агрессивной политики» империалистических держав, «использования ими в антисоветских делах Панчен-Богдо», включая посещение им Внутренней Монголии «с целью борьбы с большевистским влиянием». Поэтому руководство СССР сочло необходимым нивелировать воздействие «буддийского фактора» в международной политике путем «проведения совершенно гибкой и осторожной политики» по отношению к священнослужителям, принадлежавшим ко всем течениям внутри буддийской общины Советского Союза (обновленцы, консерваторы и «нейтральные»). Предполагалось тем самым предотвратить «всякие нежелательные с политической стороны последствия», включая эмиграцию лам в Монголию и Тибет и распространение ими «отрицательной информации о СССР», в т.ч. касающейся гонений на буддизм⁷. Реализация такого тактического хода по отношению к буддийской конфессии должна была также способствовать последним попыткам наладить отношения с Тибетом, которые были предприняты советским руководством в 1927–1928 гг.

Однако потепление политики по отношению к буддизму в СССР было недолгим, чему способствовали как внешнеполитические (провал советской миссии в Тибете), так и внутривнутриполитические факторы (форсирование коллективизации сельского хозяйства и других реформ). «Борьба с ламами» в СССР была объявлена «одной из очереднейших задач» по противодействию «интернациональной роли буддизма», который стал рассматриваться в качестве «реакционной силы мирового масштаба»⁸.

Советское руководство не сомневалось, что агрессивные устремления Японии будут базироваться на «буддийском факторе», так как эта религия вполне «приспособилась... для обслуживания империалистической политики» Японии⁹. Было выявлено, что японское правительство вело «напряженную работу по организации всебуддийского центра», из которого стали «исходить решительные попытки подчинить японскому влиянию буддийскую часть населения Китая, Тибета и Индии»¹⁰. Материалы ВКП(б) и Коминтерна, сообщавшие о подготовке Японией агрессии против Советского Союза и его союзников, включавшей «сосредоточение военных сил на границе СССР и Монголии» и «рассылку... эмиссаров по народным республикам», подчеркивали участие «богатейших лам» в этих акциях японцев¹¹.

Советская печать открыто заявляла, что «японский империализм имеет непосредственной задачей дальнейшее укрепление своего положения в Маньчжурии и Монголии»¹², т.е. на границах СССР. Действительно, эти территории занимали одно из главных мест в экспансионистских планах Японии. В 1931 г. японская армия оккупировала северо-восточный Китай, где в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Военная опасность для СССР в дальневосточном регионе многократно усилилась. Советская пропаганда прямо указывала на то, что Япония «метит на... весь Дальний Восток вплоть до Байкала»¹³, а в Маньчжурии «создает плацдарм для войны против СССР»¹⁴. Непременно подчеркивался «буддийский фактор» в агрессивных планах Японии — утверждалось, что «подготовка нападения на советский Дальний Восток происходит при большом участии японских церковников», а «религиозные организации Японии ведут бешеную антисоветскую агитацию, призывая захватить советское Приморье»¹⁵.

После создания Маньчжоу-Го регулярными стали советско-маньчжурские (де-факто — советско-японские) пограничные столкновения. К осени 1933 г. взаимоотношения между СССР и Японией существенно ухудшились. Советское руководство встало перед необходимостью усиления военного и морально-политического отпора по-

тенциальной японской агрессии. Поэтому в октябре 1933 г. И.В. Сталин дал сигнал для начала в Советском Союзе долгосрочной антияпонской идеологической кампании, которая имела одной из основных своих целей оправдание в глазах советских людей усиления военного присутствия на советском Дальнем Востоке, укрепление границ, строительства в этом регионе предприятий военного значения и т.д. В лице Японии создавался «образ врага»¹⁶.

Антибуддийская пропаганда стала составной частью антияпонской кампании, в которой одну из главных ролей стали играть не только советская и партийная пресса, но и антирелигиозные средства массовой информации. В материалах этих изданий красной нитью проходило утверждение, что буддизм в Японии «служит... империализму», насаждая религию с целью борьбы с революционными идеями¹⁷, являясь «мощным орудием великодержавной и монархической пропаганды»¹⁸. Утверждалось, что «многочисленные буддийские организации» Японии «помогают идеологической подготовке империалистических войн», «издают милитаристскую литературу, содействуют фашистскому движению», а «их представители играют видную роль в агитации за "большую войну"»¹⁹. Приводились данные о значительном числе буддийских священнослужителей (151 855 чел. в 1928 г.)²⁰, храмов (100 тыс. в 1928 г.)²¹ и верующих буддистов в Японии (от 18 до 42 млн чел. в 1938 г.)²², которые составляли большинство верующих в этой стране²³.

Один из деятелей «Союза воинствующих безбожников» А. Долотов апеллировал к «негативной» исторической роли буддизма, сообщая, что во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. «буддийское духовенство Японии именем будд благословляло японцев убивать русских»²⁴. Журнал «Антирелигиозник» сообщал, что в Японии буддийские монахи якобы «борются с коммунизмом», в том числе, «поддерживают» землевладельцев в их «борьбе с крестьянами»²⁵. Такие утверждения подкреплялись художественным вымыслом — например, в рассказе «Священный амулет», опубликованном в 1934 г. в журнале «Безбожник», говорилось о том, как в Японии буддийский священник выдал полиции комсомольца²⁶. Антирелигиозник С. Урсынович отмечал, что «японский империализм... проявляет исключительное внимание к буддизму», а «хищный взор неразборчивого в средствах японского грюндера, тянущегося к новым рынкам и новым завоеваниям, светится в бесстрастном взоре будд и бодисатв»²⁷. В 1936 г. советская печать сообщила, что «молодые буддийские попы в Японии ежедневно перед утренней молитвой изучают военное дело»²⁸ и участвуют в военных демонстрациях²⁹.

Пропаганда отмечала «опасное» для СССР усиление «буддийского фактора», которое отмечалось не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире (возникли новые общины, открывались храмы, проводились религиозные конференции)³⁰. В очерке Б.А. Александрова «Тибет» (1935–1936 гг.) подчеркивалось, что Япония «давно уже проявляет свои экспансионистские стремления в Тибете», где ведет «политические интриги» и пытается «использовать в своих захватнических интересах... ламские клики». Такие утверждения подкреплялись фактами «задержания в Тибете японских шпионов, буддийских лам, которые в дальнейшем оказывались японскими офицерами» и «обнаружении в Тибете японского оружия»³¹. В 1936 г. советская печать сообщила, что «в больших ламаистских храмах во Внутренней Монголии учреждены японские посты»³². Обращалось внимание на то, что во время японской оккупации в Маньчжурии существенно увеличилось количество буддийских храмов — если в 1932 г. их было 793, то к 1937 г. стало 1200³³.

Советская пропаганда делала вывод, что все буддисты земного шара «уже давно связаны» с Японией³⁴. В частности, якобы «целый ряд буддийских попов... известен активным участием в фашистском движении», а «многочисленные религиозные организации усердно помогают японским империалистам готовить и осуществлять планы грабежа и захвата»³⁵. «Преданность лам японским фашистам», по мнению антирелигиозников, «доказывалась» их «повседневной деятельностью» в Монголии, Тибете и дру-

гих странах, когда «именем Будды оправдываются все ужасы фашистской агрессии» и «японские планы захвата и порабощения Китая»³⁶.

Буддийские священнослужители всего мира обвинялись советской пропагандой в шпионаже в пользу Японии. Буддийские миссионеры рассматривались как «передовые агенты империалистического захвата»³⁷. Антирелигиозник А. Калинин утверждал, что все миссионеры — это «агенты японского империализма», которые «под видом религиозной пропаганды, культурно-расового сближения... занимаются военным шпионажем, собираньем сведений о состоянии военных сил и революционного движения в Китае»³⁸. По мнению бурятского антирелигиозного деятеля Б. Тогмитова, японцы руководили «многоотысячной армией буддийских миссионеров в Китае и других странах своего господства и “сферы влияния”»³⁹. В 1932 г. в рецензии на книгу «Поджигатели новых грабительских войн на Востоке», опубликованной в журнале «Антирелигиозник», сообщалось о деятельности буддийских священнослужителей как «агентуры японского империализма» в Китае, Маньчжурии и Монголии⁴⁰.

Обвинения в «работе» на японскую разведку звучали в адрес не только миссионеров, но и всех верующих буддистов (например, «японские империалисты не раз использовали монахов-резидентов для организации антикитайских провокаций») ⁴¹. Открытые во время японской оккупации «японские и буддийские храмы» (42 храма в Китае и 155 — в Маньчжурии) именовались «шпионскими притонами японских разведчиков», которые якобы прикрывали свою деятельность «лозунгом единства интересов китайских и японских буддистов». Пропаганда утверждала, что «когда японские генералы стали организовывать в маньчжурских городах демонстрации в честь оккупантов, то буддийские шпионы шли в первых рядах», а «в лице продажных лам японская разведка создавала свои шупальцы на территории» Монголии, где «эти ламы... не раз участвовали в организации контрреволюционных вылазок, закончившихся их разгромом»⁴². В Туве ламы были объявлены «внутренним резервом» (т.е. «пятой колонной») потенциальной японской интервенции⁴³.

Разумеется, власти с тревогой отмечали «активизацию» буддизма и внутри СССР. В частности, «усиление» культа «бога войны “Осыр-Джалма”», в честь которого в бурятском Агинском дацане в 1929 г. была построена ступа, рассматривалось как антисоветская акция, имевшая цель «заострить внимание верующих на приближении “Шамбалы”»⁴⁴ и помочь японской агрессии в подготовке войны»⁴⁵. Пропаганда сообщала о про-японских высказываниях буддийских священнослужителей — например, лама-медик Н. Дорижапов, арестованный в Бурятии в 1936 г., якобы говорил, что «скоро придет с востока Япония, с запада Германия, тогда советской власти не будет»⁴⁶.

Тем временем международная обстановка в дальневосточном регионе накалялась. В октябре 1936 г. Германия и Япония подписали протокол о военно-политическом сотрудничестве, через месяц переросший в «Антикоминтерновский пакт». В июле 1937 г. Япония начала агрессию против Китая. В том же году при помощи японских спецслужб во Внутренней Монголии был создан «Монгольский конгресс» и образовано прояпонское «автономное правительство»⁴⁷, которое возглавило созданное на территории центральной части Внутренней Монголии марионеточное государство Мэнцзян⁴⁸. Советская пропаганда отмечала, что «японское командование придает большое значение вопросу об объединении монгольских ламантов и японских буддистов»⁴⁹. Таким образом японская разведка и военные пытались использовать в своих целях идею панмонголизма. Япония призывала все монгольские народы, в т.ч. бурят и калмыков, к созданию собственного единого государства, при этом пропагандируя культурную и расовую близость монголов и японцев⁵⁰. Такое развитие событий таило опасность для СССР, руководству которого пришлось противостоять японскому влиянию на «панмонгольскую» идеологию и деятельность, сопряженную с «буддийским фактором».

Как выявил Т.В. Халудоров, советское руководство стало подозревать бурятский народ в симпатиях к Японии уже после того, как активистам Бурятской народной думы в 1919–1920 гг. удалось вовлечь часть бурятского населения в панмонгольское движение⁵¹. Действительно, советская пропаганда подчеркивала, что панмонголисты, активизировавшиеся в Бурятии в послереволюционное время, являлись «верными слугами» Японии⁵², т.к. эта держава уже тогда выставляла себя ярким сторонником создания «Великой Монголии»⁵³ и даже пыталась с помощью атамана Г.М. Семенова «создать марионеточное “панмонгольское государство”»⁵⁴. Неприятие панмонголизма в СССР официально обосновывалось тем, что эта идеология «ведет к ликвидации независимости Монголии и передаче судьбы монгольского народа в руки японских империалистов»⁵⁵. На самом деле, советское руководство, в случае создания общемонгольского государства, опасалось потери своих «монгольских» республик — Бурятии и Калмыкии.

К началу 1930-х гг. отрицательное отношение к идеологии панмонголизма в Советском Союзе усилилось, в первую очередь, из-за резко обозначившейся угрозы со стороны Японии⁵⁶. Панмонголизм теперь напрямую увязывался с «буддийским фактором», который «подпитывал» эту идеологию⁵⁷. В то же время, советская пропаганда отмечала положительный опыт противодействия панмогилизму и японскому влиянию, когда при создании в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР советские власти «не испугались» Японии и оказали отпор противникам создания этой республики, которые считали, что «это будет на руку японским империалистам» и «создаст благоприятную обстановку для японской агитации и пропаганды панмонголизма»⁵⁸. На основе этого опыта советское руководство пыталось строить противодействие панмонголизму в 1930-е гг.

В связи с обострением международной обстановки, в 1937 г. власть перешла к решительным мерам — буддийским священнослужителям в СССР было предъявлено огульное обвинение в «шпионаже». Вначале роль «агентов японской военщины» была присвоена «реакционным ламам, поддерживающим связь со своими соратниками, бежавшими за границу»⁵⁹. Священнослужителям приписывался шпионаж в пользу Японии, в том числе, в такой экзотической форме, как «под видом сбора лекарственных трав для тибетской медицины»⁶⁰. В связи с этим трудящихся призывали к усилению «бдительности в отношении религиозной агентуры фашизма», улучшению «антирелигиозной работы» и своевременному разоблачению «шпионской деятельности служителей культов»⁶¹.

В сентябре 1937 г. на 2-м пленуме Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) прозвучало обвинение в отношении всего ламства, которое якобы «имело связь с заграницей»⁶². На 3-м пленуме Бурят-Монгольского обкома в октябре 1937 г. было открыто объявлено, что все буддийские священнослужители — это «японские шпионы»⁶³. В ноябре 1937 г. в Калмыкии была выявлена «вина» буддийских священнослужителей «в развертывании контрреволюционной агитации о якобы начавшейся войне на Дальнем Востоке» (очевидно, между СССР и Японией) и распространении «в связи с этим пораженческих настроений»⁶⁴.

На фоне начавшихся массовых репрессий в отношении буддийских священнослужителей и мирян, СССР и Япония подошли к прямому вооруженному столкновению, неизбежность которого в те годы практически ни у кого не вызвала сомнений. Еще в июне 1937 г. на советском Дальнем Востоке вдоль границы с Маньчжоу-Го была установлена особо охраняемая приграничная зона шириной 300–400 км⁶⁵. Партийные органы информировали население, что «Япония активно готовится к войне против СССР»⁶⁶.

В период советско-японского военного противостояния (на озере Хасан в июле-августе 1938 г. и у реки Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г.) пропаганда «антисоветской роли» буддийского фактора достигла своей кульминации. Утверждалось, что Япония смогла осуществить свое «провокационное нападение... на наши границы» при непосредственной помощи служителей религии⁶⁷. Постоянно подчеркивался тот факт, что

Япония — это «буддийское государство», где главенствует идеология священной миссии по «объединению всех буддистов под японским главенством», поэтому во всех 86 671 буддийских храмах Японии велется «милитаристская пропаганда и агитация»⁶⁸. Буддийское духовенство Японии якобы «стремилось спекулировать на религиозных чувствах населения и призывало верующих именем... Будды к войне до победы»⁶⁹, проводя во всех храмах «моления о даровании победы японскому оружию». Пропаганда с сарказмом отмечала, что Будда как бы находится «на службе японской военщины», так как он был объявлен «священным патроном японского воинства». Сообщалось, что в одном из японских храмов «для громадной статуи Будды... был сшит суконный военный шлем соответствующих размеров, который и был надет ей на голову», а «на груди статуи вывешен плакат с надписью: “Призываю к идеологической мобилизации японской нации”»⁷⁰.

В 1938 г. было объявлено, что враждебная деятельность японцев под видом буддийской миссионерской деятельности широко распространилась на дальневосточные регионы Советского Союза⁷¹. Пропаганда педалировала «связь» бурятского и калмыцкого ламства с Японией. Утверждалось, что «интервенцию, которую готовит японский фашизм против СССР», буддийские священнослужители якобы «объявили “священной войной” небесных сил против еретиков и безбожников, в первую очередь, против русских». Ламы якобы распространяли информацию о том, что «Шамбала — это Япония». Такая деятельность, которая в советской пропаганде получила название «Учение “Шамбала”», провозглашалась «орудием контрреволюционно-пораженческой агитации в пользу японского фашизма и разжигания националистических настроений среди верующих»⁷². «Разоблаченная» в 1938 г. органами НКВД «ламская диверсионная группа» была обвинена в том, что она планировала создать из Бурят-Монголии «протекторат Японии»⁷³. Один из духовных лидеров буддистов в СССР Хамбо-лама А.Л. Доржиев, арестованный НКВД и умерший в тюрьме в январе 1938 г. был объявлен «агентом японской разведки»⁷⁴, который «своим авторитетом старшего ламы» вовлекал «в антисоветскую контрреволюционную организацию лам рангом ниже его»⁷⁵.

В 1939 г. было объявлено, что «японские попы-шпионы» проникли в СССР, где «немалое число этих бандитов было разоблачено органами советской разведки»⁷⁶. Группа буддийских священнослужителей в Бурятии была объявлена «шпионами» и «вредителями», которые, якобы «пользуясь поддержкой правотроцкистских предателей и буржуазно-националистических вредителей», создали «разветвленную организацию, имевшую свой центр в Гусиноозерском дацане», и «составили план превращения Бурят-Монголии в японскую колонию». Эта группа лам была репрессирована в 1939 г.⁷⁷

В целом, «связь с Японией» была общим местом шпиономании, развернутой в СССР во время «Большого террора». В 1930-е гг. многие советские чиновники и военачальники были арестованы по сфабрикованным делам и расстреляны как «агенты японской разведки»⁷⁸. В их числе был председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов⁷⁹. В августе и сентябре 1937 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) было депортировано все корейское население из Дальневосточного края. Оно было признано «нелояльным» в связи с тем, что Корея входила в состав Японской империи. В 1938 г. по аналогичным основаниям из Дальневосточного края было депортировано китайское население⁸⁰.

Впоследствии накал антибуддийской пропаганды в СССР снизился в связи с тем, что у властей возникла уверенность в полном разгроме буддизма — к концу 1930-х гг. в стране не осталось ни одного действующего буддийского храма или монастыря. В материалах советской пропаганды отмечены только редкие упоминания о «буддийском факторе» в отношении к Японии — в частности, в 1940 г. печать опубликовала сведения, что японское правительство предпринимает попытки создать «национально-японскую церковь», для чего в этой стране был создан «единый буддийский центр»⁸¹. После Халхин-Гола советско-японские отношения постепенно вошли в стадию относи-

тельной нормализации, которая ознаменовалась подписанием 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией сроком на 4 года. Официальная антияпонская пропаганда в связи с этими внешнеполитическими изменениями была приглушена.

Во время Великой Отечественной войны педалирования «буддийского фактора» не произошло. Британский ученый В. Коларц считал, что «начало войны должно было ухудшить положение советских буддистов», т.к. «тот факт, что Япония, всегда рассматривавшаяся как сила, эксплуатирующая буддизм для своих собственных целей, была союзником Германии, должен был усилить подозрения Кремля в отношении его буддийских подданных»⁸². Однако, наоборот, в годы Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда, в том числе антибуддийская, была приглушена — вначале, в связи с необходимостью мобилизовать всех граждан стран, в том числе, верующих, на защиту Отечества, впоследствии — в связи с взятым советским руководством курсом на максимальное использование религиозных конфессий в целях внутренней и внешней политики. Именно поэтому «буддийский фактор» уже не имел значимости для советской пропаганды в ходе советско-японской войны августа-сентября 1945 г., завершившейся разгромом Японии.

В 1945–1946 гг., в рамках нового курса советской религиозной политики, буддизм в СССР был вновь легализован (открытие Иволгинского дацана, создание Центрального духовного управления буддистов). «Буддийский фактор» в эти годы в советско-японских отношениях проявил свою значимость на территориях, возвращенных в состав СССР (Южный Сахалин и Курильские острова). По состоянию на 1936 г. в этом регионе (японская провинция Карафуто) было 82 буддийских храма со 120 священнослужителями. Число прихожан составляло 53 174 чел. Как пишет сахалинский ученый И.А. Самарин, приход советской администрации ознаменовал собой новый, не самый легкий, период существования буддизма в этой регионе. В первые месяцы было разорено много буддийских храмов, а прихожане оставляли свои дома, бежав на Хоккайдо. Однако в последующем советские и партийные органы старались учитывать влияние буддийского духовенства на жизнь японского населения. Священнослужители были освобождены от всех мобилизационных работ, обеспечивались продовольствием, храмы получили «неприкосновенный» статус. Тем не менее, в связи с оттоком японского населения, буддийские храмы пустели. В 1947 г. началась их передача под другие нужды⁸³. После депортации японского населения из Южного Сахалина и с Курильских островов роль «буддийского фактора» в советско-японском противостоянии 1920–1940-х гг. окончательно сошла на нет.

В целом, неизбежность педалирования «негативной» роли буддийского фактора во время советско-японского противостояния была продиктована не только внешне-, но и внутривнутриполитическими обстоятельствами. После короткого периода «заигрывания» советского руководства с буддийской конфессией в надежде на ее использование в разжигании «Мировой революции» на Востоке, в середине 1920-х гг. руководство страны взяло курс на искоренение этой религии. Наряду с другими конфессиями, буддизм рассматривался как «враждебная сила», могущая помешать реализации социалистической перестройки народного хозяйства и морально-политического «воспитания» граждан страны. Следует согласиться с мнением В. Коларца, что власть в СССР склонялась к тому, чтобы «идентифицировать буддизм с каждым врагом Советского Союза и коммунизма в Азии», в том числе, с японским милитаризмом⁸⁴. Эта уверенность особенно усилилась после вступления Японии в союз с гитлеровской Германией.

Свою роль в пристальном внимании руководства СССР к использованию Японией в своих интересах «буддийского» фактора сыграла история возникновения национальной религии алтайского народа — бурханизма. Как пишет С.П. Тюхтенева, мифологический образ Бурхан-Ойрот-Япон-хана, в котором воплотился, в том числе, образ императора Японии как противника императора России, сложился у алтайцев в период Рус-

ско-японской войны 1904–1905 гг. Хотя в этот период у Японии не было агентов среди алтайского населения, ибо у нее не было ни притязаний, ни геополитического интереса к территории Алтая, однако был интерес части самих алтайцев к победе Японии над Россией, которая, как они ожидали, принесет им национальное освобождение⁸⁵. Поэтому бурханизм рассматривался правительством Российской империи как антигосударственная и «иро-японская» религия. Тем не менее, такое утверждение является спорным.

Спорным же является и вопрос о существенном значении «панмонгольского фактора» в агрессивных планах Японии. Т.В. Халудоров считает, что панмонгольское движение зародилось в 1919 г. во многом с подачи японских военных⁸⁶. В то же время С.П. Ангаева подчеркивает ошибочность мнения о том, что движение панмогилизма было инспирировано Японией, т.к. эта идея зародилась в начале XX в. среди радикальной бурятской интеллигенции (Ц.Ж. Жамцарано, Э. — Д. Ринчино), а также религиозных деятелей (А.Л. Доржиев, Ч. Иролтуев)⁸⁷. Панмогилизм мог использоваться японцами как составная часть их «паназнатской доктрины», выдвинувшей лозунг «Азия для азиатов» (читай — японцев)⁸⁸.

Безусловно, на росте опасений советского руководства в отношении буддийской конфессии сказались их уверенность в том, что японские власти, в целом, делали большую ставку на религию, широко используя в своих внешнеполитических интересах не только буддизм, но и другие конфессии, которые якобы находились «на службе у японского фашизма» и помогали японской «буржуазии и военщине в их военных планах»⁸⁹. В советской пропаганде муссировалось утверждение, что в Японии действовали 253 тыс. храмов, монастырей и молелен разных религий, в которых «изо дня в день ведется разнузданная пропаганда мракобесничества и человеконенавистничества»⁹⁰. Особое внимание обращалось на то, что японские власти стремятся объединить все распространенные в этой стране конфессии под своим началом — в частности, был создан единый синтоистский центр, проведена объединительная конференция протестантов⁹¹.

Ввиду особой значимости для СССР фактора православной церкви, пропаганда утверждала, что эта конфессия «сотрудничала» с японскими оккупантами в годы Гражданской войны⁹², в том числе, при помощи православных священников из числа этнических японцев⁹³. Японская Православная церковь именовалась одной из «религиозно-шпионских организаций японского империализма»⁹⁴ и «орудием разведки»⁹⁵. Подчеркивалась негативная роль христианства в целом — якобы «японские разведчики под видом христианских попов... буквально наводняют Китай и Монголию»⁹⁶, «христианский мир поддерживает Японию в ее агрессивных планах против СССР»⁹⁷, а Папа Римский является «союзником японской военщины»⁹⁸.

Советская пропаганда акцентировала свое внимание и на использовании Японией «мусульманского фактора». Утверждалось, что во время Гражданской войны российские мусульмане якобы «помогали» Японии. Исламские священнослужители в Башкирии, Средней Азии, Крыму и на Кавказе в 1930-х гг. получили клеймо «японских шпионов»⁹⁹. Подчеркивалось, что японцы используют для своих целей мусульман во всем мире¹⁰⁰. В частности, Б.А. Александров писал, что в Китае японцы «для своих завоевательных целей» используют «мусульманские религиозно-шовинистические круги» с целью «объединения всех монголо-мусульманских тибетских¹⁰¹ территорий Китая... под гегемонией японских "защитников" этих угнетаемых национальностей»¹⁰². «Агентами японских милитаристов» были заклеены мусульманские священнослужители в Индокитае и Голландской Индии (Индонезии)¹⁰³.

В целом, внутри самой Японии буддийский фактор, направленный на идеологическую мобилизацию японцев на войну с Советским Союзом, не играл существенной роли. Японское руководство использовало его в большей степени для мобилизации полезного для себя общественного мнения в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Главной идеологической мобилизующей силой внутри Японии был синтоизм, ко-

торый имел статус государственной религии с 1868 г. Повышение статуса синтоизма происходило, в том числе, за счет умаления буддийской конфессии, когда большинство буддийских ритуальных предметов было изъято и уничтожено, а храмы переданы синтоистам¹⁰⁴. Синтоизм, представлявший собой древнейшую религиозную систему Японии и имевший весьма глубокие корни в народе, был превращен в систему политической пропаганды японской монархии. Поэтому эта религиозно-идеологическая система представляла для СССР опасность гораздо большую, чем буддизм. Советские власти четко осознавали это, в частности, во время присоединения Южного Сахалина. В докладной записке начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова на имя члена Политбюро А.А. Жданова, датированной 18 сентября 1946 г., говорилось о необходимости «принять меры к тому, чтобы полностью устранить официальный характер синтоистского культа, пресечь использование синтоистских храмов в целях восхваления японской монархии, пропаганды идеологии милитаризма и расовой исключительности». Как положительный факт отмечалось то, что в самой Японии государственный синтоизм, связанный с поклонением императору, приказом американской военной администрации был запрещен, а синтоистская конфессия отделена от государства¹⁰⁵.

Буддизм в Японии пребывал в опале вплоть до окончания Второй мировой войны, когда в этой стране была восстановлена свобода вероисповедания¹⁰⁶. Поэтому представляется, что «буддийский фактор» в агрессивных планах Японии, направленных против СССР, раздувался советской пропагандой искусственно. Тем более, что Советский Союз не являлся для японских властей первоочередным объектом агрессии, особенно, после того, как Япония вступила в затяжную войну с Китаем. Для Японии наиболее привлекательным направлением для экспансии была Юго-Восточная Азия с ее теплым климатом, более разработанными месторождениями полезных ископаемых и удобством транспортировки сырья по морским коммуникациям. Это и было доказано дальнейшим развитием событий¹⁰⁷: Япония направила свои основные устремления на юг — в Китай, Индокитай, Индонезию и Океанию.

Хотя Японское государство использовало в своих целях буддийскую конфессию, не было оснований считать верующих буддистов искренними «союзниками» Японии, и уж тем более, агрессорами, инициаторами войн и международных конфликтов. Хотя по данным, приведенным К.М. Герасимовой, после оккупации Маньчжурии японцами «бурятские ламы выступали со всякого рода предсказаниями-абарамами о том, что пришествие зарубежных спасителей веры благоприятно для бурятской жизни и будет иметь полный успех»¹⁰⁸, такие заявления, даже если они и были, отражали не ненависть к России, а надежды на конец Советской власти, возобновление «прежней жизни», возрождение религии и т.д. Возвышение роли «буддийского фактора» в японской агрессии для властей СССР было не более чем дополнительным и немаловажным предлогом для реализации политики тотального разгрома буддийской конфессии в Советском Союзе, а также в странах-союзниках — Монголии и Туве, осуществленной в 1920–1930-х гг.

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2001. 700 с.; *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001. — 453 с.
2. *Александров А.* Великая победа на Дальнем Востоке. Август 1945 года: От Забайкалья до Кореи. М., 2004. 409 с.; *Великая Отечественная Т. 7 (2): Советско-японская война 1945 г.: история и военно-полит. противоборство двух держав в 30–40 гг.* М., 2000. 437 с. (Сер. «Русский архив»); *Зимонин В.П.* Победная точка во Второй мировой войне: советско-японская война 1945 г. — происхождение, ход, итоги. М., 2005. 112 с.; *Катасонова Е.И.* Последние пленники Второй мировой войны: Малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005. 256 с.
3. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.

4. *Бакаева Э.П.* Буддизм в Калмыкии: Ист.-этногр. очерки. Элиста, 1994. 127 с.; *Басхаев А.Н.* Буддийская церковь Калмыкии, 1900–1943 гг. Элиста, 2007. 239 с.; *Дорджиева Г.Ш.* Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX — первой половине XX в. М., 2001. 177 с.; *Сафронова Е.С.* Буддизм в России. М., 1998. 171 с.
5. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 587. Л. 75.
7. Там же. Л. 226.
8. *Урсынович С.* Религии туземных народностей Сибири. М., 1930. С. 69–70.
9. Там же.
10. Религии Японии // *Безбожник*. 1928. № 3. С. 5–7.
11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 153. Д. 29. Л. 42.
12. *Очир Э.* Внешнее положение Монгольской народной республики и политика Японии и Китая // *Жизнь Бурятии*. 1930. № 2–3. С. 95.
13. *Дашидондоо О.* Об одной вреднейшей антимарксистской теории (о панмонголизме) // *Вестн. Ин-та культуры*. 1931. № 1. С. 26.
14. Война в Манчжурии и религия // *Безбожник*. 1932. № 1. С. 10–11.
15. Переписка японских и сибирских церковников // *Безбожник*. 1934. № 10. С. 9.
16. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 16–19.
17. Религия служит японскому империализму // *Безбожник*. 1935. № 6. С. 14.
18. *Эльвин Ил.* Фашизм и религия в Японии // *Антирелигиозник*. 1934. № 5. С. 16.
19. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма // *Антирелигиозник*. 1937. № 7. С. 28.
20. *Антирелигиозник*. 1932. № 1. С. 47.
21. Религии Японии. С. 5–7.
22. Буддийские религиозные организации в Японии // *Антирелигиозник*. 1938. № 8–9. С. 63–64.
23. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма» // *Антирелигиозник*. 1939. № 6. С. 50.
24. *Долотов А.* Ламанизм и война. Верхнеудинск, 1932. С. 4–6.
25. *Антирелигиозник*. 1932. № 1. С. 48.
26. *Градов Гр.* Священный амулет // *Безбожник*. 1934. № 3. С. 16–17.
27. *Урсынович С.* Буддизм и ламанизм. М., 1935. С. 46.
28. *Безбожник*. 1936. № 10.
29. *Безбожник*. 1936. № 7. С. 17.
30. *Ростовцев А.* Зашевелился... будда // *Безбожник*. 1932. № 15. С. 18.
31. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 341. Л. 110.
32. *Эльвин Ил.* Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников // *Безбожник*. 1939. № 5. С. 14.
33. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 65.
34. *Урсынович С.* Буддизм и ламанизм. С. 46.
35. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 51.
36. *Валтилов Б.* Об антирелигиозной работе в Бурят-Монголии // *Антирелигиозник*. 1938. № 8–9. С. 29–30.
37. *Урсынович С.* Религии туземных народностей Сибири. С. 69–70.
38. *Калиниченко А.* Буддийские миссионеры — агенты японского империализма // *Антирелигиозник*. 1928. № 11. С. 30.
39. *Толмитов Б.* Ламанизм и бурятский национал-демократизм // *Антирелигиозник*. 1930. № 7. С. 21.
40. *Антирелигиозник*. 1932. № 14. С. 60.
41. *Эльвин Ил.* Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников. С. 14.
42. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 29–30.
43. Резолюции IX съезда ТАРП. Кызыл, 1932. С. 5, 16.
44. Очевидно, имеется в виду не «Шамбала» (мифическая страна, располагающаяся в Тибете или другом регионе в центре Азии), а битва между силами добра («воинством Шамбалы») и силами зла.
45. *Валтилов Б.* Указ. соч. С. 30.
46. *Даурский В.* Ламанизм и тибетская медицина // *Антирелигиозник*. 1938. № 7. С. 40.

47. *Халудоров Т.В.* Политические аспекты идеологии панмонголизма: дисс.... канд. полит. наук. М., 2005. С. 121.
48. Просуществовало до 1945 г.
49. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 30.
50. *Халудоров Т.В.* Указ. соч. С. 121.
51. Там же. С. 113.
52. *Дашидондобэ О.* Указ. соч. С. 21.
53. *Очир Э.* Указ. соч. С. 96.
54. *Ербанов Е.М.* Доклад о проекте Конституции Бурят-Монгольской АССР. Конституция (Основной Закон) Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ, 1937. С. 12.
55. *Дашидондобэ О.* Указ. соч. С. 26.
56. *Халудоров Т.В.* Указ. соч. С. 121.
57. *Дашидондобэ О.* Указ. соч. С. 29.
58. *Ербанов Е.М.* Указ. соч. С. 12.
59. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 34–35.
60. *Вампилов Б.* Указ. соч. С. 29.
61. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 34–35.
62. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 37–38.
63. Там же. Л. 101.
64. Там же. Д. 1885. Л. 112.
65. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20–21.
66. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 40.
67. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 52.
68. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 63–64.
69. Безбожник. 1938. № 8–9. Посл. стр. обл.
70. Будда на службе японской военщины // Известия. 1938. 5 июня.
71. Буддийские религиозные организации в Японии. С. 65.
72. *Вампилов Б.* Указ. соч. С. 29.
73. *Шалман В.* Не вышло и никогда не выйдет! Процесс контрреволюционной антисоветской организации в Еравне // Бурят-Монгольская правда. 1939. 18 апр.
74. *Вампилов Б.* Указ. соч. С. 29.
75. *Шалман В.* Указ. соч.
76. *Эльвин Ил.* Грабительская война Японии против Китая и позиция церковников. С. 14.
77. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 53.
78. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 21.
79. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 579. Л. 37–38.
80. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 20–21.
81. *Лейтнер М.* Попытки создать единую церковь в Японии // Безбожник. 1940. 15 дек.
82. *Kolarz W.* Religion in the USSR. New York, 1961. P. 457.
83. *Самарин И.А.* Буддизм на Южном Сахалине в период губернаторства Карафуго (1905–1945 гг.): история и архитектура // Вест. Сахалин. музея. № 14. Южно-Сахалинск, 2007. С. 206, 212–212.
84. *Kolarz W.* Op. cit. P. 448–449.
85. *Тюхтенева С.П.* «Японский след в алтайском бурханизме»: вымысел или реальность? // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 69.
86. *Халудоров Т.В.* Указ. соч. С. 110.
87. *Ангаева С.П.* Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1999. С. 38–39.
88. *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 43, 55.
89. *Шейнман М.* Религия и фашизм // Безбожник. 1938. № 5. С. 12.
90. *Амосов Н.* Религия на службе японских самураев // Безбожник. 1938. № 8–9. С. 4.
91. *Лейтнер М.* Попытки создать единую церковь в Японии.
92. Японская интервенция и православная церковь // Безбожник. 1929. № 20. С. 16–17; *Кандидов Б.* Атамановщина, японские интервенты и роль церкви // Антирелигиозник. 1932. № 10. С. 20; *Его же.* Японский империализм и православная церковь // Безбожник. 1932. № 11–12. С. 11–12; *Его же.* Японская православная церковь на службе русского и японского империализма // Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 6.

93. Переписка японских и сибирских церковников. С. 9.
94. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 52.
95. *Кандидов Б.* Религиозные организации как агентура японского империализма. С. 30.
96. *Амосов Н.* Указ. соч. С. 4.
97. Война в Манчжурии и религия. С. 10–11.
98. Папа — союзник японской военины: Японские шпионы среди мусульманского духовенства // *Антирелигиозник*. 1938. № 8–9. С. 66–67.
99. Там же.
100. Лекция на тему «Религия на службе японского империализма». С. 53.
101. Имелись в виду Синьцзян и территории, населенные хуэйцзу и другими китайскими мусульманами.
102. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 340. Л. 12.
103. *Лейтнер М.* Религиозная агентура японских империалистов // *Безбожник* (газета). 1940. 8 сент.
104. Бугаев Ю. Буддизм в Японии // *Япония сегодня*. 2008. № 2. С. 5.
105. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 79–80.
106. *Бугаев Ю.* Указ. соч. С. 5.
107. *Матханов М.А.* Япония в военно-политических планах СССР накануне и в годы Второй мировой войны // *Россия и мир: вызовы времени*. Материалы Международ. науч.-практ. конф. «Вторая мировая война в зеркале современности». Уфа, 2005. Ч. 1. С. 132–133.
108. *Герасимова К.М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964. С. 141.

Опиум — важный источник доходов английской колониальной администрации Гонконга в 1900–1941 гг.

© 2012

А. Козлов

В статье ставится задача на основе официальных документов колониальной администрации Гонконга обобщить политику использования опиума английскими колонизаторами в Гонконге как легального источника доходов в первой половине XX в. Несмотря на решения нескольких международных конференций по вопросам контроля над оборотом наркотиков, начиная с заседаний Шанхайской комиссии по опиуму, столетний юбилей которой отмечался в 2009 г., Великобритания широко использовала опиум для финансовой поддержки управления своим владением на китайской земле и запретила его только в 1945 г. под давлением США.

Ключевые слова: опиум, торговля, опиумная ферма, англо-китайские отношения, незаконный оборот наркотиков.

Англо-китайская торговля индийским опиумом, длившаяся более ста лет до ее прекращения в 1917 г., приносила ее участникам огромные прибыли. На деньги, вырученные от продажи наркотика, Великобритания покупала в больших объемах китайские чай, шелк, фарфор, укрепляла свои вооруженные силы¹, проводила военные операции в Азии и других регионах мира², покрывала дефицит в торговле с США и западноевропейскими странами, которые ограждали свою крепнущую промышленность высокими импортными тарифами³. Как отмечал историк К. Троки, «без опиума, наверное, не было бы империи»⁴.

С политикой Англии навязывания опиума Китаю неразрывно связана история британской колонии Гонконг (1841–1997 гг.) в первые сто лет ее существования. Эта китайская территория была захвачена англичанами в ходе первой «опиумной» войны (1839–1842 гг.). Свободная от вмешательства цинского правительства, выступавшего против легализации опиума, она быстро превратилась в один из крупнейших центров контрабанды наркотика в Китае. Через нее в середине XIX в. и до 1880 г. проходило 45–75% всего ввозимого из Британской Индии в Китай опиума. Торговля не прерывалась до 1909 г.⁵ Ее стоимость в 1906 г. составляла 5,312, а в 1907 г. — 4,656 млн фунтов стерлингов. Она расширяла общую коммерческую деятельность порта за счет увеличения объемов грузооборота, страхования, складирования и обработки грузов⁶.

Колония играла ключевую роль в создании финансовой и транспортной инфраструктуры, необходимой для масштабной торговли наркотиком, породившей «опиумную эпидемию» в Китае, не имевшую аналогов в мировой истории. В 1906 г., по оценкам, более 20 млн китайцев были наркоманами.

Англия стимулировала потребление опиума и в самом Гонконге, где его продажи субсидировали колониальную администрацию. Одной из первых проблем, с которой столкнулась колониальная администрация Гонконга, явилась необходимость найти надежный источник дохода. Из различных вариантов, доступных для колонии, налогообложение торговли опиумом казалось одним из самых перспективных. Однако так как Гонконг в 1841 г. был объявлен свободным портом, тарифы — традиционный способ правительств пополнять казну — использовать было нельзя. Торговля была для колонии одним из основных способов существования и контролировалась несколькими крупными торговыми фирмами, имевшими мощную политическую поддержку в Соединенном Королевстве. Вмешательство в торговлю опиумом разрушило бы саму основу колонии. Поэтому администрация обратила внимание на рынок в самой колонии как единственно доступный источник дохода.

В 1844 г. было принято решение, согласно которому государственные доходы могли быть получены от реализации опиума на внутреннем рынке колонии, без привязки к деятельности фирм, продававших опиум в Китае. В том же году Лондон разрешил администрации предоставлять мелким торговцам по результатам конкурентных торгов лицензии на розничную продажу на внутреннем рынке опия-сырца и очищенного опия и на открытие опикурилен. Первыми опиумный подряд получили два англичанина, но, плохо ориентируясь в новой обстановке и не имея помощников из местного населения, не смогли выполнить условий договора с правительством и вскоре обанкротились. В 1858 г. колониальное правительство установило опиумную монополию и опиумный подрядчик мог открыть свою ферму⁷ сроком на три года, предложив самую высокую цену среди всех участников публичных торгов. Гонконгские губернаторы ценили деятельность таких хозяйств. Один из них — Ф. Лугард в 1909 г. говорил: «Опиумная ферма — прибыльный бизнес; она приобретается в ходе острой конкуренции и правительство получает от продажи монопольного права на нее сумму, равную почти четверти всех его доходов. Она — законный бизнес»⁸. Вместе с тем, они с завистью смотрели на Сингапур, где доходы от продаж опиума местному населению в течение ста лет до начала XX в. обеспечивали 40–60%⁹.

Система ферм действовала до 1914 г. Опиумными подрядчиками, фермерами, были только китайцы, жители Гонконга или Сингапура.

В своей деятельности фермеры использовали определенные ресурсы. Они имели производственные помещения для переработки опия-сырца, специальное оборудование, квалифицированные кадры рабочих, сеть розничной торговли, включавшую магазины и/или опикурилены. Для обеспечения безопасности бизнеса они держали большой штат охранников и осведомителей. Фермер имел право нанимать неправительственных «таможенных агентов», которые могли подниматься на борт кораблей, заходить в жилища, чтобы конфисковывать контрабандный опиум.

Фермер должен был ежемесячно платить правительству 121 тыс. долл. По условиям соглашения фермер мог обрабатывать для курения не больше 5 ящиков (320 кг) опия-сырца. В середине первого десятилетия в колонии было 190 опикурилен, одна на 1047 мужчин-китайцев¹⁰.

Для увеличения прибылей хозяева ферм с разрешения властей постоянно повышали розничные цены. В 1900 г. один таэль¹¹ опиума стоил 1,5 гонконгских доллара, в 1904 г. — 3,0, в 1905 г. — 3,3 долл. Цены в Гонконге были всегда в 3–4 раза выше, чем в соседнем Гуанчжоу, что способствовало росту контрабанды наркотика из материкового Китая¹².

К концу XIX в. опиумные фермы превратились в крупные хозяйства, приносящие большие доходы администрации колонии и самим владельцам. Как видно из табл. 1, доля опиума в общем объеме доходов в первом десятилетии XX в. колебалась от 14 до почти 30%.

Таблица 1.

Доходы администрации Гонконга от продажи опиума в 1903–1907 гг.

Годы	Общий объем доходов (в гонконгских долл.)	Доходы от опиума (в гонконгских долл.)	Доля доходов от опиума в общем объеме доходов (в %)
1903	5 238 858	751 895	14,3
1904	6 849 048	1 946 830	28,4
1905	6 918 404	2 041 905	29,5
1906	7 035 012	2 041 940	29,0
1907	6 602 280	1 551 930	23,5

Источник: *International Opium Commission. Report of the International Opium Commission, February 1 to February 26. Shanghai, 1909. Vol. 1. Minutes of the Proceedings. P. 246.*

Фермерам было предоставлено право свободно ввозить и вывозить опиум в Китай и другие страны. В 1904–1908 гг. в Гонконг ежегодно импортировалось в среднем 2,8 тыс. т опиума, а вывозилось в среднем 2,7 тыс. т. С 1908 г. было запрещено экспортировать в Китай и французский Индокитай приготовленный к курению опиум¹³.

До 1908 г. Гонконг занимал второе место среди экспортеров, реэкспортируя опиум, ввезенный из Индии. Экспорт из Гонконга шел главным образом в порты Китая (86%). В 1907 г. больше всего опиума вывозилось в Шанхай (29%) и Гуанчжоу (21%). Поставки за пределы Китая составляли 14% от общего объема экспорта и касались, главным образом, Макао (8%). Небольшое количество отправлялось также в Лондон, штат Виктория (Австралия), Сингапур, Малакка, Пинанг. Диндинг, Ванкувер (Канада), Панаму и Нью-Йорк¹⁴.

На политику английской администрации Гонконга в вопросе использования опиума оказывали влияние внешние факторы.

С конца XIX в. в мире набирала силу кампания против опиумной торговли на Дальнем Востоке. В первом десятилетии XX в. окрепли позиции видных деятелей движения противников опиума. Политика Англии в опиумном вопросе начала меняться. В 1906 г. на выборах в Великобритании либеральной партии удалось победить консерваторов. Либералы с середины XIX в. выступали против участия Соединенного Королевства в опиумной торговле по нравственным соображениям, и, завоевав большинство в палате общин, приняли резолюцию, призывавшую покончить с торговлей опиумом между Индией и Китаем. Британские наркоторговцы вынуждены были в какой-то мере отступить, видя сокращение поступлений от экспорта индийского опиума, вызванное тем, что в Китае в результате политики импортозамещения стали выращивать больше наркотика, чем в Бенгалии. К тому же, в Китае усилилось антиопиумное движение и в 1906 г. император издал указ о запрете в течение 10 лет производства, распространения и курения опиума, как выращенного в Китае, так и импортного.

Примерно в то же время с антиопиумной программой выступили Соединенные Штаты, которые начали дипломатическое наступление на позиции западноевропейских колониальных держав на Дальнем Востоке под флагом борьбы с опиумом, добиваясь лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китайские лидеры сделали ставку на США как единственную великую державу, которая может оказывать давление на западноевропейских наркоторговцев. В попытках освободиться от торговли опиумом им пришлось мириться с тем, что США проявляли патернализм и не скрывали чувства превосходства¹⁵. Китай и США объединяло то, что у них был общий враг, в частности, европейские колониальные державы и Великобритания. Подчеркивая свое отвращение к колониальной опиумной торговле, Соединенные Штаты Америки были в состоянии дистанцироваться от своих европейских конкурентов.

Правительство США поддержало идею филиппинского епископа Чарльза Г. Брента о проведении международной конференции для обсуждения возможностей прекращения (немедицинской) торговли опиумом во всем мире. В середине 1906 г. государственный департамент США начал переговоры о созыве первой международной конференции по проблеме опиума. Соединенным Штатам, в полной мере использовавшим свое влияние, удалось заставить сесть за стол переговоров представителей держав, имевших отношение к производству и торговле опиумом. Китай и США планировали, что международная встреча в Шанхае в феврале 1909 г. будет первой международной конференцией по проблеме опиума. Однако Великобритания и Нидерланды смогли понизить статус мероприятия из конференции в заседание Комиссии по опиуму, решения которой были только рекомендациями, не обязательными к исполнению.

Англия, хотя и приняла участие во встрече в Шанхае, не разделяла полностью взглядов организаторов заседания Комиссии. Ее беспокоило больше то, чтобы после прекращения экспорта опиума из Британской Индии в Китай ее место не заняли другие страны. Ее представитель в Шанхае С.С. Смит, королевский адвокат из Гонконга, не поддерживал идею о безоговорочном запрете опиума. На вопрос представителя США Г. Райта, согласен ли Смит с тем, чтобы в решении Комиссии был пункт об использовании опиума только в сфере медицины, англичанин ответил, что британская делегация «не разделяет точку зрения об использовании опиума исключительно в медицинских целях»¹⁶.

Несмотря на проявившуюся непоследовательность, неготовность участников первой международной встречи кардинально решать давно назревшие проблемы с наркотиком шанхайская Комиссия стала сигналом о «начале конца» колониальной торговли опиумом. Торговля индийским опиумом потеряла легитимность. По английскому казначейству был нанесен мощный удар. В 1913 г. заместитель министра по делам Индии в своем выступлении по бюджету заявил, что «примечательной особенностью этого года является то, что это — первый бюджет, в котором не ожидаются поступления от экспорта опиума в Китай»¹⁷.

В изменившихся условиях администрация Гонконга не собиралась отказываться от опиума как важного источника доходов, своего рода «дойной коровы». 1 марта 1914 г. она взяла опиумный бизнес в свои руки. Этот шаг избавил ее от лишних проблем, которые раньше создавали посредники, и дал возможность получать всю прибыль от продаж ни с кем не делясь, оценить потенциал рынка, эффективнее организовывать оборону монополии от нападков внешних сил.

Установив монополию, власти первым делом подняли цены на опиум, руководствуясь принципом «максимум прибыли при минимуме затрат». Цена возросла в три раза по сравнению с предыдущим 1913 г. и на конец 1914 г. доходы от продажи наркотика составили 33,9% общих доходов администрации или 3,741 млн гонконгских долл. На следующий год эти показатели еще больше возросли — 39,8% и 4,702 млн долл.¹⁸ соответственно. Видя растущее потребление опиума, администрация продолжила повышение цен, доведя их в 1918 г. до 14,4 долл. за один таэль. На этом уровне они оставались в течение следующих 10 лет. Доходы от продаж росли и в 1918 г. они составили 8,686 млн долл., или 46,5% всех доходов. (см. табл. 2). Большие объемы доходов от опиума были бы невозможны без большого количества курящих. В Гонконге в 1924 г., по оценкам, наркотик употребляли 25% всех мужчин.

В колонии ежегодно перерабатывалось для продажи 25–42 т опиума. Производственные мощности по переработке были арендованы администрацией в 1914 г. у последнего китайского опиумного подрядчика.

Таблица 2.

Доходы от опиума государственной монополии на опиум в 1914–1926 гг.

Годы	Общий объем доходов (в гонконгских долл.)	Доходы от опиума (в гонконгских долл.)	Доля доходов от опиума в общем объеме доходов (в %)
1914	11 007 273	3 741 500	33,9
1915	11 786 106	4 701 878	39,8
1916	13 833 386	5 811 110	42,0
1917	15 058 104	5 887 475	39,0
1918	18 665 248	8 686 622	46,5
1919	16 524 974	6 803 035	41,1
1920	14 689 671	4 317 971	29,3
1921	17 728 131	3 938 198	22,2
1922	22 291 064	5 551 305	24,9
1923	24 783 762	5 712 057	23,0
1924	24 209 639	5 147 043	21,2
1925	23 244 365	3 392 381	14,6
1926	21 131 581	2 831 305	13,4

В 1920–1930-е гг. администрация продолжала политику, направленную исключительно на контроль и защиту розничной продажи опиума в колонии в целях увеличения доходов от его продаж. Розничная цена наркотика, одобренная администрацией, всегда была выше, чем цена опиума, поступавшего контрабандным путем в Гонконг. Усилия государственного контрольных органов были направлены на защиту и поддержку важного источника доходов. Они состояли в обнаружении и конфискации нелегальных наркотиков. Сначала шла борьба с нелегальным ввозом опиума, а потом, когда с конца XIX в., на рынке появились другие конкурирующие препараты, в частности морфин и героин, началась борьба с их распространением. Английская администрация никогда не проявляла интереса к ограничению или отказу от использования опиума в Гонконге. Она заботилась только об устранении конкурирующих препаратов и о защите опиумной монополии.

В конце декабря 1941 г. Гонконг оккупировали японские войска. Война на Тихом океане дала США новые шансы в антиопиумной кампании. Вашингтон получил возможность усилить нажим на своих союзников. В январе 1943 г. Комиссарнат по наркотикам провел в Вашингтоне серию неофициальных встреч с представителями Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Нидерландов и Китая по вопросу о том, что нужно будет делать в случае, когда некоторые территории или острова, где существовали опиумные монополии, будут заняты войсками союзников¹⁹. Американцы высказывали опасение, что в освобожденных регионах Азии, где сохранялась опиумная монополия, молодые военнослужащие могут увлечься наркотиками. Организаторы встреч разъясняли гостям, что американское общество выступит против опиумных монополий, так как они подпитывают незаконный оборот наркотиков в Соединенных Штатах и других странах, и что, если американские ВМС овладеют, например Гонконгом, то они не разрешат открытие опиумных магазинов²⁰.

Американские дипломаты предложили, чтобы другие страны, следуя примеру США, сформулировали четкую политику по обсуждаемому вопросу. Было отмечено, что в некоторых странах командование может перейти от американцев к англичанам, и в таком случае не должно быть разногласий в позициях союзников²¹.

По завершении неофициальных обсуждений представители правительств пришли к согласию по поводу конечной цели, а именно, полного запрета на курение опиума, и разногласия касались только методов достижения этой цели. Было отмечено, что моно-

полни не уменьшают число курильщиков, что решением проблемы будет международное сотрудничество.

Правительство США 21 сентября 1943 г. обратилось с нотой к лидерам Великобритании, Нидерландов и других стран. 10 ноября 1943 г. английское и голландское правительства объявили о своем намерении запретить курение опиума и не восстанавливать опиумные монополии в своих дальневосточных колониях. Позже аналогичные действия предприняли правительства Франции и Португалии.

Таким образом, США, от которых зависела судьба захваченных Японией колоний западноевропейских стран на Дальнем Востоке, добились быстрого решения проблемы опиума, обсуждавшейся безрезультатно с начала века на многочисленных международных конференциях. Зависимая от американской военной помощи Англия не могла позволить себе проигнорировать советы Вашингтона.

В сентябре 1945 г., спустя месяц после освобождения Гонконга от японцев. Временная британская военная администрация в колонии запретила распространение и использование опиума, отнеся его к разряду опасных наркотических веществ¹¹.

Торговля опиумом, внешняя и внутренняя, была доминирующей особенностью развития Гонконга вплоть до японского вторжения в конце 1941 г., т.е. на протяжении двух третей периода его колониальной истории. Английские колонизаторы всеми силами держались за приносивший прибыль наркотик, финансируя деятельность своей администрации. Одним из результатов этой политики стало широкое распространение наркотика и активное сопротивление попыткам поставить опиаты вне закона после Второй мировой войны.

1. Так, например, британский импорт китайского чая, оплаченный доходами от продажи опиума, был источником прибыльного чайного налога, который в середине XIX века почти полностью компенсировал расходы на содержание королевского военно-морского флота. (*J. W. Wong. Deadly Dreams: Opium and the Arrow War (1856–1860) in China. Cambridge 1998. Pp. 350–55.*)
2. Во время правления королевы Виктория (1837–1901) в Британской империи не было ни одного мирного года. Королевские вооруженные силы за этот период провели свыше ста войн. (*W. Pochmore. British Foreign Policy Since 1870. Xlibris Corporation, 2008. P. 11.*)
3. *Pomeranz K. and Topik S. The World That Trade Created: Society, Culture, And the World Economy, 1400 to the Present. M.E. Sharpe, Incorporated, 2006. P. 92.*
4. *Trocki. C.A. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade, 1750–1950. Routledge, 1999. P. 59.*
5. *Chiu. T.N. The port of Hong Kong: a survey of its development, Hong Kong University Press, 1973. Pp. 16–17.*
6. "Memorandum regarding the restriction of opium in Hong Kong and in China." Sessional Papers 1909. P. 26.
7. Существительные «ферма», «фермер» происходят от английского слова «farm» — брать на откуп; отдавать на откуп. Европейские колонизаторы на Дальнем Востоке часто отдавали на откуп продажу опиума, соли, других товаров, сбор налогов и т.п.
8. "Memorandum regarding the restriction of opium in Hong Kong and in China." Sessional Papers 1909, 3. 30.
9. *Timothy Brook and Bob Tadashi Wakabayashi. Eds., Opium regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952 University of California Press, 2000. P. 82.*
10. International Opium Commission, Report of the International Opium Commission, Shanghai, China, February 1 to February 26, 1909, Vol. I, Minutes of the Proceedings. P. 246.
11. 1 таль равен 37,6 г. Это слово происходит от малайского *tahil*.
12. *Faure D., Pui-tak Lee. A documentary History of Hong Kong. Economy. Hong Kong University Press, 2004. P. 290.*
13. International Opium Commission. Report of the International Opium Commission, February 1 to February 26. Shanghai, 1909, Vol. I. Minutes of the Proceedings. P. 162.

14. Report of the International Opium Commission, February 1 to February 26 1909. Shanghai., Reports of the Delegations (Shanghai, North-China Daily News and Herald Limited. 1909. Vol. 2. P. 173–193 // Bulletin on Narcotics. 2007. Vol. 59, N. 1–2. A century of international drug control. P. 38.
15. *Gerritsen J. W.* The Control of Fuddle and Flash: A Sociological History of the Regulation of Alcohol and Opiates. Brill, 2000. P. 83.
16. International Opium Commission, Report of the International Opium Commission, Shanghai, China, February 1 to February 26. 1909. Vol. 1. Minutes of the Proceedings. P. 50.
17. Hansard, Parliamentary Debates, House of Commons, 07 August 1913. Vol. 56. C. 1784.
18. Imports and Exports Office. Annual Report (Hong Kong, 1915)
19. *Anslinger H. J., Tompkins W. F.* The Traffic in Narcotics. Arno Press, 1980. P. 55.
20. Позже в период войны во Вьетнаме в начале 70-годов около 20% американских солдат при-
страстились к опиуму, поступававшему из соседних стран ЮВА.
21. *Anslinger H. J., Tompkins W. F.* Op. cit. P. 56.
22. Proclamation № 13. Opium. 20 September 1945. // British Military Administration Gazette. Hong Kong, 1945. Vol. 1, W. 1. 12 Oct.

Научная жизнь

Конференция в Польше по проблемам Восточной Азии*

4–5 июня 2012 г. в г. Лодзь, Польша, состоялась 8-я ежегодная конференция по проблемам Восточной Азии. Помимо актуальности основной темы — «Восточная Азия после глобального финансового кризиса» — отличительной особенностью данной конференции явилось то обстоятельство, что в 2012 г. она впервые стала международной. В ее работе приняли участие несколько десятков преподавателей и студентов из японских университетов Кансай и Квансей Гакуин, имеющих давние научно-образовательные связи с Лодзинским университетом, а также ученые из КНР, Тайваня, Гонконга, США, России, Чехии, Словакии, Германии. Польское востоковедение было представлено преимущественно молодыми учеными из Лодзи, Познани и Варшавы.

Основным организатором конференции выступил Отдел Восточной Азии Факультета международных и политических исследований Лодзинского университета при организационно-техническом содействии Студенческой ассоциации Восточноазиатских и Тихоокеанских исследований и финансовой помощи администрации Лодзинского региона. Следует отметить, что в последние несколько лет в Лодзинском университете прилагают существенные усилия по развитию китаеведения с акцентом на исследование современных проблем КНР. Молодые ученые из Лодзи и Польши в целом имеют возможность регулярно стажироваться в КНР и на Тайване и активно участвовать в международных научных конференциях. Судя по всему, это прямо связано с заметной активизацией польско-китайских связей в последнее время и с большими надеждами, возлагаемыми в Польше на возможный приход в страну крупных китайских инвестиций. Одним из первых весомых достижений Отдела Восточной Азии на китайском направлении стал сборник статей «Китай в международных отношениях» (*Chiny w stosunkach międzynarodowych*. Lodz, 2012) под редакцией Малгожаты Петрасьяк и Доминика Мержеевского.

Во вступительном докладе экс-посол Польши в Индонезии и КНР Ксаверий Бурский дал общую оценку сегодняшней ситуации в Восточной Азии, охарактеризовав ее как «динамичную, но отличающуюся смешанными сигналами». Так, по мнению посла Бурского, в действиях нового руководителя КНДР Ким Чен Ына «нет признаков прагматизма». В то же время, очевидна существенная оттепель в Мьянме, затрагивающая и ее внешнюю политику. Многообещающе выглядят интеграционные процессы в экономике региона — в обозримой перспективе вся Восточная Азия может стать зоной свободной торговли. Вместе с тем, на обстановку в регионе негативно влияют оживившиеся территориальные споры.

Еще одно пленарное заседание было отведено для просмотра документального фильма (1989 г.) о жизни и судьбах поляков, проживавших в Харбине.

Основная работа конференции велась одновременно по двум секциям, что позволило в общей сложности заслушать более 30 докладов и провести дискуссию по обсуждавшимся вопросам. Одна секция была посвящена внутренней политике, экономике и дипломатии Японии и

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект 12-03-00376а «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

проблемам регионального сотрудничества в Восточной Азии. На другой секции были представлены доклады по Китаю, часть которых была посвящена внутренним проблемам страны.

Ян Лун (Нанькайский университет) проследил эволюцию стратегии регионального развития КНР в период реформ, а Бартош Ковальски (Университет Лодзи) рассказал о проведенном им полевом исследовании влияния государственной политики подъема западных территорий Китая на социально-экономическое развитие одного из сел провинции Юньнань. Ева Стернфельд (Технический университет Берлина) рассмотрела взаимосвязь между структурными особенностями энергопотребления в Китае и эффективностью защиты окружающей среды в стране. Продолжающееся доминирование угля в энергобалансе Китая ограничивает его возможности по сокращению выбросов парниковых газов. Широко рекламируемое Пекином обязательство сокращения удельных выбросов двуоксида углерода в расчете на единицу ВВП на 40–45% не означает снижения абсолютного объема выбросов — он продолжит расти. При этом в Китае крайне болезненно относятся к попыткам зарубежных экспертов и международных организаций делать самостоятельные замеры показателей состояния окружающей среды в стране.

Тема «Китай в мировой экономике» привлекла внимание ученых из Экономического университета Братиславы. Мартин Гранчай проанализировал современные позиции Китая в мировой гражданской авиации и перспективы их усиления. В настоящее время мировая гражданская авиация перевозит 45 млн т грузов и 2,3 млрд пассажиров в год, она создает 32 млн рабочих мест и 7,5% мирового валового продукта. Китай уже является крупным игроком на рынке авиаперевозок, однако заметно отстает от США. Китайские авиакомпании перевозят ныне 290 млн пассажиров (порядка 13% общемирового показателя), а американские — 720 млн, т.е. 31%. По прогнозу глобального рынка авиаперевозок на 2011–2030 гг., выполненному компанией «Эрбас», Китаю, стремящемуся наладить собственное производство дальнемагистральных самолетов, понадобится 30–40 лет для того, чтобы выйти на уровень Аэробуса и Боинга. Нора Шикорова в опоре на методы экономико-математического моделирования попыталась выявить наиболее вероятные отраслевые и страновые предпочтения в будущих прямых инвестициях Китая в Африке.

Ряд докладов был посвящен различным аспектам внешней политики Китая. В. Портяков (ИДВ РАН) дал общую характеристику особенностей политики КНР на международной арене в последние годы. Гао Пэйшан (Национальный университет Цзяотун, Тайвань) высказала мнение, что нынешние отношения комплексной взаимозависимости, сложившиеся между КНР и США, требуют разработки специальной теории «всесторонней взаимозависимости». Доминик Мержеевский, анализируя фактор КНДР в современных китайско-американских отношениях, пришел к выводу, что Пекин всячески стремится избежать прямого столкновения с Вашингтоном по корейской проблематике. США, по его мнению, является «ключевым пунктом» внешней политики КНР, тогда как отношениям с КНДР отводится роль лишь одного из инструментов этой политики. Инструменты внешней политики Китая в отношении Европейского союза (политическое и культурное измерение) рассмотрел Томаш Каминский (Университет Лодзи). Хотя, полагает он, у Китая нет культурных и идеологических инструментов, которые оказывали бы прямое влияние на ЕС, опосредованное воздействие на Европу оказывается через мигрантов (например, в Испании численность китайских мигрантов выросла с 10 тыс. чел. в 1995 г. до 170 тыс. в 2010 г.), институты Конфуция (их ныне насчитывается 79), отдельные сферы культуры (в частности, современное искусство). Вместе с тем, цель формирования позитивного образа Китая в Европе пока далеко не достигнута.

В целом дебют Лодзинской конференции по проблемам Восточной Азии в качестве международного мероприятия можно оценить как вполне удачный.

Заседание Круглого стола Института Латинской Америки РАН «Навстречу форуму АТЭС во Владивостоке»

22 марта 2012 г. Институт Латинской Америки РАН провел Круглый стол «Навстречу форуму АТЭС во Владивостоке». В этой важной научной встрече приняли участие ученые и аспиранты Институтов Дальнего Востока. Латинской Америки. Востоковедения РАН, представители Латиноамериканского Департамента МИД РФ, Российского центра исследований АТЭС, корреспонденты «Российской газеты».

Открывая Круглый стол, д.и.н., проф. А.И. Сизоненко (ИЛА РАН) отметил, что в наши дни в Азиатско-Тихоокеанский регион смещается центр мировой политической и экономической жизни. В АТР сформировался один из мировых финансовых центров, где концентрируется значительный инвестиционный и торговый капитал. Китайские политики полагают, что «АТР уже становится геополитическим центром мира взамен Европы, и начинается исторический процесс перехода мирового центра власти от Европейско-Атлантического региона к Азиатско-Тихоокеанскому». В АТЭС, главный экономический форум, входят наиболее мощные экономики мира, почти половина членов «Большой двадцатки». На долю 21 страны АТЭС, занимающих ведущее место в иерархии региональных организаций АТР, приходится 60% мирового ВВП, 50% оборота международной торговли, более 40% объема прямых иностранных инвестиций и около 40% мирового населения.

Проведение саммита АТЭС во Владивостоке, отметил далее А.И. Сизоненко, призвано стать в 2012 г. крупнейшей внешнеполитической акцией России. Целью предстоящего форума должна быть не просто демонстрация российского флага на Тихом океане. Задача России — утвердить признание международным сообществом своей весомой роли не только в евро-атлантических, но и азиатско-тихоокеанских делах. В этом залог будущего России как великой державы. Стратегия России в АТР, основанная на развитии долгосрочного экономического партнерства с восточными соседями, должна быть нацелена на реализацию защиты национальных интересов и безопасности государства на ее азиатско-тихоокеанских форпостах. Она должна быть направлена на использование политического, экономического и транспортного потенциалов стран АТЭС в целях развития экономики всей страны и российского Дальнего Востока, в первую очередь. Проведение саммита во Владивостоке дает России превосходную возможность довести до всех членов азиатско-тихоокеанского сообщества перспективы взаимовыгодного партнерства и ее готовность к созданию в регионе системы экономической и политической безопасности на многополярной основе.

В докладе заместителя директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. А.В. Островского «Россия в АТЭС: экономическая стратегия взаимодействия» было отмечено, что интересы России как евразийской державы в АТР стратегически существенны и весьма разнообразны. Как показывает беспристрастный анализ, главные из них связаны с возможностью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для ускорения экономического развития не

только Сибири и Дальнего Востока, но и всей страны в целом. Из 26 872 объектов геолого-экономического районирования по минерально-сырьевым ресурсам в целом по России на Дальневосточный федеральный округ приходится 11 927 объектов. Для освоения богатейших территорий ДФО сегодня крайне необходимо в разы увеличить финансирование, связанное как с разработкой месторождений полезных ископаемых, так и с развитием инфраструктуры на российском Дальнем Востоке. Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями, причем как в экономической, так и политической сферах.

К сожалению, сегодня экономическая роль России в АТР просматривается крайне слабо. В ЮВА наша страна практически отсутствует, о чем свидетельствует ее доля в совокупной торговле стран ЮВА — менее 1%, как и доли этих государств в российской внешней торговле. В СВА позиции России ненамного лучше, но и там все сводится к простой торговле, а взаимные объемы ее инвестиционного, банковского и иных форм делового сотрудничества с КНР, Японией, Республикой Корея, не говоря уже о Монголии и КНДР не выходит за 200–300 млн долл. США. В сфере российской внешней торговли ситуация несколько лучше, но и там наивысший показатель товарооборота между РФ и КНР — 79,8 млрд долл. США в 2011 г. не вызывает особого оптимизма, если учесть, что доля российско-китайской внешней торговли не превысила 2,2% объема внешней торговли КНР.

В десяти самых крупных стран АТР проживает свыше половины населения Земли, а на восемь крупнейших стран региона приходится 34% глобального спроса на энергию и энергоносители, темпы потребления которых за последние два десятилетия были самыми высокими в мире. В 2009 г. Китай, обогнав США, превратился в мирового лидера по потреблению энергоресурсов, а по оценкам корпорации British Petroleum, к 2030 г. более трети мирового энергопотребления будет приходиться на КНР. А если к этому добавить Республику Корея, Японию и другие динамично развивающиеся экономики АТЭС, включая ряд стран АСЕАН, то Россия может и должна стать основным источником поступления в регион энергоресурсов. Прогнозируя, что ряд стран-экспортеров энергоресурсов, таких как Малайзия, Индонезия и Вьетнам, в обозримом будущем превратятся в импортеров, ключевым вопросом дальнейшего поступательного социально-экономического развития АТР является его обеспечение дополнительными российскими сырьевыми и энергетическими ресурсами.

На территории РФ имеются значительные запасы нефти, природного газа, каменного угля и обширное пространство, по которому можно наладить регулярное транспортное сообщение со странами Евросоюза. Все это создает благоприятные возможности для развития торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации на тихоокеанском направлении, однако для их реализации необходимо повышать конкурентоспособность российской экономики на Дальнем Востоке и определить основные направления сотрудничества со странами АТЭС. Если 300 лет назад великий Петр строителем столицы империи прорубил окно в Европу, то форум во Владивостоке осенью 2012 г. должен распахнуть двери в АТР.

В докладе к.э.н., с.н.с. ИДВ РАН С.Л. Сазонова (ИДВ РАН) «Основные проблемы развития транспортной инфраструктуры российского Дальнего Востока» подчеркивалось, что преимущество географического положения РФ дает возможность открыть прямой путь между зонами зарождения и поглощения грузопотока мировой торговли, так как трассы российских транзитных коммуникаций действительно соответствуют кратчайшим географическим расстояниям. Россия является естественным сухопутным мостом для перевозки грузов между основными макроэкономическими полосами — странами Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона, Америки и Евразии, Европой и Азией.

При этом территория нашего Дальнего Востока оказывается на перекрестке транспортных маршрутов евроазиатских региональных центров, через нее проходят самые короткие маршруты разных видов транспорта. Формирование международных транспортных коридоров привязывает Россию через порты и пограничные переходы к мировому рынку. Развитие международных транспортных коридоров, проходящих по российской территории, не только сулит привлечение дополнительных транспортных грузов и увеличение доходов страны от транзита, но и способствует развитию всей транспортной инфраструктуры на протяжении всего экономического пространства России.

Но до сих пор Россия не только не реализовала эти возможности, но даже не достигла транзитного уровня Советского Союза. В 1980-е гг. по Транссибу перевозилось до 100 млн т. грузов и до 150 тыс. контейнеров. В настоящее время состояние железнодорожной инфраструктуры Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей не отвечает потребностям роста рынка грузовых перевозок. Коэффициенты использования мощности на большинстве участков превышают предельно допустимые значения. Общая протяженность «узких мест» в 2011 г. составляла порядка 10% общей протяженности дорог полигона, а к 2015 г. прогнозируется более чем двукратный рост этого показателя (более 2,1 тыс. км), даже при условии реализации запланированных в настоящее время мероприятий в рамках инвестиционной программы ОАО «РЖД». И, как результат, себестоимость транспортировки грузов по Транссибу значительно превышает расходы по доставке грузов из стран АТР в Европу, даже с учетом затрат на прохождение Суэцкого канала. В среднем транспортировка морским путем обходится в два раза дешевле, чем по Транссибирской магистрали. По прогнозам аналитиков Мирового Банка, объем товарооборота между странами АТР и Европой, который в 2010 г. составлял около 1,3 трлн долл. США, в период с 2011 по 2015 гг. ежегодно будет возрастать на 5–8%. Именно поэтому крупные морские судоходные компании стран АТЭС и Китая, в первую очередь, не горят желанием делиться с российскими железнодорожниками таким лакомым куском пирога.

Действительно, российская транспортная транзитная система имеет ряд преимуществ. Но чтобы эти преимущества стали реальностью, России предстоит многое — *сегодня крайне необходимо определить направление развития национальной политики в области транспортного строительства, которая должна обеспечивать сбалансированное и эффективное развитие транспортно-технологической инфраструктуры Дальнего Востока России*, включая: строительство и реконструкцию железных и автомобильных дорог под новые требования; увеличение мощностей и оптимальную специализацию дальневосточных морских портов для обеспечения возрастающих объемов перевозок экспортных грузов (зерна, угля, переработки грузов в контейнерах), переключение российских внешнеторговых грузов с иностранных на российские дальневосточные порты; наращивание мощности имеющихся и создание дополнительных терминальных комплексов, в том числе контейнерных терминалов; дальнейшее развитие логистических и информационных технологий, всей инфраструктуры транзитных перевозок в целях ускорения гарантированной доставки транзитных грузов, обеспечения их сохранности, повышения качества сервиса; модернизацию производственной базы приграничных пунктов пропуска транспортных средств, совершенствование процедур таможенного досмотра и оформления, приведение их в соответствие с мировой практикой; внедрение современных технологий таможенного оформления и контроля за товарами и транспортными средствами с применением систем электронного логистического сопровождения.

К.э.н., в.н.с. В.А. Теперман (ИЛА РАН) в своем докладе «Китайское продвижение на латиноамериканские рынки» напомнил, что 3 декабря 2011 г. в столице Венесуэлы Каракасе было создано крупнейшее региональное объединение Западного полушария и, возможно, 3-й в мире экономический гигант — Сообщество латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), которое объединило 33 страны региона с населением бо-

лее 560 млн чел. и общим ВВП примерно в 5,3 трлн долл. США. В настоящее время на фоне опасного вакуума в системе глобального регулирования в южной и восточной частях современного мира сотрудничество Китая с членами СЕЛАК превратило их в новые центры многополярного мира, заинтересованные в укреплении полицентризма в международных и экономических отношениях.

Не удивительно, что одним из первых СЕЛАК поздравил Китай, реализующий в последние годы стратегически важную для Пекина программу установления со странами региона как можно более тесных экономических связей. Недавно в Перу состоялся уже пятый по счету предпринимательский форум «Китай — Латинская Америка», который собрал более тысячи участников. Судя по выступлениям на нем китайских представителей, в ближайшие 5 лет объем импорта КНР в стоимостном выражении достигнет 8 трлн долл. США. Китайские бизнесмены считают, что как их страна, так и страны ЛА заинтересованы в том, чтобы уменьшить свою зависимость от традиционных мировых рынков по причине общего снижения темпов роста глобальной экономики и долгового кризиса в промышленно развитых странах. Проявлением этой заинтересованности служат данные о том, что в 2011 г. Китай стал вторым после США торговым партнером СЕЛАК, а объем торговли превысил 150 млрд долл. США. Латинская Америка уже стала для Китая одним из важнейших источников сырья, а наиболее активно китайские компании сотрудничают с двумя промышленно развитыми странами ЛА — Бразилией и Аргентиной. Кроме того, КНР подписала договоры о свободной торговле (FTA — Free Trade Agreement) с Чили (2005 г.), Перу (2009 г.) и Коста-Рикой (2010 г.), согласно которым в течение ближайших 15 лет страны отменяют все экспортно-импортные тарифы и пошлины с нынешних 60% до более чем 90% товаров, обращающихся во внешней торговле КНР — страны Латинской Америки. Стороны уже изучают возможность использования собственных валют во взаимной торговле, рассматривают вопрос о расширении корзины резервных валют, используемых на глобальном уровне. Для Бразилии, Чили и Коста-Рики Китай уже превратился в главного экспортного партнера, для Аргентины, Кубы и Перу — во второй по значимости рынок. По итогам 2011 года КНР стала второй по объемам инвестиций равные 15 млрд долл. США в страны Латинской Америки, а их совокупный объем в страны региона превысил 52 млрд долл. США.

К.п.н., с.н.с. Л.В. Дьякова (ИЛА РАН) посвятила свой доклад роли Чили в АТР, которая является членом АТЭС с 1994 г. Кроме Чили, в этой организации участвуют Мексика и Перу, желание вступить в АТЭС высказывают Коста-Рика, Колумбия, Венесуэла, Панама, а также страны, не имеющие прямого выхода к Тихому океану — Аргентина, Бразилия, Боливия, Парагвай. 18 государств региона входят в Форум сотрудничества между Латинской Америкой и Юго-Восточной Азией (FOCALAE), в котором Чили играет одну из ключевых ролей. Эта площадка межрегионального диалога была создана по инициативе премьер-министра Сингапура, высказанной им в 1998 г. во время визита именно в Чили. В начале XXI в. Чили заключила договоры о свободе торговли (FTA) с большинством государств, входящих в АТЭС (с Китаем в 2006 г.). В заключительной стадии находится процесс подписания подобного соглашения с Таиландом (с 2010 г.), а в 2012 г. начаты переговоры с Сянганом (Гонконгом). В течение 2011 г. 93% чилийского экспорта направлялось именно в те страны, с которыми были заключены договоры о свободной торговле, при этом более 50% приходилось на экономики АТЭС. С 2006 г. важнейшим торговым партнером Чили, обогнавшим США и Европейский союз, является Китай, превратившийся с 2006 г. в крупнейший рынок сбыта для чилийских товаров. На его долю приходится 22,2% всех экспортных поставок, среди которых 79% занимают металлы, преимущественно медь и концентраты. Торговый оборот между обоими странами неуклонно растет в среднем на 2% в год, а в 2011 г. он составил около 18 млрд долл. США. Во время своего визита в Китай в ноябре 2011 г. президент Чили С. Пиньера особо

подчеркнул роль экономического сотрудничества с этой страной и выразил готовность поддержать позицию КНР по ключевым международным вопросам.

Представлявший ИЛА РАН к.п.н., в.н.с. В.Н. Луний рассказал о новом интеграционном объединении в Латинской Америке — Тихоокеанском альянсе. Главы четырех крупных государств, имеющих морскую границу в Тихом океане — Колумбии, Перу, Мексики и Чили — 28 апреля 2011 г. в Лиме подписали декларацию о создании Тихоокеанского альянса (АР), в которой был провозглашен многопрофильный характер объединения. По мнению докладчика, альянс — это не новый блок держав, не политический клуб, а новая модель глобальной экономической кооперации и важная практика мультилатерализма. Основная цель — способствовать политической и экономической интеграции, в частности, создавать оптимальные условия для свободного обращения товаров, услуг и капиталов в регионе, стимулировать прямые иностранные инвестиции. Механизмом реализации этой цели станут договоры о свободной торговле (ФТА). Планируется также объединить биржи Сантьяго, Боготы, Лимы и Мехико. Важная стратегическая цель нового объединения — повысить роль латиноамериканских государств в АТЭС, а формат альянса позволит в большей степени координировать интересы латиноамериканских экономик в рамках АТЭС.

Выступление к.п.н., с.н.с. ИЛА РАН Э.Л. Белого было посвящено растущему взаимодействию Китая и Бразилии в рамках БРИКС, которое рассматривается сторонами, прежде всего, в координации позиций в области мировой экономики и расширения двустороннего экономического сотрудничества, позволяющей выстраивать свои отношения в русле концепции «win-win» (обоюдная выгода). Согласно бразильской статистике, объем инвестиций КНР в Бразилию в 2011 г. превысил 20 млрд долл. США, страна превратилась в крупнейшего в Латинской Америке бенефициара китайских капиталовложений. Китай предоставил крупнейшей бразильской нефтяной компании Petrobras кредит в размере 70 млрд юаней (10,51 млрд долл. США), а Бразилия гарантировала нефтяные поставки в течение десяти лет. В свою очередь бразильские банки предоставляют кредиты китайским компаниям, занимающимся производством автомобилей, самолетов и запасных частей. Стороны пришли к соглашению о возможности перехода к расчетам в юанях при импорте товаров из КНР.

Выступление м.н.с. Института востоковедения РАН Д.А. Мулеева было посвящено влиянию интеграционных процессов в АТР на внешнюю политику Японии. Несмотря на увеличение в начале XXI в. экономического и политического веса КНР, растущего значения «китайского фактора» многие страны АТР (в особенности члены АСЕАН) не хотят делать выбор между Китаем и Японией: для них по-своему важны оба экономических гиганта в качестве инвестиционных доноров и поставщиков новейших технологических разработок, уровень развития которых гораздо выше у японской стороны. Для Японии АТР имеет очень большое значение — более половины внешнеэкономических интересов страны сосредоточено именно здесь. Не менее важны и стратегические интересы. Возможный отказ Японии от положений 9-й статьи конституции (запрещающей японцам иметь наступательные вооруженные силы), за что выступают ведущие политические силы страны, приведет к изменению внешней политики Японии, что скажется на формировании новых экономических и политических связей в регионе, и прежде всего в США. Токио может выступить с инициативой строительства новых экономических и военно-политических образований. Естественно, это повлечет за собой полное обновление существующей в Азии системы международных отношений и создание новой системы региональной безопасности. В этих условиях на первый план выйдет необходимость стратегического партнерства Японии с Россией, которая также намерена искать возможности для сближения в этой области. Здесь Москва видит свой интерес в создании надежной системы безопасности для всех стран региона, в объединении их усилий, в сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору.

Сотрудник Российского центра исследований АТЭС М.Е. Хвостьянов рассказал о приоритетных направлениях работы регионального форума, на которые Россия намерена сделать упор в год своего председательства. В их числе — региональная экономическая интеграция и либерализация торговли и инвестиций, формирование надежных транспортно-логистических цепочек, укрепление продовольственной безопасности, интенсивное взаимодействие для укрепления инновационного роста.

В конференции приняли участие молодые ученые и аспиранты Института Латинской Америки и Института востоковедения РАН. Младший научный сотрудник ИВ РАН Я.О. Захарьев сделал доклад «Интересы китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии с точки зрения взаимодействия в АТЭС».

Обсуждение докладов проходило в конструктивной атмосфере и сопровождалось оживленной дискуссией. По многочисленным отзывам участников и гостей, заседание Круглого стола Института Латинской Америки РАН «Навстречу форуму АТЭС во Владивостоке» стало представительным научным форумом, площадкой всестороннего исследования международных проблем, сопоставления мнений и концепций. По итогам выступлений будет издан сборник докладов, опубликованы отчеты в периодической печати.

© 2012

С. Сазонов,
кандидат экономических наук

Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО

Научная конференция Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН

12 марта 2012 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась научная конференция Центра экономических и социальных исследований Китая (ЦЭСИК) по теме: «Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО». В своем вступительном докладе зам. директора ИДВ РАН, руководитель ЦЭСИК, д.э.н., проф. *Островский А.В.* заявил, что для КНР присоединение к ВТО означало не только вступление в широкий международный рынок, но и переход на новую стадию экономического развития.

За минувшее десятилетие Китай превратился из 9-го (в 2001 г.) экономического субъекта в мире во второй крупнейший экономический субъект. Его ВВП, составлявший в 2001 г. около 11 трлн юаней, возрос 10 лет спустя до 47,2 трлн юаней.

Ежегодный рост внешней торговли в среднем составил 22%, увеличился приток капитала, технологий, что усилило реформы и конкуренцию, улучшило условия формирования новых секторов экономики. Сейчас Китай — крупнейший в мире экспортер и вторая страна по величине импорта. Он занимает доминирующее место по привлечению прямых иностранных инвестиций.

К 2011 г. объем экспорта возрос почти в 7 раз, импорта — более, чем шестикратно. Государственные инвалютные резервы увеличились почти в 14 раз. Общий уровень импортных пошлин снизился с 15,3% в 2001 г. до 9,8% на сегодняшний день. За 10 лет годовой рост инвестиций Китая за рубежом превысил 40%, что обеспечило ему 5-е место в мировом рейтинге. Совокупная добавленная стоимость, созданная в промышленности, возросла с 4,35 трлн юаней в 2001 г. до 16 трлн юаней в 2010 г. Объем розничной торговли потребительскими товарами возрос с 3,76 трлн юаней в 2001 г. до 15,7 трлн в 2010 г.

Наиболее уязвимой для международной конкуренции отраслью считается сельское хозяйство. Но Китай пошел на большие уступки в отношении дотационной поддержки агропроизводства, установив более высокие требования, чем действуют в отношении большинства стран — членов ВТО. В течение 10 лет зерновое производство, неоднократно достигавшее нового исторического уровня, в 2011 г. дало 571,21 млн т зерна при непрерывном семилетнем росте; чистые среднедушевые доходы крестьян достигли 6 977 юаней; была развернута реформа системы коллективного права на леса и системы управления госхозами; ускорилось сооружение инфраструктуры в аграрном секторе и на селе. Достигнуты сдвиги в экономике энергоресурсов, сокращении вредных выбросов, экостроительстве и охране окружающей среды. Были разработаны целевые показатели, установки и меры по снижению выбросов парниковых газов к 2020 г., продолжалось осуществление приоритетных экологических проектов лесного хозяйства.

Внешнему миру вступление Китая в ВТО дало ряд экономических выгод. Расширение доступа на китайский рынок позволило иностранным компаниям наращивать присутствие в регионах, снижать издержки производства. Иностранные правительства и бизнес-ассоциации отмечают, что Китай выполняет свои обязательства перед ВТО. В частности, в сокращении пошлин, в изменении законов и административных структур, в открытии разных секторов рынка.

34 доклада других участников конференции были сгруппированы по тематике: «Общие проблемы», «Китай в мире», «Сельское хозяйство и экология», «Промышленность», «Транспорт».

Выступая по проблематике «общих проблем», г.н.с., д.э.н., проф. *Пивоварова Э.П.* в докладе «К вопросу о модели социально-экономического развития КНР» отметила, что успехи социально-экономического развития КНР на пути рыночных преобразований, продолжающихся уже более 30 лет, очевидны. В последнее десятилетие усилия направлены на улучшение качественных параметров развития и выправление тех перекосов, которые могут подорвать социальную стабильность в китайском обществе. Сопоставив китайские рыночные реформы с российским НЭПом, Э. Пивоварова отметила их несхожесть

К.э.н., в.н.с. *Баженова Е.С.* в своем сообщении «Миграционная ситуация в КНР в ходе экономических реформ» отметила, что основные черты развития народонаселения Китая в начале XXI в. — огромная численность населения при относительно молодой возрастной структуре и первых признаках старения, а также интенсификация миграционных процессов. Демографические процессы современного Китая характеризуются высокими темпами урбанизации. За последние 10 лет значительно увеличилась доля городских жителей. Число мигрантов (тех, кто более полугода проживает не по месту прописки) к 2010 г. возросло до 261,39 млн чел. что на 117 млн (или на 81,03%) больше показателя 2000 г.

Выступление к.ю.н., в.н.с. *Балакина В. И.* было посвящено теме «Китайские инвестиции в зарубежные активы: выбор стратегии в меж кризисный период 1998–2008 гг.» По оценкам международных экспертов, в последние несколько лет КНР активно включилась в глобальное геополитическое соперничество не только за ресурсы, но и за приобретение прочных позиций на мировых рынках высоких технологий. Главная форма китайской экспансии — наращивание прямых инвестиций в привлекательные зарубежные активы на всех континентах.

К.э.н., в.н.с. *Борох О.Н.*, выступившая с докладом «Стратегия развития культурных индустрий КНР», отметила, что стратегия создания «мощного культурного государства Китая» предусматривает повышение международного влияния китайской культуры и расширение присутствия его культурной продукции на мировом рынке, повышение международной конкурентоспособности культурных индустрий Китая и преодоление его «пассивного баланса» в торговле культурной продукцией. Докладчик проанализировал особенности развития этой сферы в период международного финансового кризиса, рассмотрел намеченные китайскими властями основные направления продвижения культурной продукции вовне, возникающие при этом проблемы.

С.н.с. *Верченко А.Л.* в докладе «Тайвань и ВТО: 10 лет вместе» отметила, что для Тайваня (принятого в ВТО 1 января 2002 г.) вступление в эту организацию было важным событием не только с экономической жизни, но и с политической точки зрения, т.к. ВТО стала первым международным органом, так или иначе признавшим Тайвань в качестве отдельного от Китая образования, пусть даже под названием «отдельной таможенной территории». Членство в ВТО открыло Тайваню дорогу для участия в других международных организациях. В мировой, в том числе региональной торговле Тайвань получил возможность поиска новых партнеров и освоения новых рынков для своей продукции на более выгодных условиях благодаря снижению таможенных тарифов. Тайваню стало легче защищать свою продукцию, обсуждать условия торговли и разрешать споры в порядке, установленном ВТО. Вступление в ВТО и выполнение ее регламентов послужили стимулом для ускорения внутренних экономических преобразований, поиска более совершенной модели роста, основанной на превращении острова в инновационный инкубатор и финансовый центр Азии.

В.н.с., к.э.н. *Чуванкова В.В.* в докладе «Развитие предпринимательской деятельности в КНР после вступления в ВТО» отметила, что в указанный период резко повысился экономический потенциал частнопредпринимательских структур по количественным и качественным параметрам, расширились рамки и география производственных интересов. В течение последних 10 лет заметно активизировалась деятельность Госсовета КНР и других компетентных органов по разработке законодательных актов и по-

становлений, регламентирующих предпринимательскую деятельность с учетом изменений в экономической и социальной жизни страны и требований международного права.

Были также заслушаны сообщения к.э.н., в.н.с. *Жигулёвой В.В.* «10 лет в ВТО: каково воздействие на цены (внутренние и внешние)»; д.в.н., в.н.с., проф. *Гордиенко Д.В.*, выступившего по проблематике экономической безопасности КНР после вступления в ВТО; к.г.н., в.н.с. *Бессарабова Г.Д.* «10 лет со дня присоединения КНР к ВТО»; к.ю.н., в.н.с. *Троицкого* — «Основные изменения действующего законодательства КНР в сфере защиты прав интеллектуальной собственности после вступления в ВТО».

В рамках второго тематического блока первой выступила д.э.н., г.н.с. *Новоселова Л.В.* по теме «Банковская система КНР: десятилетие преобразований». Важное условие присоединения Китая к ВТО, отметила она, — формирование в нем открытого банковского сектора с равными условиями деятельности для всех участников финансового рынка независимо от того, к какой стране принадлежат. Здесь были осуществлены соответствующие преобразования, включая повышение эффективности банковского регулирования; принятие новых нормативно-правовых актов; оздоровление, рекапитализация и акционирование крупнейших государственных кредитных институтов с поэтапным размещением их акций на фондовом рынке и привлечением в акционерный капитал стратегических иностранных инвесторов; расширение границ деловой активности иностранных банков и т.д.

Как сообщила в своем докладе «Китайские инвестиции за рубежом: европейский вектор» с.н.с. *Терентьева Т.Г.*, с 2003 г. по 2010 г. объем накопленных китайских инвестиций в Европу увеличился с 541,5 тыс. до 15,7 млн долл. (их удельный вес возрос с 1,6% до 3,5%). Заметное продвижение китайского капитала на европейский рынок стало возможным после того, как из-за мирового кризиса появились страны-банкроты (Португалия, Ирландия, Греция, Испания). Именно с этих стран Китай начал выстраивать финансовые отношения для своего широкого проникновения на рынки ЕС.

По мнению к.э.н., с.н.с. *Вахрушина И.В.*, выступившего с докладом «10-летие вступления Китая в ВТО: последствия для национального фондового рынка». Всемирная торговая организация не оказала существенного воздействия на рынок ценных бумаг Китая. Фондовый рынок страны по-прежнему остается преимущественно закрытым и, в силу этого, изолированным от влияния внешнего финансового мира, считает ученый.

Прозвучали также доклады *Савинского С.П.* «Этапы интернационализации национальной валюты КНР»; к.э.н., в.н.с. *Александровой М.В.* «Внешнеэкономические связи Дунбэя после вступления КНР в ВТО»; преподавателя Института Конфуция РГГУ, профессора ИЭ РАН *Ван Чжэжэня* (Тайвань) «Международная финансовая стратегия Китая после мирового финансового кризиса 2008 г. и ее осуществление»; аспиранта ИДВ РАН *Цзя Суна* «Банковская система Китая в условиях мирового экономического развития»; канд. геогр.н. (Амурский ГУ) *Понкратовой Л.А.* «Торгово-экономические обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая в XXI веке: десятилетние итоги и основные эффекты»; аспирантки ИДВ РАН *Чжао Синь* (КНР) «Китайско-российская торговля после вступления Китая в ВТО: структурные изменения и сценарные изменения на перспективу»; аспиранта *Хэ Миньцзюня (КНР)* «Развитие торговли КНР услугами за 10 лет после вступления в ВТО».

В блоке «Промышленность» важная тема была затронута в докладе в.н.с., к.э.н. *Муромцевой З.А.* «КНР: роль присоединения к ВТО в стратегии индустриализации нового типа». Предшествовавшие присоединению КНР к ВТО опасения о возможности ухудшении из-за обострения конкурентной борьбы положения в китайских капиталоемких и высокотехнологичных производствах, отмечено в докладе, оказались завышенными. Напротив, присоединение КНР к ВТО содействовало появлению новых импульсов в реформировании государственной промышленности.

При достаточно взвешенной макроэкономической политике, развивая экспортно-ориентированное производство и внешнеэкономическим связям в сочетании с защитой

интересов внутреннего рынка и потребителя, КНР достигла значительного промышленного подъема. За 10-летие после присоединения к ВТО удалось подготовить в наиболее развитых районах (городах центрального подчинения, провинциях Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун и др.) позиции для перехода к новой модели технологического развития — индустриализации нового типа, характеристики которой основываются на высокотехнологичном, наукоемком производстве.

В докладе д.э.н., г.н.с. *Анисимова А.Н.* ЦЭМИ РАН «Позиции Китая в мировой программе капитального строительства и их экономическое значение» отмечено: судя по потреблению стали и цемента, объем капиталовложений в основные фонды экономики в КНР в 2010 г. составляли не менее $\frac{3}{4}$ такового за ее пределами в 2008 г., или примерно 8 трлн долл. при исчислении капиталовложений по паритету покупательной способности инвестиционного юаня. В 2011 г. инвестиции КНР в основные фонды экономики были примерно вчетверо выше, чем в США, примерно вдвое выше, чем суммарно — в США и ЕС, в 8–10 раз — чем в Индии. Инвестиции в основные фонды промышленности в КНР в 2010 г. в 6–7 раз превышали таковые в США. Огромные размеры капиталовложений делают КНР в конъюнктурном отношении практически независимой от мирового рынка. При консервации Соединенными Штатами, ЕС и большей частью прочих стран действующей экономической модели соотношение между объемами производства в КНР и за ее пределами в конце концов превысит для промышленности 1,5, а для ВВП — единицу.

В военно-технической области Китай стремится к созданию инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИОКР, проектирование и производство военной и гражданской продукции, подчеркнул к.п.и, в.н.с. *Каменов П.Б.*, выступивший на тему «Военно-промышленный комплекс КНР».

Реализация этой установки в значительной степени связывается с членством КНР в ВТО, открывшим возможности доступа китайских военно-промышленных корпораций к современным зарубежным технологиям.

Этому способствует заинтересованность зарубежных компаний в сохранении их позиций в КНР ввиду благоприятного инвестиционного климата, относительной дешевизны рабочей силы, наличия обширного рынка сбыта продукции. В конечном итоге это способствует повышению технологического и производственного потенциала китайского ВПК по выпуску как гражданской так и военной техники и ее приближению к мировым стандартам качества.

В докладе к.э.н., с.н.с. ИДВ РАН *Коледенковой Н.Н.* «Развитие черной металлургии Китая за годы вступления в ВТО», в частности, отмечено, что вступление в ВТО сыграло значительную роль в развитии промышленного производства Китая. Произошло не только увеличение объема производства промышленной продукции, но и заметно изменился уровень технического отрасли, был создан целый ряд современных производств.

По проблематике «Промышленность» выступили также: с.н.с. *Пиковер А.В.* — по теме «Региональное развитие интернета в КНР»; аспирант ИДВ РАН *Чжан Сюэцзюнь* — «Слияние и поглощение иностранных инвестиций на китайском рынке (на примере нефтехимии)»; аспирант ИДВ РАН *Цзун Пин* — «Факторный анализ экспорта основной лесопроductии Китая»; *Цинь Лиин* (КНР) — «Стратегические нефтяные запасы Китая в XXI веке».

В блоке «Сельское хозяйство и экология» привлек внимание доклад д.э.н., г.н.с. *Бони Л.Д.* «Сельское хозяйство Китая: 10 лет в условиях ВТО», содержащий анализ плюсов и минусов, которыми обернулось вступление в ВТО для аграрного сектора Китая. По оценке ученого, вступление в ВТО ускорило переход страны к системе рыночной экономики со спецификой Китая, открыло Китаю основные сельскохозяйственные рынки мира. Объем экспорта-импорта агропродукции вырос с 29,7 млрд долл. в 2001 г. до 121,96 млрд долл. в 2010 г., или в 4,4 раза, Китай вышел на 3-е место в мире по объемам торговли в этой сфере, что позволило перейти к новой стратегии продовольственной

безопасности страны "с опорой на два рынка". Все это способствовало урегулированию структуры сельского хозяйства и увеличению доходов производителей агропродукции на экспорт. Обеспечивая дешевую рабочую силу, дешевую землю и дешевое продовольствие стране, село тем самым способствует реализации Китаем его модели роста.

Однако, как отмечено в докладе, мнение, что китайский агросектор благополучно адаптировался после вступления в ВТО к условиям мирового рынка, не совсем верно или, вернее, применимо лишь к первым годам "переходного" периода (2001–2003 гг.). Давление конкуренции мирового рынка на мелкое, распыленное традиционное сельское хозяйство Китая усиливается по всем направлениям, особенно в условиях его столкновения с крупномасштабным, современным земледелием развитых стран, с его современной системой услуг и высокой степенью протекционизма. Это создает обстановку несправедливой и неравной торговли на мировом рынке. Трудности нового периода в ВТО, их сложность и долгосрочность требуют, по мнению Л. Бони, принятия правительством комплекса мер — и прежде всего теоретического переосмысления опыта прошедших 10 лет членства КНР в ВТО.

Из доклада к.э.н., в.н.с. ЦЭСИК ИДВ РАН *Волковой Л.А.* «Опыт Китая в подготовке аграрной сферы к вступлению в ВТО» следует, что подготовительный период к вступлению в ВТО можно рассматривать как важную меру, обеспечившую стабильное, в целом, развитие отрасли в течение 10 лет нахождения страны в этой международной организации.

С.н.с., к.э.н. *Кранина Е.И.* в сообщении на тему «Влияние либерализации рынка на окружающую среду Китая» сделала вывод, что в процессах функционирования ВТО интересы экологии весьма непросто увязываются с интересами бизнеса из-за конкурентной борьбы за доступ к природным ресурсам и рынкам сбыта, за обеспечение корпоративных интересов, внешнеэкономических и внешнеполитических целей. Налицо противоречие: ВТО исходит из экспортной ориентации национальных экономик, тогда как природоохранные меры прежде всего подразумевают ограничивать на определенном этапе производство и торговлю.

По проблематике «Транспорт» выступили: соискатель ЦЭСИК ИДВ РАН, главный эксперт Департамента анализа и перспективного планирования ОАО "Рособоронэкспорт" *Басов А. Н.* — по теме «Авиационная промышленность КНР в 2001–2011 гг.»; аспирантка ИДВ РАН *У Цзы* (КНР) — по теме «Формирование крупнейшей в мире сети высокоскоростных железных дорог — итог вступления КНР в ВТО»; аспирант ИДВ РАН *Кудрявцев Е.С.* — по теме «Автомобильная промышленность Китая: основные тенденции развития после вступления в ВТО», к.э.н., с.н.с. *Сазонов С.Л.* — по теме «Динамичное развитие транспорта КНР в период после вступления страны в ВТО».

Последний из названных докладчиков, в частности, отметил: прошедшее десятилетие было наиболее продуктивным и динамичным для транспортного комплекса КНР, что выразилось не только в резком повышении протяженности и качества инфраструктуры, подвижного состава, но и в том, что по многим позициям транспорт Китая стал признанным мировым лидером.

Как показал коллективный анализ, произведенный участниками конференции, вступление Китая в ВТО благоприятствовало его народному хозяйству. С другой стороны, мировая экономика стала в еще большей степени зависеть от развития китайской экономики и от конъюнктуры китайского рынка — такой, в частности, вывод сделал проф. *А.В. Островский*, подводя итоги научной конференции ЦЭСИК.

Десятилетие устойчивого развития — политические итоги Конференция Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН

Конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, прошедшая 14 марта в стенах Института при участии более тридцати ученых и аспирантов из ИДВ, других институтов РАН, вузов Москвы, была посвящена политическим итогам развития Китая в первом десятилетии XXI в.

За минувшие 10 лет Китай стал не только второй по экономическому весу державой мира, но и вышел на новый уровень социально-экономического развития, значительно усилил свои позиции на мировой арене, отметил во вступительном докладе руководитель Центра д.полит.н. *А.В. Виноградов*. При этом, подчеркнул он, новое состояние государства и общества, несмотря на успешное решение многих традиционно острых для Китая проблем, чревато появлением новых противоречий и задач. Компартии Китая удавалось на протяжении всего этого времени находить эффективные средства поддержания внутривнутриполитической стабильности и контролировать растущее социальное напряжение, ибо результаты экономических преобразований служили проведению преобразований социальных. Программы экономического развития отсталых внутренних районов на западе и севере страны способствовали сдерживанию центробежных тенденций в национальных районах. Тем не менее, полностью избежать проявлений экстремизма, терроризма и сепаратизма не удалось. Экономические достижения не являются (что стало хорошо видно за прошедшие годы) универсальным средством решения социальных, национальных и политических проблем. Рост доходов, уровень образования и социального обеспечения повышает роль факторов качества жизни; население становится политически более ангажированным, его внимание к вопросам социальной справедливости, экологическим проблемам усиливается. Относительно низкий уровень доходов населения, недостаточно развитая система социального обеспечения ставят перед руководством страны трудные задачи. Мало поднять уровень жизни, нужно еще реформировать многие государственные структуры и органы управления, улучшить законодательную базу, развивать государственную политику в религиозной сфере, увеличивать число рабочих мест, решать социальные проблемы и т.д.

Как отметил докладчик, предстоящая в октябре, на 18-м съезде КПК смена руководства страны обострила не только проблему преемственности власти и политической стабильности, но и остро поставила вопрос о поиске новых направлений развития, определения стратегического курса КНР на период до 2020 г. Здесь существуют различные взгляды на приоритетность решения задач. Смена высшего руководства при одновременной корректировке курса может стать серьезным фактором нестабильности, который, совпав со снижением темпов экономического роста, может девальвировать достижения последних десятилетий.

18-й съезд КПК — в центре внимания дискуссии. Развивая тему партсъезда, г.н.с., д.и.н. *Галенович Ю.М.* отметил: китайское общество сегодня — это новое обще-

ство, отличающееся от общества времен Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина. Нынешний Китай есть неотъемлемая часть многообразного глобализирующегося мира. КПК (при ее более, чем 80 млн членов), будучи самой многочисленной политической партией в мире, управляющей страной с населением около 1,4 млрд чел., встала перед необходимостью искать пути решения небывало сложных, порой представляющихся неразрешимыми, новых проблем. 18-й съезд может стать чрезвычайно важным и необычным (для Китая и для всего мира).

Зам. директора ИДВ РАН д.э.н. *Портяков В.Я.* изложил прогнозы по персональному составу Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, который предстоит сформировать на 18-м съезде. Помимо Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна, приход которых на посты генсека и премьера давно считается предрешенным, в него, как ожидается, будут избраны секретарь парткома Шанхая Юй Чжэншэн (предположительно, возглавит ВСНП), Лю Яньдун (жен.) — как председатель ВК НПКСК. В Постоянный Комитет ПБ, скорее всего, войдут Ван Цишань (в качестве будущего основного вице-премьера), Лю Юньшань — на место Ли Чанчуня, в роли шефа идеологии, Ли Юаньчао (по-видимому, заменит Хэ Гоцяна как глава Комиссии по проверке дисциплины). Судя по гонконгской печати, Ху Цзиньтао не прочь ввести в высший эшелон человека, претендующего на роль будущего политического наследника (т.е. с 2022 г. смог бы возглавить партию и страну). В качестве основного кандидата называли Ху Чуньхуа (первого секретаря парткома Автономного района Внутренняя Монголия). Известен работой в центральном аппарате китайского комсомола и длительным пребыванием в Тибете, где непосредственно соприкасался с Ху Цзиньтао на стыке 1980–1990-х гг.

До последнего времени, напомнил В. Портяков, за еще одно место в будущем ПК ПБ конкурировали главы парткомов Гуандуна (Ван Ян) и Чунцина (Бо Силай). Последний был смещен с должности в марте с.г., сразу же после того, как на итоговой пресс-конференции 5-й сессии ВСНП 11-го созыва премьер Госсовета Вэнь Цзябао подверг его критике. В качестве кандидата на пост премьера в команде «лидеров 6-го поколения» готовится Сунь Чжэнцай — нынешний секретарь парткома г. Цзилиня, несколько лет работавший министром сельского хозяйства, который активно выступает в центральной печати с концептуальными статьями о путях решения проблем китайской деревни. Он может войти в Политбюро на 18-м съезде КПК и стать вице-премьером по сельскому хозяйству весной 2013 г.

Тема съезда и идеология, духовные ценности. Г.н.с., д.и.н. *Ломанов А.В.*, коснувшись политических аспектов китайской стратегии “сильного культурного государства”, отметил, что идеологический фон для предстоящего партсъезда формируется с акцентом на развитие и защиту духовных ценностей Китая. Тон был задан в октябре 2011 г. пленумом ЦК КПК, определившим долгосрочные цели в данной сфере, задавшим направление для будущих руководителей: проводить курс на укрепление культурно-идеологических устоев, активизируя пропаганду «системы сердцевинных ценностей социализма». Эта система включает, по словам А. Ломанова, 4 компонента (марксизм и теоретическая система социализма с китайской спецификой; «общие идеалы социализма с китайской спецификой»; дух патриотизма, реформ и инновации, «социалистические представления о почетном и позорном»). В Постановлении пленума система «сердцевинных ценностей» была расценена как «душа расцвета государства и квинтэссенция передовой социалистической культуры, определяющая направление развития социализма с китайской спецификой». После пленума китайские авторы указывали на необходимость повышения «культурного самосознания» людей, их «уверенности в своей культуре», что особенно важно на фоне роста мирового влияния Китая. В общественно-политических изданиях появились публикации с поиском лаконичных обобщающих формулировок «сердцевинных ценностей». Наиболее удачные из них могут прозвучать в

докладе на 18-м съезде как обобщение новых положений в сфере идеологии и культуры, накопленных за 10-летие пребывания Ху Цзиньтао у власти.

Как отметила в.н.с., к.э.н. *Борох О.Н.*, в КНР поставлена задача превращения к 2015 г. культурной индустрии в опорную отрасль экономики, создающую добавленную стоимость в размере 5% ВВП. В Пекине вызывают беспокойство серьезное превышение импорта культурной продукции над экспортом, слабые навыки ее коммерциализации. Как показала проведенная китайскими экспертами оценка восприятия в США деятельности многочисленных Институтов Конфуция, ее идейное и политическое содержание отталкивают многих американцев от продвигаемой при поддержке властей КНР китайской культуры.

В докладе д.н.н., проф. *Гудошникова Л.М.* отмечена «некоторая закономерная децентрализованность власти» после 1949 г. Крупные административные единицы создавались на базе освобожденных районов, где до образования КНР действовало достаточно прогрессивное законодательство (некоторые положения которого легли позднее в основу формирования правовой системы КНР). Административные районы сыграли заметную роль в процессе формирования Нового Китая, но со временем органы их управления утратили самостоятельность, вошли в состав центральных органов. Тенденция к централизации власти стала основной в реформировании госаппарата и административно-территориальной структуры КНР.

«К вопросу о теоретических основах политического управления (ПУ) в Китае и России» — так озаглавил свой доклад к. юр. наук *Бородич В.Ф.* Согласно Уставу КПК, в редакции ее 17 съезда (2007 г.), деятельность КПК строится на основе постоянно пополняемого ряда теорий марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, «важных идей тройного представительства», «научной концепцией развития». Они образуют теоретическую основу всей деятельности КПК и государства. Вектор теоретического обеспечения ПУ в Китае направлен от развития социализма (как цели политики) к развитию страны путем применения социалистической теории общественного развития.

Теоретические основы ПУ Китая служат теоретическим коридором возможностей, выход за который признается неблагоприятным для развития страны фактором. Теория социализма публично подчиняет деятельность власти интересам народа в целом. В отличие от этого, модель ПУ России предполагает с 2000 г., что политическое управление осуществляется путем реагирования правящих кругов на угрозы, прежде всего, своим интересам. Теоретического обоснования «реактивная модель ПУ» не требует, отсюда — отсутствие теоретической работы в данной области и, как следствие, отсутствие теоретически обоснованных стратегий и прогнозов. Пример тому, в частности: невыполнение большинства задач, названных в программе «Основные направления социально-экономической политики правительства РФ на долгосрочную перспективу» («Стратегия-2010»). В отличие от российской, персонифицированной формулы власти, коллективный характер власти в современном Китае благоприятствует, по оценке докладчика, запросу на теорию, становящуюся предметом соглашения между группами внутри правящей элиты и согласия между властью и народом. В России, в отличие от ПУ Китая, налицо возвращение (после 1991 г.) в русло капиталистической парадигмы.

Направления развития политической науки в КНР рассмотрела в своем докладе аспирантка МПГУ *Чжао Мэн*. По ее словам, в Китае стали формироваться, наряду с марксистским, «новые научные направления политической мысли»: националистическое, «новых левых», либеральное. Приверженцы современного «национализма» в китайской политической науке специализируются на анализе глобализации, современного мирового экономического и политического порядка. «Новые левые» интересуются институтами народной демократии, тенденцией бюрократизации политической власти при социализме. Сторонники либеральной политической мысли интересуются перспективами перестройки китайского общества по экономическим, политическим и культурным

образцам Запада. Однако, руководство КНР обеспечивает привилегированное положение марксистскому направлению, перед которым ставятся задачи исследовать главные проблемы и тенденции общественно-политического развития Китая.

Созвучным оказался доклад аспирантки ИДВ *Семенова А.А.* «Итоги развития общественных институтов в КНР за последние 10 лет», в котором было отмечено, что развитие в Китае элементов рыночной экономики, изменение политической и правовой обстановки неизбежно стимулирует формирование различных негосударственных общественных организаций. В последние годы в китайском обществе появились признаки роста гражданского сознания. Идущая «снизу» инициативность неправительственных организаций может стимулировать социальный прогресс. Хотя уровень самостоятельности, независимости и добровольности негосударственных организаций Китая в целом все еще низок, тенденция развития общественных институтов налицо.

Д.и.н. *Картунова А.И.* выступила с сообщением «О некоторых новых акцентах» в китайской историографии относительно причин поражения революции 1925–1927 гг.» Эти новые исследования подготовлены, как отметила А. Картунова, с введением в научный оборот обширной источниковой базы из переведенных на китайский язык первых двух томов сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (вышли в свет в Москве в 1994 и 1996 гг.), что привлекает к этим работам «нового» (как их именуют) поколения пристальное внимание историков. Во многих работах китайских авторов при оценке Великой китайской революции 1923–1927 гг. (наименование и хронология, принятые в китайской историографии) присутствуют, по наблюдениям А. Картуновой, формулировки об «ответственности ВКП(б) и Коминтерна» за ее поражение.

Политике КПК в религиозных вопросах был посвящен доклад н.с. ИДВ *Афониной Л.А.* На Всекитайском совещании по религиозной работе (декабрь 2001 г.), сообщила она, религия признана значимым фактором в современной государственно-партийной политике КНР и рассматривается как один из ресурсов достижения экономической и социальной стабильности. В докладе отмечен «двойной стандарт» в регулировании этой сферы: с одной стороны — законодательно закрепленная свобода вероисповедания, с другой — налицо сложность реализации конституционной нормы на практике. Декларируемая Конституцией КНР свобода вероисповедания позволяет населению участвовать в религиозной жизни в рамках одобренных государством объектов религиозного назначения. Но нетерпимость по-прежнему проявляется в отношении тех, кто не вписывается в своих религиозных убеждениях в государственную структуру.

В докладе «Социальный контент политики в сфере религий накануне 18-го съезда КПК» д.и.н. *С.А. Горбунова* охарактеризовала одну из социально адресных программ, направленную на поддержку государством «незащищенного слоя китайского общества» — 300 тыс. служащих пяти официально признанных в КНР религий. Финансирование на основе разработанного год назад «Уведомления о последовательном решении вопроса социальной защиты религиозных служащих» началось в феврале 2012 г. в Тибетском автономном районе, где монахи и монахини стали получать ежемесячные денежные пособия. Эта кампания, имеющая как социальную, так и политическую подоплеку, объясняется, в частности, стремлением властей снизить напряженность в среде служащих культов, стабилизировать ситуацию в Тибете накануне партсъезда.

Ускоренный рост социально-экономических аспектов в национальных районах КНР раскрыла на примере Тибетского автономного района к.и.н. *Лазарева Т.В.* На фактах и цифрах в докладе показан прогресс во всех жизненно важных сферах: промышленности, сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении, на транспорте, в телекоммуникациях. Это сопровождалось бережным отношением к национальной культуре, производилась реконструкция монастырей. Эти колоссальные сдвиги стали возможными благодаря тому, что центральное китайское правительство последовательно проводило в

жизнь политику районной национальной автономии, направленную на улучшение социального положения неханьских национальностей.

Правовые аспекты подняты в нескольких докладах. Выступивший по теме «*Основные тенденции развития правовой системы КНР*» к.юр.н. *Троицкий П.В.* акцентировал внимание на периоде после вступления Китая в ВТО. Налицо, в частности, тенденция заимствования опыта зарубежных стран в сфере прав интеллектуальной собственности. К 2010 г. «социалистическая правовая система с китайской спецификой» оказалась окончательно сформированной. Ее характерная особенность, по оценке выступающего, включение в систему правовых норм положений, свойственных системе социализма, как и принципов конфуцианской морали из традиционного китайского права. Вступление в ВТО было сопряжено с принятием набора актов, согласующихся с общими принципами международного права.

Изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства КНР за период реформ и открытости изложил и.с. ИДВ *Сухомлинов В.А.* В докладе рассмотрены изменения УК КНР, вступившие в силу с 1 мая 2011 г., проанализирован проект поправок в УПК КНР, рассмотренных на сессии ВСНП в марте 2012 г.

Совершенствование законодательной базы по борьбе с наркоманией и *незаконным оборотом наркотиков* осветила аспирантка ИДВ *Диченко А.А.*, отметившая, что с 1980-х гг. возрождение данной проблемы явилось одним из побочных результатов реализации курса «реформ и открытости». В докладе затронуте международное сотрудничество, включая приграничное взаимодействие правоохранительных ведомств КНР и РФ, совместное противодействие афганской наркоугрозе в рамках ШОС.

Массовая миграция рабочей силы из села в город повлекла образование «промежуточной» социальной прослойки «нунминьгун». констатировала в своем докладе г.н.с., д.э.н. *Кондрашова Л.И.* Жители городов и поселков, занятые в несельскохозяйственном производстве, но лишённые городских паспортов и доступа к городской системе обслуживания, составляют около половины занятых в городе и около трети — на селе. В 2009 г. таковых числилось 300 млн, или более 38% от всех занятых. Сохранение дуальной паспортной системы противоречит рыночным канонам и создает социальную напряженность. Снятия формальных запретов и паспортных ограничений недостаточно для уничтожения реальных барьеров на пути становления новоселов как «стандартных горожан». Крестьянских сбережений не хватает на городскую квартиру, как и на те услуги, что горожане получают по системе социального обеспечения. Новая стратегия «скоординированного развития города и деревни» нацелена на «развитие современного сельского хозяйства», «строительство новой социалистической деревни»: такова потенциальная альтернатива тенденциям «раскрестьянивания» и «деаграризации». Но ее реализация потребует немало средств.

К.э.н. *Бизенова Е.С.* рассмотрела социально-демографические факторы инновационного развития и возможные аспекты сотрудничества России и Китая в этой сфере. Для РФ, по словам докладчицы, актуален переход от экспортно-сырьевой модели экономики к модели, основанной на знаниях. Этого не достичь без качественного улучшения человеческого капитала, основного ресурса инновационной экономики.

Политика в «связке» с экономикой — 10-летний опыт Китая в ВТО. Так, в проведенном *Севальевым В.В.* анализе основных тенденций развития инновационного сектора отмечено: за период 2001–2010 гг. именно он получил в КНР ускоренное развитие. Здесь действуют долгосрочные государственные инновационные программы, созданы и успешно функционируют крупные инновационные центры, технопарки, лаборатории научно-технического развития. Особой поддержкой государства пользуются (в случае участия в инновационных проектах) средний и малый бизнес.

Аспирант ИДВ *Мокрецкий А.Ч.* в докладе «*О китайском понимании нового мирового порядка*» коснулся китайских трактовок переходного периода после «холодной

войны»: «*ичаосыцяи*» («одна сверхдержава и четыре центра силы»), «*ичаодоцяи*» («одна сверхдержава и много центров силы»), высказался о тенденциях многополярности и глобализации, привел суждения китайских ученых по проблематике превращения КНР в великую мировую державу.

Внутриполитическим факторам, влиявшим на отношение КНР к ЕС в 2011 г., было посвящено выступление к.и.н. *Артёмовой О.С.*, отметившей: приоритетные задачи внутреннего развития КНР (экономический рост, проведение структурных изменений в экономике) делают ЕС важнейшим направлением ее международной деятельности. Не случайно, стороны прилагали усилия к «углубленной состыковке» программы 12-й пятилетки КНР со стратегией «Европа 2020». Угроза углубления кризиса, негативно влияющего на Китай, побудила его включиться в меры по спасению еврозоны. Китайский бизнес старался использовать (при поддержке государства) слабость еврозоны для скупки подешевевших европейских активов ради широкого проникновения на европейский рынок и доступа к высоким технологиям.

Проблематика Гонконга, Тайваня, китайцев-хуацяо. В докладе к.и.н. *Степановой Г.А.* «О некоторых тенденциях в общественно-политической жизни Сянганского особого административного района (СОАР)» освещены события, происходившие там после восстановления суверенитета Китая в 1997 г. Прослежен процесс переговоров, консультаций и уступок со стороны Пекина, как и крупнейшей оппозиционной партии Сянгана, в результате чего в 2012 г. выборы главы администрации и состава Законодательного совета впервые проводятся по-новому.

Технологический и финансовый потенциалы Тайваня, по оценке к.ю.н. *Балакина В.И.*, нужны Пекину сами по себе, а не ради внедрения на условиях Запада в глобальную систему высокотехнологичного производства. В его докладе о «*тайваньском факторе*» в инвестиционной стратегии КНР отмечено, что Пекин старается исключить шаги, чреватые внутренней нестабильностью в стране.

Оценивая содействие зарубежных китайцев и реэмигрантов «выходу за рубеж» китайских компаний, к.и.н. *Афоняева А.В.* установила, что в реализацию этой стратегии (провозглашенной Пекином в 2000 г.) весомый вклад вносят *хуацяо*, как и реэмигранты (вернувшиеся в КНР китайские специалисты и выпускники иностранных вузов).

Альтернативной энергетике и экологической политике Тайваня был посвящен доклад к.и.н. *Бирюлина Е.В.* сообщившего что с конца 1940-х гг. экономика острова пережила стремительный подъем, при котором остро встали проблемы в энергетике и в охране окружающей среды: общее потребление энергии достигло 1% от общемирового.

Конференция, проведенная Центром политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН, отличалась тематической широтой, объективностью оценок. Она показала, что российскими Китаеведами за истекший год проделана серьезная работа.

Рецензии

Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.; Крафт+, 2010. 352 с.

Период правления в Японии сёгунов Токугава, продолжавшийся с 1603 до 1867 гг. — тема, наиболее активно исследуемая в японской исторической науке. Японские ученые рассматривают эту эпоху как важнейшую в истории страны, полагая, что именно в это время сформировались отличительные черты японского общества, сохраняющиеся до наших дней. Между тем российские историки не разрабатывали указанные проблемы с начала 1960-х гг. Монография Н.Ф. Лещенко восполняет данный пробел.

Установив с помощью военной силы и изощрённого маневрирования собственную верховную власть в стране, Токугава Иэясу сумел передать ее по наследству потомкам. Тем самым военный правитель завершил процесс объединения Японии. Император был лишен реальной власти, за ним сохранялось право раздавать придворные должности, ранги и награды, а также руководить религиозными церемониями.

Иэясу и его наследники смогли удержать в подчинении даймё — феодалов, имевших обширные владения — поэтому в течение 264 лет в Японии не было крупномасштабных внутренних вооруженных конфликтов (хотя имели место протестные выступления крестьян, деклассированных самураев и горожан). В начале эпохи Токугава правительство сёгуна — бакуфу установило строгие социальные различия. «Все население страны было разделено на четыре сословия: си- самураи, но-крестьяне, ко — ремесленники и сё-торговцы. Сословие самураев подразделялось на даймё и собственно самураев, их вассалов» — пишет автор. (С. 91)

Среди 15 сёгунов дома Токугава наряду со слабыми правителями были и весьма способные лидеры. Недюжинной личностью был сам Токугава Иэясу (время правления 1603–1616 гг.). Автор посвятила ему отдельную главу. Талантливый воин и дипломат, Иэясу в своей деятельности руководствовался не только своими властными амбициями, но и объективными интересами государства. Правитель пре-

вратил место расположения своей резиденции город Эдо (нынешний Токио) в культурный центр Японии. Он привлекал туда искусных ремесленников, ученых, художников, писателей, придавал большое значение сбору старинных рукописей и созданию библиотек, был щедрым покровителем книгопечатания. Вместе с тем сёгун весьма реалистично оценивал уровень развития страны. Н.Ф. Лещенко отмечает, что Иэясу в своем завещании указывал: «науки сравнительно с другими странами еще стоят на низкой ступени. Устройством школ и распространением образования следует сделать Японию известною». (С. 77)

Сильным администратором был третий сёгун Иэмицу (время правления с 1623 по 1651 гг.). При нем окончательно оформилась система заложничества, в соответствии с которой даймё обязывались на протяжении года жить в Эдо вместе с женой, детьми и вассалами. «Когда даймё возвращался в свое владение, он оставлял в Эдо свою семью в качестве заложников: это был лучший способ удержать его от опрометчивых поступков» — пишет автор. (С. 90).

Одной из самых примечательных личностей, оставивших след в истории Японии, был восьмой сёгун Ёсимунэ (правил с 1716 до 1745 гг.). Он был энергичным и умелым правителем и провел серию реформ, коснувшихся сфер управления, законодательства и финансов. Специальным указом Ёсимунэ ввел режим жесткой экономии и вел борьбу против роскоши и излишеств. Он также боролся против взяточничества и других злоупотреблений среди чиновников. Составной частью реформ при Ёсимунэ было разрешение на ввоз в Японию европейских книг по прикладным наукам. Сёгун Ёсимунэ лично встречался с голландцами во время их ежегодных визитов в Эдо и интересовался, какую практическую выгоду можно извлечь из западных наук.

В исторической науке долго сохранялась оценка периода правления сёгунов Токугава как времени застоя, что привело к консервации отсталости страны в доиндустриальную

эпоху. В рецензируемом труде эпоха Токугава предстаёт как время динамичного развития, подготовившего впечатляющий прогресс Японии в период Мэйдзи (1686—1912 гг.)

Автор впервые в российской японистике вводит в научный оборот данные по исторической демографии. Опираясь на сочинения японских ученых Н. Сэкияма, К. Номура, А. Хаями и др., Н.Ф. Лещенко разделяет демографические процессы в Японии в эпоху Токугава на «три стадии: 1) быстрый рост населения в XVII в.; 2) устойчивая демографическая ситуация в первой половине XVIII в. и ее дестабилизация во второй половине XVIII в., когда начались большие колебания численности населения в отдельных районах Японии; 3) начало прироста населения в XIX в.» (С. 126) С 1600 по 1700 гг. население страны выросло с 12 млн чел. до 27 млн чел. В эпоху Токугава смертность от инфекционных болезней в Японии была ниже, чем в Европе (ограничение контактов с внешним миром спасало страну от проникновения заразных болезней), а средняя продолжительность жизни выше, чем в Старом свете. «Исследование документов, хранящихся в 251 храме провинции Гифу и относящихся к 1700—1851 гг., показывало, что люди умирали в среднем в возрасте 59,7 лет» — отмечает исследователь (С. 134). Автор полагает неверным вывод о наступлении в Японии в середине и конце периода Токугава демографической стагнации, когда темп роста населения замедлился. Правильнее говорить об изменении динамики роста народонаселения. Н.Ф. Лещенко считает, что низкий прирост населения «обеспечивал больший доход на душу населения, что явилось одной из предпосылок быстрой индустриализации страны в период Мэйдзи». (С. 138)

Японское государство в эпоху Токугава держалось на крестьянстве, составлявшем 84—85% населения страны. Крестьянство не было однородным, оно включало и мелких собственников земли, и безземельных крестьян, и слуг в больших крестьянских хозяйствах. Основой богатства сёгуна и феодальных властителей был рисовый налог, поступающий из деревни. Поэтому бакуфу установило разного рода ограничения в отношении купли и продажи, закладки и уступки земли. Но разорение и утрата земли владельцами были в порядке вещей. Наблюдались социальные сдвиги: в разряд сельских самураев — госи попадали и богатые крестьяне и кушцы, чей капитал проникал в деревню.

Уже в XVI в. в деревне развивалось домашнее текстильное производство (изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей). Со второй половины XVII в. повсеместно про-

исходил рост крестьянской промышленности. В сельской местности создавалась рассеянная мануфактура. Свою роль в этом сыграл фактор наличия дешевой рабочей силы, которой по мере развития товарно-денежных отношений в стране становилось все больше. «В экономическом развитии японская деревня играла опережающую роль по сравнению с городом, — отмечает автор. — Многие отрасли производства зародились и развивались в деревне, и именно она послужила базой для последующей индустриализации страны» (С. 151).

Со второй половины XVI в. Японии наблюдался рост городов как центров ремесла и торговли. К началу XVII в. 5—7% населения проживало в крупных городах. Только Нидерланды и Англия имели большую концентрацию городского населения. «К концу XVII в. Япония была одной из самых урбанизированных стран мира с высокой степенью концентрации населения» — констатирует исследователь. (С. 152)

Поддержанию оживлённых связей между центральными городами (Эдо, Осака и Киото) и провинциями способствовало хорошее состояние дорог и водного транспорта. Главные японские дороги были достаточно широки, чтобы можно было свободно разъезжаться двум экипажам. Дороги и транспорт в период Токугава находились под строгим правительственным контролем.

В рассматриваемую эпоху в Японии сложился экономически мощный слой купечества. Ряды торговцев пополняли обедневшие самураи, разбогатевшие ремесленники и крестьяне. В социальной иерархии торговцы занимали последнюю ступеньку, основная часть даймё и самураев, находившихся у них в постоянном долгу, относились к ним с враждебностью и презрением, но не могли обойтись без их помощи. Верховные правители Японии пользовались услугами купечества. «У Токугава Изэсу советником по финансовым делам был Гото Миццугу, который основал монетный двор (Гиндза)... Торговый дом Миццуи стал банкиром бакуфу» — пишет Н.Ф. Лещенко (С. 166).

В XVI—XVII вв. в Японии возникали торговые или торгово-предпринимательские дома. Некоторые из них сохранились до наших дней, среди них — Кононкэ, Миццуи и Сумитомо. Синроку, основавший в конце XVI в. торговый дом Кононкэ, был по рождению самураем, но скрыл свое происхождение и посвятил себя предпринимательству. Он начал с производства и продажи в разнос сакэ. Его сын Дзэнъэмон занялся морскими перевозками, а в 1665 г. открыл в Эдо меняльную контору и стал проводить кредитные операции. Торговый дом Ми-

цун ведет свое начало от Такатоси Сокубэй (1578- 1633), выходца из семьи мелких феодалов, отказавшегося от самурайского звания и занявшегося торговлей. Позднее семейство Мицуи включилось в финансовые операции. «Наличие в обращении разного вида денег (золотых, серебряных, медных, а также бумажных), развитие товарно-денежной экономики и рыночных связей привели к появлению меняльных контор» — отмечает автор (С. 184-185). Там можно было взять деньги в кредит, обменять векселя (таковые появились в торговой практике к середине XVII в.), оставить деньги на хранение. По существу меняльные конторы были прообразами банков. Интересно, что несмотря на отсутствие контактов японского купечества с зарубежными торговцами в силу изоляции Японии, техника ведения дел у дома Мицуи и у других японских купеческих домов была такой же, как и у их европейских коллег. Они владели техникой двойной бухгалтерии, которая позволяла получать полный баланс между дебетом и кредитом. Это один из примеров феномена развития рынка и товарно-денежных отношений в Японии как во многом независимого от европейских и других зарубежных моделей и «параллельного» им. В разделе рассматриваемой работы, посвященном японскому купечеству, подробно цитируются уставы торговых домов Кононкэ, Мицуи и Сумитомо. Эти материалы, впервые введенные Н.Ф. Лещенко в научный оборот в российской японистике, говорят о генетической связи современного японского менеджмента с традициями старых японских торговых домов. Из среды японского купечества вышли предприниматели и интеллектуалы эпохи Мэйдзи.

Очень интересен раздел рецензируемой работы, посвященный системе образования и воспитания в Японии в период Токугава. В XVII в. в обстановке мира и экономического подъема в стране появилась потребность в гражданских профессиях, для которых был обязателен определенный уровень грамотности и образования. Знания были необходимы самураям, чтобы найти себе дело в условиях мира, и купечеству, и сельской администрации. Необходимость образования осознавали и правители Японии, особенно Иэясу и Ёсимунэ. К концу XVIII в. в Японии насчитывалось 15 тыс. школ разного типа. Сложилась система образовательных учреждений, включавшая Сёхэй гакко (Конфуцианскую академию при центральном правительстве), школы в княжествах, сидзюку (частные школы), тэракоя (прихрамовые школы), гогаку (местные школы). Тэракоя, учащиеся которых были крестьяне, торговцы и горожане, сыграли главную роль в распростране-

нии грамотности в стране в период Токугава. Тэракоя давали начальное, а гогаку — среднее образование. Школьное обучение в период Токугава содержало в себе немало традиционных, даже косных элементов, но решительный поворот в области образования в последовавшую затем эпоху Мэйдзи был бы невозможен без развития школьной системы при сёгунате Токугава. «В стране появилось большое количество учителей с опытом работы, образование было реально доступно не только высшим слоям общества, но и простолюдинам. В результате в 1870 г. уровень грамотности в Японии был выше, чем в Европе» — подчёркивает исследователь (С. 223).

Большое внимание в работе Н.Ф. Лещенко уделено проблеме изоляции Японии в период Токугава. Автор отмечает, что первые объединители Японии — Ода Нобунага (1534-1582) и Тоётоми Хидэёси (1536-1598) первоначально не предпринимали мер к ограничению торговли и миссионерской деятельности европейцев. Однако Хидэёси усмотрел в действиях португальских миссионеров неприкрытое вмешательство во внутренние дела Японии: они сеяли распри, разжигали конфликты между феодалами, открыто поддерживали сепаратистские устремления юго-западных даймё. Поэтому в июне 1587 г. Хидэёси издал указ, предписывавший всем миссионерам под угрозой смертной казни покинуть страну в течение 20 дней. В то же время португальским торговцам разрешалось продолжать торговлю в Японии. В 1612 г. Токугава Иэясу своим указом поставил христианскую религию вне закона. В 1624 г. последовало запрещение приезжать в Японию испанцам, а в 1639 г. — португальцам. С 1641 г. только голландцам и китайцам было разрешено торговать в порту Нагасаки, находившемся под непосредственным контролем бакуфу. Давая разрешение на торговлю голландцам, бакуфу учло их помощь в подавлении крестьянского восстания в Симабара (1637-1638), проходившего под христианскими лозунгами.

Меры по постепенному усилению изоляции страны от внешнего мира принимались на протяжении 50 лет, из чего можно сделать вывод, что бакуфу решилось на этот шаг под давлением серьезных обстоятельств. Изгнав испанцев и португальцев, Япония не закрыла себя для Азии. В XVII-XVIII вв. велась активная торговля с Китаем, островами Рюкю и Кореей. Внешняя торговля оказывала положительное влияние на экономическое развитие западной части Японии. Ссылаясь на современные работы японских ученых, автор подчёркивает: «новые данные об объемах внешней торговли опровергают точку зрения об исклю-

чительной закрытости Японии в эпоху Токугава» (С. 230).

По мнению Н.Ф. Лещенко, ограничения связей с внешним миром следует рассматривать как часть политики, направленной на стабилизацию внутреннего положения, на упрочение сёгунской власти. «Отсутствие возможности широко и свободно торговать с другими государствами сковывало предпринимательскую активность японского купечества, но, с другой стороны, привело к тому, что, направив всю инициативу, изобретательность и смекалку на развитие внутренней торговли, они выработали особый японский стиль управления и ведения дел» — отмечает исследователь (С. 231).

В эпоху Токугава каналом для передачи в Японию информации о внешнем мире была голландская торговая фактория на острове Дэдзима в Нагасаки. После издания в 1720 г. указа сёгуна Ёсимунэ о разрешении ввоза в Японию книг по прикладным наукам через голландскую факторию в страну поступали сочинения по астрономии, медицине, математике. Упомянутый указ стал стимулом для изучения японцами голландского языка, появилась небольшая группа японцев-переводчиков. Благодаря их работе голландская литература в XVIII в. была введена в научный и образовательный оборот, в Японии сформировалась школа «голландской науки».

Значительное внимание в монографии уделено истории становления российско-японских отношений, показаны все подводные камни на этом трудном пути (С. 259–271). Автор объясняет причины, по которым Россия не воспользовалась разрешением на заход в Нагасаки одного российского судна, которое получила экспедиция Адама Лаксмана 1792–1793 гг. (С. 260–262).

Особо автор останавливается на посольстве Е.В. Путятина, в результате которого в феврале 1855 г. был подписан первый российско-японский Симодский трактат. Подписание этого договора проходило в чрезвычайно неблагоприятных для России условиях (Крымская война, в которой Россия понесла поражение).

На основе архивных данных в монографии приводятся малозвестные факты из биографии Е.В. Путятина (С. 268–269) и подчеркивается его роль в установлении диплома-

тических отношений с Японией.

В «Заключении» автор резюмирует, что период Токугава был переходным периодом в развитии страны, с интенсивным развитием рыночной экономики. «К исходу этого периода японское общество обладало внутренним потенциалом для развития капитализма» — отмечает Н.Ф. Лещенко. Автор приводит следующее образное замечание японского историка и журналиста Такэкоси Ёсабура, пытавшегося дать экономическую интерпретацию истории, а именно, что в Японии долгое время «пшеница росла под снегом» (С. 303–304).

Монография Нэлли Фёдоровны Лещенко — итог кропотливой исследовательской работы, продолжавшейся 10 лет, с использованием обширной российской, английской, американской и японской литературы. Это также результат нескольких научных командировок автора в Японию. При подготовке книги Н.Ф. Лещенко провела большой по объему и сложности перевод с японского языка на русский и введение в научный оборот уникальных источников (например, уставов японских торговых домов Конокэ, Мицуи и Сумитомо).

Работа представляет анализ периода Токугава с точки зрения политики, экономики, демографии и культуры, дает целостный «портрет эпохи». Достоинство книги и в том, что в ней отображены конкретные исторические фигуры, поэтому речь идет о портрете «в лицах».

Рецензируемое сочинение имеет новаторский характер. Впервые в российском востоковедении с использованием обширного цифрового материала анализируется демографическая ситуация в эпоху Токугава, рассказывается о 15 сёгунах дома Токугава, излагается история ведущих купеческих домов Японии. Новое содержится в рассказе о «голландском следе» в истории этой страны, а также в оценке значения изоляции Японии.

Книга написана хорошим литературным языком, сложные проблемы в ней переданы просто и понятно. Это делает ее доступной не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется историей, экономикой и культурой Японии. Для историков-востоковедов полезна обширная библиография и словарь японских терминов. Монография пользуется заслуженной популярностью у исследователей, преподавателей и студентов.

Юбилей ученого

Проходя «отметку 80». Юрию Михайловичу Галеновичу — 80 лет

Юрий Михайлович Галенович родился 20 апреля 1932 г. в Москве. В 1954 г. окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Далее на протяжении четверти века участвовал в практической работе в области наших двусторонних отношений с Китаем. Ведал культурными связями в посольстве СССР в КНР, работал в составе советских делегаций на пограничных консультациях и переговорах в 1964 и 1969–1970 гг. Ему довелось переводить беседы А.Н. Косыгина с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, А.Н. Шелешина с Ху Яобаном и Ли Сяньнянем, А.И. Микояна с региональными китайскими руководителями. За работу в Пекине в сложные годы «культурной революции» был награжден орденом «Знак почета» за мужество при выполнении служебного долга. Занимался анализом в наших государственных учреждениях двусторонних советско-китайских отношений и таких внутривосточных событий в КНР, как «культурная революция» и «дело Линь Бяо».

В 1970-х гг. руководил одним из отделов Секретариата ООН, ведавшим ее информационными центрами по всему миру и связями ООН с неправительственными организациями. Находясь в США, изучал состояние и перспективы китайско-американских отношений.

С конца 1970-х гг. на протяжении 10 лет занимался научно-организационной работой в качестве заместителя директора сначала Института Африки, а затем Института Дальнего Востока АН СССР. С конца 1980-х гг. сосредоточился на научно-исследовательской работе, является главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН.

За прошедшие четверть века стал автором 50 монографий.

Ниже перечислены главные направления исследований и названия соответствующих монографий Ю.М. Галеновича:

Анализ истории и внутривосточного положения в КНР («Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.)», «Смерть Мао Цзэдуна», «Противостояние: Пе-

книг, Тяньаньмэнь, 1989 год», «Китайское чудо или китайский тупик», «Призрак Мао», «О чем пишут авторы сборника “Китай недоволен”»). В шестом томе «Истории Востока», изданной Институтом востоковедения РАН, ему принадлежит раздел «История Китая второй половины XX столетия».

Деятельность практически всех политических лидеров Китая в XX и XXI вв. («Цзян Чжунчжэн или неизвестный Чан Кайши», «Мао Цзэдун вблизи». «Великий Мао», «Гибель Лю Шаоци», «Возвращение Лю Шаоци», «Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун», «Путешествие на родину Дэн Сяопина», «Дао Ху-гуна (о Ху Яобане)», «Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая», «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае», «Новое лицо Китая»; готова к изданию монография «Чжао Цзыян и реформы в Китае»).

История и современное состояние наших двусторонних отношений («“Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений», «Россия — Китай: шесть договоров», «История взаимоотношений России и Китая» (в четырех книгах), «Четыреста лет соседства России с Китаем», «Россия и Китай в XX веке: граница», «“Войны Нового Китая” и его дипломатическая служба»), В 2011 г. в КНР издана официальная «История Коммунистической партии Китая». Ю.М. Галенович готовит к печати монографию на тему: «Россия в “Истории Коммунистической партии Китая”».

Современное китайское осмысление или оценка в КНР исчезновения СССР и появления Российской Федерации, ее внутренней и внешней политики («История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых», «Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых», «Россия в “китайском зеркале”. Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений», «Китайские поминки по КПСС и СССР»).

Соотношение интересов России, Китая и США («Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века», «Китай и сентябрьская трагедия Америки», «Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов?»).

Необходимо также особо отметить выполненный Ю.М. Галеновичем перевод китайского классического труда «Сань-цзы-цзин (Троесловие)» с его авторскими предисловием и послесловием.

В КНР в переводе на китайский язык издана серия его монографий на общую тему: «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры». Эта серия состоит из шести монографий: «От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена», «Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши)», «Сталин и Мао. Два вождя», «Н.С. Хрущев и Мао Цзэдун». «От Л.И. Брежнева и Мао Цзэдуна до М.С. Горбачева и Дэн Сяопина», «Москва — Пекин, Москва — Тайбэй».

В Южной Корее в переводе на корейский язык издается монография Юрия Михайловича «Россия и Китай в XX веке: граница».

Ю.М. Галенович доктор исторических наук, профессор всеобщей истории. Читает лекции по истории взаимоотношений России и Китая в РГГУ и МГИМО(У) МИД РФ. На протяжении нескольких десятилетий является заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, первым вице-президентом Ассоциации китаеведов РАН, членом совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Юрию Михайловичу крепкого здоровья и творческого долголетия на благо отечественной науки.

Александр Геннадьевич Юркевич — 60 лет

Александр Геннадьевич Юркевич родился 3 мая 1952 г. в Москве. В 1975 г. окончил Военный институт (ныне Военный университет), получил квалификацию переводчика-референта по китайскому и английскому языкам. В 1975–1980 гг. офицер Советской Армии А.Г. Юркевич проходил службу на территории Монгольской Народной Республики. Свой путь в научное востоковедение Александр Геннадьевич начал в 1982 г., с работы в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». С середины 1980-х гг. в научной периодике стали появляться его публикации по новейшей истории Китая. С 1986 г. он приступил к работе в Институте Дальнего Востока АН СССР (ныне РАН), пройдя путь от младшего до старшего научного сотрудника и ученого секретаря редколлегии энциклопедического словаря «Китайская философия», вышедшего в издательстве «Мысль» в 1994 г. Помимо научно-организационной и редакторской работы А.Г. Юркевич выполнял переводы материалов китайских авторов, писал статьи

по истории китайской философской мысли, которые публиковались в словаре «Китайская философия», журнале «Проблемы Дальнего Востока», а впоследствии в других словарных, энциклопедических и востоковедных изданиях. С середины 1990-х гг. до 2003 г. Александр Геннадьевич был ученым секретарем группы, занимавшейся разработкой концепции и подготовкой рукописи энциклопедии «Духовная культура Китая», шесть томов которой вышли в 2006–2010 гг. в издательской фирме «Восточная литература». Перейдя в 2003 г. на работу в Российский университет дружбы народов, А.Г. Юркевич продолжал сотрудничать с коллективом ИДВ РАН, готовившим энциклопедию к изданию: в пяти из шести ее томов опубликованы статьи, принадлежащие его перу.

В 2000 г. он защитил в ИДВ РАН диссертацию на тему «Становление системы подготовки военных кадров Гоминьдана в 1924 — первой половине 1926 гг.» на соискание степени кандидата исторических наук. В 2003–2011 гг., Александр Геннадьевич был доцентом кафедр всеобщей истории и истории философии РУДН, директором Центра азиатских исследований РУДН. В настоящее время является доцентом кафедры цивилизационного развития Востока отделения востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Одновременно А.Г. Юркевич возглавляет отдел идеологии и философии Восточной Азии в редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока». Результатом плодотворной научной деятельности Александра Геннадьевича стали около ста научных публикаций по истории китайской философии и культуры, а также военной и военно-политической истории Китая.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Александра Геннадьевича Юркевича с юбилеем и желают ему доброго здоровья, больших творческих успехов во всех областях его многогранной деятельности.

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement of the Russian Federation and the Peoples Republic of China on Further Deepening Sino-Russian Relations of Comprehensive Equal and Confidential Partnership and Strategic Cooperation

Declaration of the Heads of Member States of the Shanghai Cooperation Organization on the Construction of the Region of Lasting Peace and Common Prosperity

POLITICS

A. Larin. Cooperation Across the Taiwan Strait: Achievements, Problems and Prospects

Y. Morozov. Influence of the Middle East Crisis on the National Interests of the SCO States

ECONOMY

Zhao Xin. China's Foreign Trade in the XXI Century: the Features of State Regulation and Dynamics of Development

A. Voronin. Energy As the Material Foundation for Strategic Partnership Between Russia and Vietnam

E. Kafyrin. China: Modernization in the Interests of People

STATE AND SOCIETY

A. Ponamareva, S. Ponamarev. Chinese Immigration in the Context of Russia's National Security: Trends and Prospects

V. Samsonova, E. Kim. Migration in the Republic of Korea: Current Status, Problems and Prospects

THEORY AND METHODOLOGY

E. Pivovarova. On the Question of the "Model" of Social and Economic Development of China

V. Samartsev. National Power with Chinese Characteristics

V. Balakin. The European Experience of Regional Integration for East Asia

HISTORY

A. Kartunova. The Problem of China at the VII Plenum of the ECCI: Discussion in the Chinese Commission (December, 1926)

F. Sinitsyn. The Soviet-Japanese Confrontation and the "Buddhist Factor" (1927–1945)

A. Kozlov. Opium: An Important Source of Revenues for British Colonial Administration of Hong Kong in 1900–1941

SCIENTIFIC EVENTS

V. Portyakov. Conference in Poland on the Problems of East Asia

S. Sazonov. "Towards APEC Forum in Vladivostok". Round-table in the Institute of Latin America (RAS)

E. Kranina. China's Economy: 10 Years After the Entry into WTO. Scientific Conference of the Center for Economic and Social Studies (IFES RAS).

A. Vinogradov, T. Lazareva. The Decade of Stable Development: Political Results. Conference of the Center for Political Studies and Forecasts (IFES RAS).

BOOK REVIEW

V. Grinyuk. Leshchenko N. Japan in the Tokugawa Era

SCHOLAR JUBILEE

Passing Mark of "80". Yuri Mikhailovich Galenovich — 80 years

A.G. Yurkevich — 60 years

Contents

Summary

Summary

A. Larin. Cooperation Across the Taiwan Strait: Achievements, Problems and Prospects

With the accession to power of the KMT in Taiwan, the relationship of the island with the mainland have entered a new phase that characterized by qualitative deepening of economic integration, the expansion of contacts and significant improvement in the overall political atmosphere. The basis for progress lays in recognition by the parties of "1992 Consensus." They discussed the idea of a peace agreement, but the obstacle here is the ambiguous attitude to it of Taiwan and, probably, the Chinese leadership. The U.S. is not interested in Taiwan's moving to "independence", although not refuses to sell military hardware to the island. Generally, the peaceful development of relations between two sides of the Taiwan strait is running with high degree of stability.

Key words: Kuomintang, the Taiwan Strait, the trade across the strait, the framework agreement.

Y. Morozov. Influence of the Middle East Crisis on the National Interests of the SCO States.

The paper examines how a "peaceful aggression" in the Middle East is being unleashed under current conditions, what methods and forms are applied to eliminate legitimate authorities in some countries of the region, what consequences of possible aggression against Syria and Iran should be expected by the SCO States, and what is appropriate to be done to prevent the very aggression in the Central Asian region.

Key words: aggression, power, the strategy, the national interests, threats, challenges.

Zhao Xin. China's Foreign Trade in the XXI Century: the Features of State Regulation and Dynamics of Development

With the country's reform and opening up on the background, especially after its entry into WTO (2001) China has been steadily increasing its role in world trade. The article attempts to identify the specificity of the development of this important sector of Chinese economy, to analyze by mathematical methods the changes in commodity structure of imports and exports, to represent main instruments for implementation of China's foreign trade strategy in the XXI century.

Key words: foreign trade of the PRC, the tools of government regulation, the commodity structure of exports and imports.

A. Voronin. Energy As the Material Foundation for Strategic Partnership Between Russia and Vietnam

The cooperation between Russia and Vietnam in the fuel and energy sector has long-term, mutually beneficial and comprehensive record. It includes industrial cooperation in oil and gas industry, technical and economic cooperation in building capacity in hydro, thermal and nuclear energy, coal mining, construction of power grids and pipelines, in the training of qualified personnel in the SRV. The paper presents the main stages and characteristics of the

energy cooperation between Russia and Vietnam for nearly sixty years, reveals a trend of further cooperation in this field.

Key words: cooperation in energy sector; oil and gas complex, coal-mining industry, alternative energy, Vietpetro, Rusvietpetro.

E. Kafyrin. China: Modernization in the Interests of People

The article describes the dynamics of renovation of Chinese society, the stages of its modernization. It traced the milestones for the implementation of state policy levers of market economy and the main directions of social and economic development.

Key words: modernization of Chinese society, increasing people's welfare, human rights in China, free economic zones.

A. Ponamareva, S. Ponamarev. Chinese Immigration in the Context of Russia's National Security: Trends and Prospects

The authors analyze the structure of migration flows from China to Russia, the goals of immigrants and the official attitude to them in their historical homeland, features of national character of newcomers. They suggest that differences in the statistical data about Chinese presence in the Russian Federation may be partly overcome by studying Chinese immigration as a component of demographic and economic policies of the PRC.

Key words: Russia's national security, immigration policy, ethnicity, migrant workers, illegal migrants, demographic trends.

V. Samsonova, E. Kim. Migration in the Republic of Korea: Current Status, Problems and Prospects

The current situation in the country in the field of human resources is pushing the South Korean government to develop a new strategy for immigration to meet the global challenges. Migration processes in the RK are multidirectional and diverse in nature. At the same time more and more acute is now a problem of lack of low-qualified workers as well as highly skilled personal in leading industries. In this regard, the priority of migration policy in the South Korea is to recruit foreign professionals and retain national human resources.

Key words: internal migration, overseas compatriots, international marriages, highly skilled workers, the aging Korean population.

E. Pivovarova. On the Question of the "Model" of Social and Economic Development of China

The article describes the essence of the "model" of social and economic development of China, officially called "socialism with Chinese characteristics". It is different from both the classical and the "NEP" socialism and had inherited on practice the idea of implementing "social control of production" at the grassroots and national level.

Key words: NEP, socialism with Chinese characteristics, decision of employment problems, Wen Jiabao, XVI Congress of the CPC.

V. Samartsev. National Power with Chinese Characteristics

Modern computer strategies are quite realistic in simulating conditions of coexistence for different civilizations. The player leads his state from the primitive settlement to a giant empire in a dynamic world, full of threats and challenges. Overindulgence in pursuing one direction of development or tense relations with some neighboring countries result in waste of resources, growth of confrontation and inevitable collapse. On the contrary, by balancing various politics one can expand its zone of influence and claim for a superpower status. It is easy to practice and even succeed in guiding the state, if virtual mistakes are corrected by the game re-loading. But real life situations demand much more expertise and comprehensive analysis.

Key words: China, qualitative and quantitative analysis, economic strength, military capability, public diplomacy.

V. Balakin. The European Experience of Regional Integration For East Asia

There is a tendency to indiscriminately use the term "integration" with respect to any form of convergence of States, including those that should be called "cooperation" or "alliance". This article points out that economic integration projects such as occur not only in Europe but also outside it, particularly in East Asia, drastically differ in form from those of the Old World.

Key words: East Asia, regional integration, European Union, the European experience.

A. Kartunova. The Problem of China at the VII Plenum of the ECCI: Discussion in the Chinese Commission (December, 1926)

The autor reviews the debate at the meeting of Chinese Commission during the VII Enlarged Plenum of the Executive Committee of the Communist International (ECCI) in December, 1926. The Committee was due to assess the current Chinese revolution and its future development. Citing previously unpublished transcripts of the meetings the author notes that there had been no unanimity on almost all the issues discussed by the Commission and members of the delegation of the CPC, and tasks that were set before the party strained its capacity at that time.

Key words: Communist International, the CPC, peasant's problem, hegemony of the proletariat, tactics, united front, bourgeoisie, non-capitalist (socialist) way of development.

F. Sinitsyn. The Soviet-Japanese Confrontation and the "Buddhist Factor" (1927–1945)

The article analyzes the impact of the "Buddhist factor" on the Soviet-Japanese relations during the period of 1925–1945, in particular, its role in political and military confrontation between the USSR and Japan.

Key words: Buddhism, the religious policy of the USSR, Soviet-Japanese relations, the Far East, Buryatia, Kalmykia.

A. Kozlov. Opium: An Important Source of Revenues for British Colonial Administration of Hong Kong in 1900–1941

The article, based on official documents of colonial administration in Hong Kong, sets the task to address the policy, pursued by the British colonial authorities to make opium a legal source of revenues in the first half of the XX century. In defiance of resolutions passed by several international conferences on drug control issues, including the sessions of the Shanghai Commission on Opium (the 100th anniversary of which was celebrated in 2009), Britain used opium trade widely to fund the governance of its domain on the Chinese soil until 1945, when under the US pressure it was forced to ban such activities.

Key words: opium, trade, opium farm, revenues, Sino-British relations, drug trafficking.

Уважаемые авторы журнала «Проблемы Дальнего Востока»!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра «Наука» РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра «Наука» www.paukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.

Сдано в набор 25.06.2012 г. Подписано к печати 30.07.2012 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,0 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 567 экз. Зак. 343

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2012 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.*

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) *На кит. яз.*

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) *На англ. яз.*

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N. ... С. ...

б) *Из Интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.